

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ
ВЪ РОССИИ.

Часть II.

ДВИЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ВЪ
ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ.

Глава I.

Движеніе общественной мысли подъ вліяніемъ борьбы духовной власти со свѣтской.

Противорѣчіе ведетъ впередъ (der Widerspruch ist das Fortleitende), говорилъ Гегель. Это глубокое положеніе какъ нельзя лучше оправдывается исторіей общественной мысли во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Чѣмъ болѣе обостряется взаимная борьба общественныхъ классовъ, тѣмъ быстрѣе движется впередъ общественная мысль. Но такъ какъ взаимная борьба общественныхъ классовъ во всякой данной странѣ опредѣляется, въ послѣднемъ счетѣ, ходомъ ея экономическаго развитія, то всѣ тѣ обстоятельства, которыя замедляютъ этотъ ходъ, задерживаютъ также и движеніе общественной мысли.

Намъ уже знакомы теперь обстоятельства, замедлившія экономическое развитіе Россіи и приведшія къ продолжительному закрѣпощенію государствомъ всѣхъ общественныхъ силъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, можно было бы а priori сказать, что движеніе общественной мысли на Руси должно совершаться очень медленно, сравнительно съ западно-европейскими странами, находившимися въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ экономическаго развитія. Къ этому апіорному выводу можно было бы еще добавить, что, отставая отъ общественныхъ взглядовъ западныхъ европейцевъ, общественные взгляды русскихъ людей станутъ сближаться со взглядами обитателей восточныхъ деспотій въ той самой мѣрѣ, въ какой русскія, т.е. собственно московскія, общественныя отношенія станутъ пріобрѣтать восточный характеръ.

Первымъ сильнымъ толчкомъ къ развитію общественной мысли въ средне-вѣковой Европѣ послужила, какъ извѣстно, взаимная борьба свѣтской и духовной властей. Чѣмъ больше обострялась она, и чѣмъ меньше расположены были противники щадить другъ друга, тѣмъ болѣе щекотливыми становились тѣ политическіе вопросы, которые выдвигались самымъ ходомъ спора. Говорю «политическіе вопросы» потому, что собственно

богословскія позиціи были одинаковы для обѣихъ спорившихъ сторонъ. Для того, чтобы, въ свою очередь, могли стать предметомъ спора эти позиціи, общественное развитіе Западной Европы должно было сдѣлать еще много новыхъ шаговъ впередъ и выдвинуть на историческую сцену новыя, болѣе прогрессивныя общественныя силы. Но и то, что было сказано, напр., во время столкновения Григорія VII съ Генрихомъ IV, представляло собою нѣчто довольно поучительное или, — если вы предпочитаете такъ выразиться, — соблазнительное. Извѣстно, что Григорій VII, отлучивъ императора отъ церкви, объявилъ его лишеннымъ престола. Это вызвало вопросъ: имѣть ли онъ право поступить такъ? А этотъ вопросъ естественно наталкивалъ спорившихъ на разсмотрѣніе новаго и болѣе глубокаго вопроса о существѣ верховной политической власти. Защитники императора объявляли его власть божественнымъ учрежденіемъ. Защитники же папы расположены были смотрѣть на нее совсѣмъ другими глазами. Они говорили, что государи получаютъ свою власть отъ народа и въ интересахъ народа. Поэтому государи должны быть мудры, благочестивы и справедливы. Народы облачаютъ ихъ властью не для того, чтобы подчинить себя деспотамъ, а для того, чтобы имѣть защитниковъ противъ тираніи. Значитъ, если государь становится тираномъ, то онъ самъ нарушаетъ договоръ, связывавшій его съ народомъ, и тогда народъ уже не обязанъ ему повиноваться. Мы видимъ отсюда, что уже въ XI вѣкѣ ¹⁾ публицисты западной Европы приходятъ къ теоріи договора между народомъ и государемъ, игравшей впоследствии такую большую роль въ освободительномъ движеніи третьяго сословія. И надо замѣтить, что у защитниковъ папы мы встрѣчаемъ подчасъ довольно пикантные комментаріи этой идеи. Одинъ изъ нихъ рассуждаетъ такъ. Вообразите, что нѣкто нанялъ человѣка, чтобы пасти своихъ свиней, а наемникъ не только не исполняетъ своей обязанности, но губить ввѣренное ему свиное стадо. Какъ поступить наниматель? Конечно, онъ съ бранью и позоромъ прогонитъ недобросовѣстнаго наемника. А если можно прогнать свиного пастуха, не исполняющаго своей обязанности, то тѣмъ болѣе можно прогнать правителя, злоупотребляющаго своею властью. Право народа на устраненіе дурнаго государя во столько разъ больше права нанимателя на устраненіе свиного пастуха, во сколько достоинство человѣка выше достоинства свиньи. Находчивый авторъ, приводящій этотъ примѣръ, умѣетъ найти возраженіе и противъ извѣстнаго довода, гласящаго,

¹⁾ Императоръ Генрихъ IV былъ отлученъ отъ церкви папой Григоріемъ VII въ 1076 г.

что нѣсть власть еще не отъ Бога. Онъ говоритъ, что тотъ же самый апостолъ, у котораго былъ заимствованъ этотъ доводъ, предпочелъ смерть подчиненію тирану. Вообще, ко власти государя слѣдуетъ относиться съ самымъ большимъ почтеніемъ. Но чтить надо не лицо, а санъ, и разъ данное лицо лишилось своего сана, оно уже теряетъ право на какое-нибудь исключительное почтеніе ¹⁾.

Держась такой точки зрѣнія, можно оправдать самыя рѣшительныя дѣйствія народа противъ дурного правителя. Защитники церкви нерѣдко повторяли слова Иисуса: «я не миръ принесъ, а мечъ». Нѣкоторые,—правда, лишь самые крайніе,—изъ нихъ даже вмѣняли върующимъ въ обязанность убійство тирановъ, а отличительный признакъ тираніи видѣли въ нарушеніи государемъ правъ народа: «истинный государь защищаетъ законы и народную свободу,—писалъ одинъ изъ епископовъ г. Шартра въ XII в.,—тиранъ попираетъ законы ногами и обращаетъ народъ въ своего раба. Первый есть образъ Божій, второй—воплощенный Люциферъ. Перваго надо любить; второго умертвить». Людвигъ Гумпловичъ, можетъ быть, не безъ основанія называетъ епископа, проповѣдававшаго такой взглядъ (Іоанна Сольсберійскаго), первымъ представителемъ доктрины «пропаганды дѣйствіемъ» ²⁾.

Защитники папской власти доходили не только до теоріи договора между государемъ и его народомъ. Обращаясь къ исторіи, они видѣли, что государи сплошь и рядомъ присвоивали себѣ власть помимо какого бы то ни было договора. Изъ этого они дѣлали выводъ весьма неблагоприятный для государей. Въ 1081 г. папа Григорій VII писалъ мецкому епископу: «кто не знаетъ, что свѣтскіе государи обязаны своею властью врагамъ Бога, которыми предводительствуетъ сатана и которые хотятъ господствовать надъ равными себѣ людьми посредствомъ высокомерія, грабежа, измѣны, предательскихъ убійствъ и всѣхъ другихъ преступленій?» Если Іоаннъ Сольсберійскій явился первымъ представителемъ доктрины «пропаганды дѣйствіемъ» ³⁾, то папу Григорію VII можно, пожалуй, назвать однимъ изъ первыхъ вкладчиковъ въ анархическую теорію «анти-этатизма» (противо-государственности).

Западно-европейскіе публицисты того времени,—какъ тѣ, которые стояли за папу, такъ и тѣ, которые защищали императора,—

¹⁾ См. «Die Publizistik im Zeitalter Gregors VII» von Dr. Carl Mirbt, Leipzig, 1894, стр. 227—228.

²⁾ См. его Geschichte der Staatstheorien, Innsbruck, 1905, стр. 98.

³⁾ Первымъ—въ христіанскомъ мірѣ. Въ античномъ мірѣ теорія «пропаганды дѣйствіемъ» была довольно распространенной, но крайней мірѣ, въ известныхъ мѣстностяхъ, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ памятникъ Гирхедію и Аристотолу, красовавшійся на одной изъ площадей Афинъ.

принадлежали почти исключительно къ духовенству. Почти исключительно къ духовенству принадлежали тогда и тѣ читатели, которые интересовались теоретическими вопросами указанного рода ¹⁾. Но столкновение было такъ сильно, что вызванная имъ работа мысли не могла не распространиться, по крайней мѣрѣ отчасти, и на другія сословія, тѣмъ болѣе, что воинствующая церковь очень охотно апеллировала къ народу. Такимъ образомъ, взаимная борьба свѣтской и духовной властей способствовала политическому воспитанію населенія.

То противорѣчіе, которое привело на Западѣ къ только что отмѣченной мною работѣ общественной мысли, существовало и въ Россіи. Здѣсь духовная власть тоже сталкивалась со свѣтской; но здѣсь столкновения этого рода никогда не достигали значительной степени обостренія. Поэтому наши защитники церкви никогда не доходили до такихъ крайнихъ выводовъ, какъ западно-европейскіе, хотя,—необходимо теперь же отмѣтить это,—мысль ихъ начинала иногда работать въ томъ же самомъ направленіи.

Въ теченіе кievскаго періода нашей исторіи глава русской церкви, митрополитъ, былъ независимъ отъ свѣтской власти князей. Онъ выбирался константинопольскимъ патріархомъ, къ которому и должна была обращаться свѣтская власть въ случаѣ какого-нибудь недовольства его ставленникомъ. Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ справедливо замѣчаетъ, что въ то время «духовный владыка русской земли былъ во многихъ отношеніяхъ сильнѣе и вліятельнѣе раздѣленныхъ и враждующихъ между собою свѣтскихъ владыкъ» ²⁾. Такое соотношеніе силъ стало измѣняться въ противоположномъ смыслѣ съ тѣхъ поръ, какъ упрочилась власть московскихъ князей. Московскіе князья начали вмѣшиваться въ дѣла о поставленіи митрополита. Это не могло правиться ни константинопольскому патріарху, ни русскому духовенству. Отстаиваніе правъ константинопольскаго патріарха явилось для этого послѣдняго едва ли не важнѣйшимъ средствомъ защиты своей независимости по отношенію къ свѣтской власти. «Чинъ избранія и поставленія въ епископы» требовалъ отъ новопоставленнаго слѣдующаго знаменательнаго обязательства: «не хотѣти ми примати иного митрополита, развѣ кого поставятъ изъ Царяграда, какъ есми то изначала пріяли». Но власть константинопольскаго патріарха была несрав-

¹⁾ Посвященные этимъ вопросамъ трактаты писались по-латыни. Знаніе же латинскаго языка было тогда почти исключительно принадлежностью духовнаго сословія. Ср. Мирбта, названное соч., стр. 121—130.

²⁾ Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ, «Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ», т. II, стр. 52. Выше было уже указано мною, что татарское его содѣйствовало укрѣпленію независимости духовной власти.

ненно слабѣе власти римскаго папы. Во-первыхъ, на православномъ Востокѣ, кромѣ цариградскаго, были еще и другіе патріархи, мало расположенные поддерживать его въ столкновеніяхъ съ московскими великими князьями. Такъ, напримѣръ, въ 60-хъ годахъ XV в., во время разрыва Москвы съ Константинополемъ, іерусалимскій патріархъ всецѣло былъ на сторонѣ московскаго князя ¹⁾. Во-вторыхъ, принятіе константинопольскимъ патріархомъ флорентійской уніи сильно подорвало его авторитетъ въ Москвѣ. Наконецъ, константинопольскій патріархъ самъ зависѣлъ отъ византійскаго императора. Поэтому его власть надъ русской церковью равносильна была зависимости московскихъ великихъ князей отъ византійской свѣтской власти. Такая зависимость была не въ интересахъ московскихъ князей, и неудивительно, что они старались избавиться отъ нея. Съ тѣхъ поръ, какъ взяты были турками Константинополь, о ней, разумѣется, не могло быть и рѣчи. Тогда постановка вопроса значительно упростилась: тогда споръ свѣтской власти съ духовной сталъ домашнимъ споромъ московскихъ великихъ князей съ московскимъ духовенствомъ. Въ теоріи московское духовенство держалось того убѣжденія, что «ино есть власть церковная, святительская, ино есть власть царская, земная» ²⁾. Но эта теорія такъ неопредѣленна, что допускаетъ самыя различныя толкованія. Вполнѣ признавая, что власть «святительская» представляетъ собою нѣчто совершенно иное, чѣмъ власть «земная», позволительно все таки спросить себя: какая же изъ нихъ выше? На Западѣ соотношеніе общественныхъ силъ въ теченіе долгаго времени рѣшало этотъ послѣдній вопросъ въ пользу «святительской» власти; на Руси, — т. е. опять-таки собственно въ Московскомъ государствѣ, — ходъ общественнаго развитія рѣшалъ его, наоборотъ, въ пользу власти земной — сначала великокняжеской, потомъ царской.

Тамъ, гдѣ всѣ общественныя силы страны были закрѣплены государствомъ, духовная власть не могла остаться независимой отъ свѣтской. И мы видимъ, что сама духовная власть готова поставить свѣтскую на недостижимую высоту. Знаменитый Іосифъ Волоцкой утверждалъ въ своемъ «Просвѣтителѣ», что царь «естествомъ подобенъ есть всѣмъ человѣкамъ, властію же подобенъ вышнему Богу» ³⁾. Это — чисто восточный взглядъ на царя. Въ древнемъ Египтѣ фараонъ до такой степени превосходилъ, по словамъ Мас-

¹⁾ См. М. А. Дьяконова, «Къ исторіи древне-русскихъ церковно-государственныхъ отношеній», «Сб. Историч. общ. при С.-Петербургскомъ университетѣ», т. III, стр. 84.

²⁾ Дьяконова, тамъ же, стр. 88.

³⁾ См. М. А. Дьяконова, «Власть московскихъ государей — очерки изъ исторіи политическ. идей древней Руси до конца XVI в.», Сб. 1889 г., стр. 99.

перо, все его окружавшее, что возникает вопросъ, слѣдуетъ ли смотрѣть на него какъ на человѣка или же, какъ на Бога. «И его подданные въ самомъ дѣлѣ смотрѣли на него, какъ на Бога: они называли его добрымъ богомъ, великимъ богомъ»¹⁾. Конечно, тутъ есть и разница. Московскій глава свѣтской власти по «естеству» продолжаетъ считаться человѣкомъ. Кромѣ того, онъ не «служить» въ храмѣ, какъ это дѣлалъ египетскій фараонъ. Но, какъ правитель, онъ обоготворяется подобно фараону. А это въ данномъ случаѣ главное²⁾.

М. А. Дьяконовъ давно уже указалъ на то, что подчиненіе духовной власти свѣтской обусловливалось у насъ, главнымъ образомъ, экономической зависимостью церковной іерархіи отъ государства³⁾. Церковь была крупнейшимъ землевладѣльцемъ въ Московской Руси. Но мы уже знаемъ, что крупное землевладѣніе совсѣмъ не отличалось у насъ такой независимостью по отношенію къ царской власти, какую мы видимъ на Западѣ. Болѣе того: намъ уже извѣстно, что верховной власти удалось у насъ наложить свою тяжелую руку, между прочимъ, и на крупное землевладѣніе. Церковь не составила въ этомъ случаѣ исключенія изъ общаго правила. Свѣтская власть пошла такъ далеко, что уже при Иванѣ III стала задумываться надъ тѣмъ, могутъ ли монастыри владѣть землями, т. е. надъ вопросомъ объ экспроприаціи церковныхъ земель. Споръ, вызванный этимъ вопросомъ, составляетъ одинъ изъ самыхъ яркихъ эпизодовъ въ исторіи общественной мысли допетровской Руси.

Читатель помнитъ, что, по мнѣнію одного изъ епископовъ г. Шартра, истинный государь защищаетъ законы и народную свободу, между тѣмъ какъ тиранъ попираетъ законы и порабоцаетъ свой народъ. Опираясь на это различіе истиннаго государя отъ тирана, этотъ епископъ приходилъ къ тому выводу, что христіане обязаны повиноваться только первому, а второму должны сопротивляться всѣми мѣрами до тираноубійства включительно. Византійскіе духовные писатели, имѣвшіе такое огромное вліяніе на рус-

¹⁾ Maspero. Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique, Paris, 1895, т. I, стр. 258. Сравни также стр. 263.

²⁾ Тутъ можно еще замѣтить, что и на Востокѣ обоготвореніе монарховъ не всегда было такъ полно, какъ въ Египтѣ. По словамъ Масперо, вавилонскіе короли были въ этомъ отношеніи значительно скромнѣе современныхъ имъ фараоновъ: «Они довольствовались среднимъ мѣстомъ между своими подданными и божествомъ» (тамъ же, т. I, стр. 703). Mutatis mutandis, на подобное среднее мѣсто между богомъ и подданными претендовали и московскіе самодержцы.

³⁾ «Власть московскихъ государей», стр. 114.

скихъ, тоже умѣли различать хорошихъ правителей отъ дурныхъ. Но это различіе приводило ихъ совсѣмъ не къ тѣмъ выводамъ, къ какимъ пришелъ епископъ шартрскій. Въ Изборникѣ Святослава помѣщенъ вопросъ Анастасія Синаита: «да едва убо всякъ царь и князь отъ Бога поставляется?» Этотъ вопросъ разрѣшается въ такомъ смыслѣ: «ови князи и царіе достойни, таковыя чти, отъ Бога поставляются; ови же наки недостойни суще противу достоинству людямъ, тѣхъ недостойнство по Божію поущенію или хотѣнію поставляются... разумѣй и вѣруй, яко противу беззаконіемъ нашимъ тацѣмъ мучителемъ предаемся»¹⁾. Если мучители поставлены Богомъ за наше беззаконіе, то ясно, что намъ слѣдуетъ возставать не противъ нихъ, а противъ самихъ себя, противъ своихъ собственныхъ грѣховныхъ побужденій, т.-е. отвѣчать на угнетеніе покаяніемъ, постомъ и молитвою. Это—крайнее развитіе византійскаго взгляда; дальнѣе этого смиреніе идти не можетъ. При такомъ смиренномъ отношеніи къ правителямъ нѣтъ мѣста для развитія общественной мысли, а есть мѣсто лишь для духовныхъ упражненій. Но безусловнаго смиренія не бываетъ. Не было безусловнымъ и смиреніе русскихъ духовныхъ іерарховъ²⁾. Когда возникъ вопросъ о секуляризаціи церковныхъ имуществъ, московское духовенство стало въ оппозицію къ свѣтской власти. И тогда его теоретики не могли ограничиться разсужденіями о постѣ и молитвѣ. Неизвѣстный авторъ статьи «О свободѣ святыхъ церкви» слѣдующимъ образомъ разграничиваетъ взаимныя обязанности свѣтской и духовной властей: церковный пастырь долженъ молиться за своего временнаго господина; «господинъ же пастыря своего съ вещми церковными (sic!) защищать долженъ есть». Вообще временный господинъ долженъ подчиняться духовной власти и не уклоняться «на десно или на шую» отъ заповѣдей пастыря своего. Съ своей стороны пастырь долженъ защищать права церкви «храбрѣ даже до своего кровопролитія, т.-е. рискуя своей жизнью»³⁾. Это ужъ далеко не такъ смиренно, такъ отвѣты Анастасія Синаита.

Въ Новгородѣ, духовенство котораго дважды вынуждено было,

¹⁾ М. А. Дьяконова, «Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси», Спб. 1908, стр. 400. У г. Дьяконова рѣчь идетъ объ изборникѣ 1073 г.

²⁾ Оно не было таковымъ, между прочимъ, и въ Византіи. При случаѣ византійское духовенство умѣло оказать свѣтской власти довольно дѣлательное сопротивленіе, какъ это показывается исторіей иконоборства. Но, говоря вообще, духовная власть была сильно подчинена въ Византіи свѣтской власти, и это обстоятельство наложило свой глубокій слѣдъ на тѣ общественныя теоріи, которыя приняты въ намѣ жъ Византіи вмѣстѣ съ христіанскимъ духовенствомъ.

³⁾ В. Жмакинъ «Митр. Даниилъ», стр. 94, примѣч. 2-е. Цитировано у Дьяконова, «Власть московскихъ государей», стр. 127.

какъ извѣстно, уступить значительную часть своихъ земель московскому великому князю Ивану III, включено было въ «чинъ Православіи» слѣдующее проклятіе: «вси начальствующи и обидящи святія божія церкви и монастыреве, отнимающе у нихъ данныя тѣмъ села и винограды, аще не престанутъ отъ такового начинанія, да будутъ прокляты». Это проклятіе повторялось, повидимому, и въ другихъ епархіяхъ, по крайней мѣрѣ, въ XVII вѣкѣ¹⁾.

Въ высшей степени замѣчательно, что споръ о церковныхъ имуществѣхъ побудилъ русскихъ духовныхъ писателей обратиться къ латинскимъ источникамъ и заимствовать изъ нихъ теорію двухъ мечей: вещественнаго и духовнаго. Эта теорія развивается въ «Словѣ краткомъ противу тѣхъ, иже въ вещи священные подвижныя и неподвижныя соборныя церкви вступаются и отымати противу спасенія души своея дерзають, заповѣди божіи и церковныя презирающе и православныхъ царей и великихъ князей истинное съ клятвою законоположеніе разоряюще и заповѣди божіи пріобидяще». По мнѣнію автора этого слова, пастыри церкви должны прежде всего дѣйствовать духовнымъ мечомъ «даже и до своего кровопролитія», а также и до преданія противниковъ анаемѣ. Однако, на этомъ имъ не слѣдуетъ останавливаться. Если «непослушныи не сотворятъ повелѣнія и сопротивнии пребудутъ, не хотяще наказатися, ни выи своихъ гордыхъ пастыремъ подклони ти», тогда помощью «плечій мирскихъ дѣйствовать могутъ мечемъ вещественнымъ на отвращеніе силы сопротивныхъ». Въ доказательство авторъ ссылается на общее отношеніе духовной власти къ свѣтской. Свѣтская власть ниже духовной, и эта послѣдняя не должна уступать ей при ея посягательствахъ. «Понеже по апостольскому ученію паче подобаетъ повиноваться Богу, нежели человѣкомъ. Миретин бо властелии чловѣцы суть: тѣло отъяти могутъ, души же ни»²⁾.

¹⁾ Въ московской Типографской библіотекѣ есть рукописный свѣдѣніе, по которому совершался чинъ православія въ *Роскошъ въ 1642 году*, и въ которомъ противъ анаемы «та обидящихъ святія Божія церкви и монастыри» сдѣлана замѣтка для протоіереевъ: «возгласи пельми!» (А. Павловъ, «Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи», часть I, Одесса 1871 г., стр. 51).

²⁾ Дьяконова, тамъ же, стр. 127. Сравни его же «Очерки общественнаго государственнаго строя древней Руси», стр. 417. Впрочемъ, надо замѣтить, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, авторъ «Слова» былъ западно-русскою. Мнѣніе это подтверждается указаніемъ на его хорошее знакомство съ католической каноникою. Но, какъ замѣтилъ А. Павловъ, и въ московскомъ государствѣ, — въ Новгородѣ, — были люди, знавшіе латинскій языкъ и католическое богословіе. А. Павловъ сазонался къ тому предположенію, что слово написано было, именно, въ Новгородѣ (см. названное сочиненіе, стр. 62—63, примѣчаніе).

Даже Иосифъ Волоцкой, готовый обожествлять верховнаго представителя свѣтской власти, по выраженію М. А. Дьяконова, внести къ своему ученію революціонную поправку относительно царя, надъ которымъ царствуютъ скверныя страсти и грѣхи, лукавство и неправда, гордость и ярость, невѣріе и хула. Такой царь, учить благочестивый Иосифъ, не только не Богъ, а даже «не Божій слуга, но дьяволъ, и не царь, но мучитель». Иосифъ совѣтуетъ не повиноваться такому царю: «и ты убо такого царя или князя да не послушаеши, на нечестіе и лукавство приводица ты, аще мучить аще смертію претитъ»¹⁾. Конечно, поправку эту можно признать революціонной лишь съ большою оговоркой: у нашего автора рѣчь идетъ только о пассивномъ сопротивленіи «мучителю»; мы ни слова не слышимъ отъ него о томъ активномъ сопротивленіи недостойному государю, о которомъ такъ горячо распространялись на Западѣ еще Григорій VII и его сторонники. Но какъ бы тамъ ни было, это опять уже не только постъ и не только молитва. Мы видимъ, что наша церковь тоже не была безусловной сторонницей покорности свѣтской власти. Ея теоретики проповѣдывали покорность только тогда, когда считали ее согласной съ интересами своего сословія. А когда этимъ интересамъ грозила опасность со стороны свѣтской власти, они замѣняли проповѣдь покорности проповѣдью сопротивленія, хотя бы и пассивнаго. Говоря о соборѣ 1503 года,—на которомъ было поднято вопросъ о монастырскихъ владѣніяхъ,—одинъ изъ историковъ нашей церкви замѣчаетъ: «Если, можетъ быть, великій князь ожидалъ и рассчитывалъ, что архіереи выдадутъ монаховъ, то онъ совершенно ошибался. Архіереи были изъ тѣхъ же монаховъ и принимали къ сердцу интересы послѣднихъ, какъ свои собственные»²⁾. Какъ выражается тотъ же историкъ, «у членовъ собора нашлось мужество съ рѣшительной твердостью возстать на защиту монастырскихъ имуществъ». Они сослались на то, что еще евреи приносили въ даръ Богу дома и нивы, и что «святые еврейскіе имѣли города волости и селы, которые не могли быть продаваемы и отдаваемы и имѣли оставаться ихъ одержаніемъ вѣчнымъ». Кромѣ того, они привели длинный рядъ подобныхъ же примѣровъ изъ византійской и русской исторіи. Не довольствуясь этимъ, они сочли нужнымъ

¹⁾ Дьяконовъ, «Очерки», стр. 416. Иосифъ сдѣлалъ эту «революціонную» прибавку къ своему ученію не въ спорѣ о монастырскихъ владѣніяхъ, а въ спорѣ о томъ, нужно или не нужно преслѣдовать ересь «схизматствующихъ». Но это тѣмъ болѣе указываетъ дѣло, что «схизматствующие» тоже стояли за секуляризацию церковныхъ имуществъ, послѣдствіе чего довольно долго пользовались весьма замѣтнымъ сочувствіемъ Ивана III.

²⁾ Е. Голубинскій, «Исторія русской церкви», 1-я половина 2-го тома, Москва 1909, стр. 683.

указать даже на языческий Египетъ, гдѣ жрецы имѣли свои земли, неприкосновенныя для фараона ¹⁾. Словомъ, духовные отцы пустили въ оборотъ весь запасъ своихъ историческихъ свѣдѣній и всѣ силы своей логики. Этого, какъ нельзя болѣе важный для нихъ, споръ направилъ ихъ мысль въ ту самую сторону, въ которую уже давно устремилась мысль римско-католическаго духовенства. Одинаковыя причины всегда порождаютъ одинаковыя слѣдствія. И если бы это столкновение духовной власти со свѣтской обострилось у насъ до такой степени, до какой обострились подобныя столкновения на Западѣ, то можно съ увѣренностью сказать, что и наши духовные писатели не побоялись бы тѣхъ крайнихъ выводовъ, къ которымъ приходили теоретики западнаго духовенства. Между этими писателями нашлись бы, какъ и на Западѣ, свои горячіе проповѣдники активнаго сопротивленія и даже свои «монархомахи». Очень возможно, что въ роли теоретическаго монархомаха не затруднился бы выступить самъ Іосифъ Волоцкой. Но для этого не было, да при указанныхъ московскихъ условіяхъ и не могло быть, достаточной общественной причины.

Споръ о монастырскихъ имѣніяхъ, толкнувшій мысль московскихъ духовныхъ публицистовъ въ ту самую сторону, въ которую такъ рано и такъ смѣло пошла мысль западныхъ духовныхъ монархомаховъ, очень скоро окончился мировой сдѣлкой. Иванъ III покинулъ мысль о секуляризаціи монастырскихъ имѣній и даже согласился на жестокое преслѣдованіе ненавистныхъ православному духовенству «жидовствующихъ», которыхъ онъ еще такъ недавно и такъ недвусмысленно поддерживалъ. А это, въ свою очередь, повело къ тому, что мысль духовныхъ писателей перестала развиваться въ оппозиціонномъ направленіи. Въ томъ, что М. А. Дяконовъ называетъ революціонной прибавкой къ ученію Іосифа Волоцкаго о свѣтской власти, теперь уже не было никакой надобности, и потому о ней позабылъ самъ Іосифъ.

М. А. Дяконовъ замѣчаетъ, что Волоцкой со своими учениками и послѣ уступки Ивана III старался «поставить авторитетъ священства выше авторитета государственной власти», такъ какъ не былъ увѣренъ въ ея стойкости ²⁾. Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что Іосифъ вспомнилъ бы о своей «революціонной» прибавкѣ, а главное, вложилъ бы въ нее дѣйствительно революціонное содержаніе, если бы свѣтская власть рѣшилась отобрать монастырскія имуществва. Но московскіе князья уже не повторяли своей попытки или, по крайней мѣрѣ, избѣгали дѣлать это

¹⁾ Голубинскій, тамъ же, примѣчаніе къ стр. 634.

²⁾ «Власть московскихъ государей», стр. 129.

открыто. Имъ невыгодно было возстановлять противъ себя духовенство, такъ сильно содѣйствовавшее укрѣпленію и расширенію ихъ собственной власти. При томъ же не надо думать, что, отстаивая свои недвижимыя имущества, духовная власть сдѣлалась независимой по отношенію къ свѣтской. Напротивъ, сохраненіе церковью своихъ имуществъ надолго сдѣлалось причиной новаго усиленія и упроченія зависимости «святительской» власти отъ земной. Опасеніе потерять эти имущества располагало «святителей» ко все большей и большей уступчивости. Церковь стала подчиняться государству даже въ такихъ случаяхъ, когда рѣчь шла о важнѣйшихъ вопросахъ церковной организаціи. Проф. Н. Ѳ. Кантеревъ отмѣчаетъ тотъ, дѣйствительно, весьма знаменательный фактъ, что, когда Федоръ Ивановичъ вздумалъ учредить у насъ патриаршество, то онъ, по свидѣтельству статейнаго списка, «помысли со своею благовѣрною христіанскою царицею Приною», обратился за совѣтомъ къ боярамъ и, когда они одобрили его мысль, поручилъ Борису Годунову вступить въ переговоры съ антиохійскимъ патриархомъ Іоакимомъ. «На участіе въ этомъ церковномъ дѣлѣ какого-либо духовнаго лица, а тѣмъ болѣе цѣлаго собора іерарховъ, нѣтъ и намека», говоритъ г. Кантеревъ. «Очевидно, участіе духовныхъ властей въ обсужденіи вопроса объ учрежденіи у насъ патриаршества считалось пока совершенно излишнимъ»¹⁾.

Легко представить себѣ поэтому, каково могло быть значеніе патриарха въ общественной жизни московскаго государства. Поставленный по замыслу свѣтской власти, онъ былъ силенъ и вліятеленъ только до тѣхъ поръ, пока ей подчинялся. Это убѣдительно показываетъ судьба Никона.

По словамъ Н. Ѳ. Кантерева, еще нѣкоторые современники пресловутаго патриарха высказывали ту догадку, что онъ «и самаго патриаршества былъ лишенъ въ дѣйствительности вовсе не за церковныя или за что-либо духовное, а за землю и за вотчины, которыя онъ такъ неразборчиво пріобрѣталъ. Выходило, по ихъ представленію, что корыстолюбивая политика Никона грозила въ дальнѣйшемъ чрезмѣрнымъ увеличеніемъ патриаршихъ владѣній, и по этой только причинѣ его непремѣнно надо было удалить съ патриаршей каведры»²⁾. Проф. Кантеревъ полагаетъ, что такой взглядъ современниковъ на дѣло Никона имѣлъ серьезное основаніе въ дѣйствительности.

Въ томъ-то и дѣло, что уступка, на которую пошелъ Иванъ III

¹⁾ «Патриархъ Никонъ и царь Алексей Михайловичъ», томъ II, стр. 57. Впрочемъ, проф. Кантеревъ могъ бы замѣтить, что еще гораздо раньше начинъ протеста противъ флорентійской уніи взяла на себя не духовная власть, а свѣтская.

²⁾ Тамъ же, стр. 167.

въ вопросѣ о монастырскихъ земляхъ, не была такъ велика, какъ это могло бы показаться съ перваго взгляда. Правда, земли остались въ рукахъ духовенства; но московское правительство приняло всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы подчинить распоряженіе ими своему контролю. Извѣстно, что почти все архіерейское управленіе находилось въ рукахъ не духовныхъ, а свѣтскихъ лицъ: архіерейскихъ бояръ, дворецкихъ и дьяковъ, на разсмотрѣніе которыхъ нерѣдко поступали даже собственно духовныя дѣла. И вотъ этихъ-то лицъ московское правительство постаралось подчинить своей власти. Согласно постановленію Стоглаваго собора, архіереи не имѣли права назначать и увольнять безъ согласія царя своихъ свѣтскихъ чиновниковъ. «Такимъ образомъ,—говоритъ проф. Каптеревъ,—въ лицѣ архіерейскихъ бояръ, дворецкихъ и дьяковъ, назначаемыхъ и увольняемыхъ царемъ, все епархіальное управленіе архіерея, а также и патріарха, необходимо было подчинено очень чувствительному и стѣснительному... контролю свѣтской власти» ¹⁾. Само собою понятно, что этимъ раздражалось духовенство. Уже до Никона мы встрѣчаемъ владыкъ, склонныхъ «къ возгорженію на царскую державу». Однимъ изъ такихъ владыкъ былъ новгородскій митрополитъ Кипріанъ, который занималъ въ Новгородѣ касседу за 16 лѣтъ до Никона и былъ какъ бы его «примымъ предшественникомъ». Свѣтская власть была очень недовольна «неправдами и непригожими рѣчами Кипріана» ²⁾, имѣвшими самое непосредственное отношеніе къ только что указанному, весьма стѣснительному для духовныхъ владыкъ, контролю свѣтской власти. Противъ того же контроля ополчился и патріархъ Никонъ.

«И егда повелитъ царь быти собору,—жаловался онъ,—тогда бываетъ; и кого велитъ избрати и поставити архіереевъ,—избираютъ и поставляютъ; и кого велитъ судити и обсуждати, и они судятъ и обсуждаютъ и отлучаютъ. И вся елика суть во епархїи патріаршаго имѣнія, царское величество на свои протори емлетъ, и гдѣ велитъ, дають безчинно. Сице и отъ митрополичихъ епархій, и отъ архіепископскихъ и епископскихъ, и честныхъ и великихъ монастырей имѣнія, по повелѣнію его, емлютъ, и людей на службу, и хлѣбъ и деньги повелѣніемъ своимъ велитъ взять и возмутъ немилостиво и дани тяжки. И еще весь родъ христіанскій утягчи данми сугубо и трегубо и вянцше и нѣчто бываетъ на пользу» ³⁾.

Противорѣчіе ведетъ впередъ. Никонъ вовсе не склоненъ былъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 73.

²⁾ Н. О. Каптеревъ, тамъ же, стр. 214.

³⁾ Тамъ же, стр. 193.

Патріархъ Никонъ.

думать объ интересахъ народа. Но разъ вступивъ въ борьбу со свѣтской властью, стѣснявшей духовенство, онъ вспомнилъ и объ этихъ интересахъ. Онъ утверждалъ, что отъ неправды и насилій царя плачутъ не только «мати его святая великая соборная церковь», но и весь православный народъ: «Государь царь за едино слово, аще кто о правдѣ молвить, языки рѣжетъ, и руки и ноги отѣкаетъ, въ заточеніе невозвратное посылаетъ, забывая смертный часъ, аки безсмертенъ и не чая будущаго суда Божія». Въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху Никонъ характеризуетъ дѣятельность царя слѣдующими сильными выраженіями: «И весь родъ христіанскій утагчи данми сугубо и трегубо и вящше и ничто бываетъ въ пользу». Въ письмѣ къ самому царю Никонъ доходитъ до ѣдкаго сарказма: «Ты всеѣмъ проповѣдуешь постити,—пишеть онъ,—а нишѣ и невѣдомо кто не постится; скудости ради хлѣбныя во многихъ мѣстахъ и до смерти постятся и ѣсть нечего; и нѣсть, кто бы помиловать былъ, но отъ начала царствія твоего вси купно отписаны давидскимъ беззаконнымъ отписаніемъ: нищіе и маломощные, слѣпые, хромые, вдовицы и черницы, и всеѣ данми обложены тяжкими и неудобъ искусными,—вездѣ плачь и сокрушеніе, вездѣ стenanіе и вoadыханіе, и нѣсть ницого веселящася во днехъ сихъ»¹⁾.

Всеѣ эти жалобы и упреки Никона были совершенно основательны. Какъ мало церемонился «тинайшій» царь со своими «богомольцами», показывается, между прочимъ, слѣдующій трагикомическій эпизодъ съ казначеемъ монастыря преп. Саввы Сторожевского Никитой. Почтенный клирикъ сильно запилъ и въ пьяномъ видѣ сталъ вести себя не совсѣмъ благообразно. Тогда Алексѣй Михайловичъ приказалъ держать его въ кельѣ подъ арестомъ, а для вѣрности поставить къ дверямъ его кельи стрѣльцовъ. Никита обидѣлся этимъ и написалъ кому-то, что царь его обезчестилъ. Слухъ о письмѣ дошелъ до Алексѣя Михайловича, который, съ своей стороны, отправилъ грозное посланіе бѣдному Никитѣ. «Да ты жъ, сатанинъ угодникъ,—грозилъ онъ въ своемъ письмѣ,—пишешь къ друзьямъ своимъ и вычитаешь безчестіе свое вражье, что стрѣльцы у твоей кельи стоятъ. И дорого добръ, что у тебя, скота, стрѣльцы стоятъ. Лутче тебя и честиѣ тебя и у митрополитовъ стоятъ стрѣльцы, по нашему указу, которой владыко тѣмъ же путемъ ходить, что и ты, окаянный». Проф. Каптеревъ совершенно справедливо замѣчаетъ по этому поводу: «Очевидно, Алексѣй Михайловичъ приказывалъ, какъ обычное дѣло, выдерживать подъ арестомъ и

¹⁾ Тамъ же, стр. 196.

самих митрополитовъ, если который владыка начинать вести себя такъ же неблаговидно, какъ и самвинскій казначей Никита»¹⁾. Алексѣй Михайловичъ считалъ обычнымъ дѣломъ не только сажаніе подъ арестъ зашибавшихъ хмѣлемъ прелатовъ. Никонъ сообщалъ: «А келейную-де его рухлядь всю, по указу великаго государя, бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой съ товарищи перебирали, и пересматривали, и переписывали и изъ той ево келейные рухляди лутчее все изволилъ великій государь взять на себя, государя». Это было совершенно въ духѣ московскаго и вообще восточнаго деспотизма: подданный, какъ бы высоко ни стоялъ онъ на общественной лѣстницѣ, владѣлъ своею «рухлядью» лишь до тѣхъ поръ, пока это было угодно земному богу—государю.

Недовольный зависимымъ положеніемъ церкви, энергичный Никонъ выдвинулъ ту самую теорію, на которую опирались папы въ своей борьбѣ со свѣтской властью. Онъ утверждалъ, что «власти небесныя, сиречь духовныя, презрядѣйше суть, нежели міра сего или временныя», и что поэтому «царь имать быти менѣе архіерея»²⁾. Цари не должны были, по его мнѣнію, «сприкасатися намъ, помазанникомъ Божиимъ, судомъ и управою чрезъ каноны»³⁾. Но если римскіе папы могли въ подтвержденіе этой теоріи выставить дѣйствительную,—и сравнительно очень большую,—общественную силу, то Никонъ въ состояніи былъ подкрѣпить ее только ссылками на апостоловъ и на святого духа. Этого было слишкомъ мало. Однако, разъ возникшій споръ надо было кончить, и свѣтская власть была по своему исполнѣ права, добиваясь его рѣшенія въ свою пользу.

Проф. Кантеревъ превосходно говоритъ: «Напрасно думаютъ нежеланіе царя возстановить Никона на патріаршей кафедрѣ объяснить только происками и интригами враговъ Никона, ненавистью къ нему бояръ и вообще лицъ, тѣмъ-либо имъ оскорбленныхъ—въ дѣйствительности причина паденія и окончательнаго осужденія Никона лежала глубже: она заключалась въ тѣхъ воззрѣніяхъ Никона на относительное достоинство священства и царства, какія онъ такъ откровенно рѣзко высказалъ послѣ удаленія съ патріаршей кафедры. Конечное осужденіе Никона сдѣлалось прямо государственной необходимостью, этого требовали интересы верховной государственной власти, безотносительно къ церковной реформа-

¹⁾ Н. О. Кантеревъ, тамъ же, стр. 74.

²⁾ Н. О. Кантеревъ, тамъ же, стр. 129.

³⁾ Тамъ же, стр. 130.

торской дѣятельности Никона, къ тѣмъ симпатіямъ и антипатіямъ, какія питали къ нему тѣ или другія лица» ¹⁾).

Но кто же могъ осудить Никона? Только церковный соборъ. Было ли въ интересахъ духовенства безусловное осужденіе чловека, главная вина котораго заключалась въ томъ, что онъ хотѣлъ поставить духовную власть выше свѣтской? При всей своей угодливости по отношенію къ свѣтской власти русское духовенство должно было сознавать, что это вовсе не въ его интересахъ. Опасаясь его оппозиціи, «тишайшій» царь обратился къ восточнымъ патріархамъ, на которыхъ онъ могъ вполне разсчитывать, такъ какъ они не переставали докучать ему самыми назойливыми и подчасъ поистинѣ безстыдными просьбами о «милостыняхъ». Алексѣй Михайловичъ легко могъ сообразить и то, что интересы греческаго духовенства совсѣмъ не затрагивались стѣсненіемъ правъ духовной власти въ предѣлахъ Московскаго государства. Греки не обманули его ожиданій. На соборѣ 1667 г. они всѣми силами поддерживали царскія притязанія. Если бы исходъ преній на соборѣ зависѣлъ только отъ нихъ, то духовная власть Московскаго государства не только на практикѣ, но и въ теоріи была бы совершенно подчинена свѣтской. Этому отчасти помѣшала оппозиція со стороны русскаго духовенства. Деспотическій и несдержанный Никонъ былъ очень нелюбимъ своими подчиненными. Присутствовавшіе на соборѣ 1667 г. русскіе духовные владыки ровно ничего не имѣли противъ его изложенія. Тутъ они были цѣликомъ согласны съ царемъ и съ греками. Но ихъ настроеніе рѣзко измѣнилось, когда рѣчь зашла о взаимномъ отношеніи двухъ властей. Тогда русскіе владыки если не совершенно перешли на сторону Никона, то все-таки отказались согласиться съ греческими бродягами, — какъ называлъ ихъ подсудимый патріархъ, — головой выдававшими царю московское духовенство. Интересенъ дипломатическій доводъ, выдвинутый ими противъ грековъ. Мы уже знаемъ, что Никонъ ѣдко обвинялъ царя въ жестокомъ угнетеніи церкви. Его бывшіе подчиненные, оспаривавшіе ученіе греческихъ іерарховъ о подчиненіи царю духовной власти, выражались мягче и дипломатичнѣе. Они говорили грекамъ, что если бы въ Московскомъ государствѣ всегда были такіе добрые люди, какъ Алексѣй Михайловичъ, то церковь не пострадала бы отъ своего подчиненія имъ. Но со временемъ могутъ явиться менѣе благодушные государи, и тогда церкви придется плохо. Въ отвѣтъ на это греческіе «бродяги», — устами хитрѣйшаго Памсія Лигарида, — лицемерно выразили почтительное убѣжденіе въ томъ, что у такого добраго царя, какъ Алексѣй Михайловичъ, не

¹⁾ Н. О. Кантеревъ, тамъ же, стр. 206—207.

можетъ быть злыхъ наслѣдниковъ, и что поэтому теоріи, подчиняющая духовную власть свѣтской, никогда не принесетъ вреда русской церкви¹⁾. Само собою понятно, что этотъ лицемѣрно и нелѣпо оптимистическій доводъ не могъ успокоить русскихъ архіереевъ; но силъ за ними не было, ихъ положеніе на соборѣ становилось затруднительнымъ, и они, вѣроятно, съ облегченіемъ вздохнули, когда греки согласились на сдѣлку, состоящую въ признаніи теоріи «двухъ свѣтильниковъ». Какъ въ природѣ есть два свѣтильника, одинъ изъ которыхъ свѣтитъ только днемъ, а другой только ночью, такъ и въ государствѣ должно быть двѣ власти, одна, заведующая духовными дѣлами, а другая—свѣтскими. Ни одна власть не должна вмѣшиваться въ дѣла, подчиненныя другой. Собственно говоря, такая теорія ровно ничего не рѣшала по своей крайней растяжимости²⁾. Но для слабой стороны всегда гораздо выгоднѣе оставить спорный вопросъ неразрѣшеннымъ, чѣмъ согласиться на категорическое рѣшеніе его въ пользу сильнаго противника. Кромѣ того, московское правительство, которому съ тылу угрожало расколъ, вызванный исполнѣ одобренными имъ церковными «новшествами» Никона, въ свою очередь, не могло не пойти на нѣкоторыя уступки въ области практики. Такъ, напримѣръ, уничтоженъ былъ, хотя и не такъ скоро послѣ собора, ненавистный

1) Во 2-мъ томѣ своего интереснаго сочиненія проф. Каптеревъ даетъ, можно сказать, всестороннюю характеристику Павсія Лигариды. Оказывается, что этотъ свѣтлинникъ перешелъ не только на латинскій и облатинизмъ (см. стр. 269, 271, 272 и 273 2-го тома), но считался «латынникомъ» и былъ одою время отлученъ отъ церкви и даже проклятъ іерусалимскимъ патриархомъ. Предустремительный Алексѣй Михайловичъ настоятельно хлопоталъ о снятіи съ Павсія Лигариды отлученія и проклятія и о возстановленіи его въ правахъ гласнаго иеромонаха. Какъ и слѣдовало ожидать, хлопоты его увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Москва заплатила іерусалимскому патриарху за прощеніе Павсія болѣе тысячи рублей, что по тому времени составляло довольно крупную сумму (стр. 509, 511, 517 того же тома). Для характеристики Лигариды имѣетъ также большое значеніе стр. 517 того же тома названнаго сочиненія.

2) Теорія двухъ свѣтильниковъ держалась и теоретически римско-католическаго духовенства. Но у нихъ она получила совершенно другой смыслъ, несомнѣнно, болѣе сообразный съ требованіемъ логики. Одинъ изъ двухъ существующихъ въ природѣ свѣтильниковъ замѣстуетъ свой свѣтъ отъ другого. Какая же власть должна играть роль дупи: свѣтская, или духовная? Въ этомъ была вся вопросъ. Среднебюзовые теоретики западно-европейскаго духовенства смѣло подходили къ нему и, не колеблясь, рѣшали его въ пользу духовной власти. А теоретики восточнаго духовенства, участвовавшіе на московскомъ соборѣ 1667 г. и тоже выдвигавшіе теорію двухъ свѣтильниковъ, не имѣли мужества коснуться того, что составляло ея сущность. Они придали ей логически неправильное толкованіе, и единственно поэтому могли воспользоваться ею для компромисса. Никакая общественная теорія нигдѣ не развивается сама изъ себя, своею внутреннею силой; вслѣдъ и вслѣдъ развитіе всякой данной общественной теоріи определяется отношеніемъ общественныхъ силъ.

Никону монастырской приказъ, сильно стѣснявшій духовенство въ распоряженіи его имуществомъ и дѣлами. Но эта практическая уступка тоже не имѣла существеннаго значенія, потому что значительная часть дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію монастырскаго приказа, перешла въ приказъ Большого Двора.

Свѣтская власть все-таки не забыла своего столкновенія съ патриархомъ Никономъ. Недодѣланное Алексѣемъ Михайловичемъ, было додѣлано Петромъ Алексѣевичемъ, который, какъ извѣстно, совсѣмъ упразднилъ въ Россіи званіе патриарха. Съ учрежденіемъ синода ни о какихъ столкновеніяхъ свѣтской власти съ духовной не могло быть у насъ и рѣчи. Съ этихъ поръ склоннымъ къ теоретическимъ упражненіямъ церковнымъ іерархамъ оставалось лишь доказывать «правду воли монаршей». Сомнѣваться въ этой правдѣ имъ рѣдко приходило въ голову. А если когда и приходило, то они все таки предпочитали благоразумное молчаніе¹⁾. Нечего и говорить, что съ тѣхъ поръ никто изъ нихъ ни разу не рѣшился поставить свѣтской власти на видъ,—какъ это сдѣлать когда-то ехидный Никонъ,—до какой степени излишне рекомендовать постъ народу, уже и безъ того осужденному ею на непрерывное недоѣданіе. Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи я могу не заниматься вопросомъ объ отношеніи русской духовной власти къ свѣтской, такъ какъ оно уже не давало ровно никакого матеріала для послѣдующаго развитія русской общественной мысли.

¹⁾ Известно, что «исѣбоблеститель патриаршаго престола» Стефанъ Яворскій не одобрялъ реформъ Петра и даже позволялъ себѣ иногда въ своихъ проповѣдяхъ кощавіи выходи противъ нихъ. Но какъ легко было Петру привести его въ трепетъ, показавъ извѣстное дѣло «еретика» Твѣрдинова. Стефанъ Яворскій попалъ себя въ этого дѣла несогласно съ царской волей; Петръ разсердился, и на-смерть испуганный мѣстоблюститель явился передъ нимъ въ такомъ выраженіи: «Великодержавнѣйшій царь, государь премилостивѣйшій! Въ настоящее время великострастного пинка, егда Христосъ на крестѣ гласитъ кнѣзю великому: отче! отпусти имя, — жезло себѣ и азъ подражать Христу. Сего ради въ зашему царскому величеству, аки въ общему войхъ насъ отцу, припадаю, воиже отче! отпусти. Тако Христосъ гласитъ: не вѣдать бо что творять, не вѣдать и азъ, аки то дѣло, еже сотворишъ, неудобно мнѣ бати предъ нашими царскими величествомъ. Аще же въ невѣжествѣ согрѣшихъ, убо грѣхъ мой достоинъ есть прощенія, ибо и Павелъ апостолъ плаголетъ: гонитъ, рече, но премногу церкви Божіе, по сего ради помилованъ бывъ яко въ невѣжествѣ сіе сотвориша». См. соч. Тихонравова, т. II, «Русская литература XVII и XVIII вв.», Москва 1898, стр. 275. Униженіе выражаться невозможно. Униженіе, павѣрно, иногда не выражалось и духовные іерархи «растлѣнной Византіи».

Глава II.

Движеніе общественной мысли подъ вліяніемъ борьбы дворянства съ боярствомъ.

Если первымъ крупнымъ побужденіемъ къ развитію общественной мысли въ средневѣковой Европѣ послужила борьба свѣтской и духовной властей, то второй, гораздо болѣе крупный и несравненно болѣе плодотворный, толчокъ данъ былъ освободительнымъ движеніемъ третьяго сословія. Общественно-политическое вліяніе этого движенія было такъ велико, что даже развитіе абсолютной монархіи въ передовыхъ странахъ европейскаго материка можетъ быть разсматриваемо лишь какъ одинъ изъ его эпизодовъ. Для примѣра можно указать на Францію, бывшую нѣкогда классической страной феодализма. Борясь съ феодалами, французскіе короли опирались именно на третье сословіе, которому выгодно было усиливать монархическую власть на счетъ власти землевладѣтельской аристократіи. Я уже указалъ (см. Введеніе) на ту относительную, — однакоже, совсѣмъ немаловажную, — особенность русскаго историческаго процесса, которая вызвана была экономическою отсталостію Московской Руси и заключалась въ томъ, что русскіе монархи въ своей борьбѣ съ крупнымъ землевладѣніемъ опирались не столько на горожанъ, сколько на мелкое служилое сословіе, съ теченіемъ времени получившее названіе дворянства. Эта особенность, какъ и слѣдовало ожидать, отразилась также и на исторіи нашей общественной мысли. Во Франціи замѣчательнѣйшими публицистами, отстаивавшими права королевской власти, были идеологи третьяго сословія, къ числу которыхъ нельзя не отнести, между прочимъ, знаменитаго Жана Бодэна, называемаго предшественникомъ Монтескье. Въ допетровской Руси наиболѣе выдающимся теоретикомъ московскаго абсолютизма является человѣкъ, обѣими ногами стоявшій на точкѣ зрѣнія мелкаго служилаго сословія: старшій современникъ Жана Бодэна, царскій «холопъ Иванецъ Семеновъ сынъ Пересвѣтовъ».

І. С. Пересвѣтовъ былъ родомъ изъ Литвы, откуда издавна приходило въ Москву много всякаго рода пекателей счастья ¹⁾. Положимъ, ему въ Москвѣ не повезло: хотя онъ и получилъ помѣстье, однако, оно скоро запустѣло. Но этотъ неудачникъ написалъ нѣсколько сочиненій, которыя заключали въ себѣ цѣлую программу внутренней и внешней политики, удивительнымъ образомъ совпадавшую съ важнѣйшими, — частью лишь значительно позже возникшими, — планами Ивана Грознаго.

Прежде чѣмъ пріѣхать въ Москву, нашему публицисту пришлось немало постранствовать. Онъ служилъ въ Молдавіи, въ Венгріи и въ Богеміи. Но интересно, что въ своихъ сочиненіяхъ онъ апеллировалъ не къ Западу, а къ Востоку. Идеаломъ служилъ ему «турецкій царь Махметъ-салтанъ», который былъ, по его увѣренію, «философъ мудрый по своимъ книгамъ по турецкимъ», а потомъ прочелъ греческія книги, вслѣдствіе чего «великія мудрости прибыло у царя» ²⁾.

Пересвѣтовъ всей душой ненавидитъ «велможъ». Онъ неустанно повторяетъ, что отъ нихъ идетъ все зло въ государствѣ. Для доказательства этого положенія нашъ публицистъ написалъ даже особое «Сказаніе о царѣ Константинѣ». Герой этого сказанія — тотъ «благовѣрный царь Константинъ Ивановичъ», при которомъ «Царьградъ взятъ бысть отъ турецкаго царя Махмета». Въ Константинѣ была «ангельская сила», и онъ родился такимъ воиномъ, что отъ его меча «вся подсолнечная не могла сохранитися». Но его «укротили» велможи, имѣніе на него самое вредное вліяніе и своими неправдами навлекшіе на Царьградъ неутолимый гнѣвъ Божій. Вотъ какъ вели себя гордые велможи.

«Онъ (Константинъ, Г. П.), отъ своего отца, благовѣрнаго царя Іванна, остался младъ царствовать, трехъ лѣтъ отъ роженія своего въ Константинѣ-градѣ і на всемъ царствѣ греческаго закону христіанскія вѣры. Велможи его до возрасту царева царствомъ его обладали і измытарили, і неправдами ісцѣпили і своими неправедными суды, і особую брань въ царствѣ томъ учинили; другъ ко другу сердца своего не могъ обратити въ добродѣтели, і сипѣли другъ на друга, яко змен, і наполнили велможи его нечистымъ собраніемъ каины свои великимъ богатствомъ, і отъ бѣды, отъ слезъ і отъ кровей роду христіанскаго неправедными суды своими, емлючи посулы со обохъ странъ, съ правого і съ вино-

¹⁾ Онъ пріѣхалъ въ концѣ 30-хъ годовъ XVI вѣка (см. исследование В. О. Р ж и г и н. «І. С. Пересвѣтовъ, публицистъ XVI вѣка», Москва 1908, стр. 13).

²⁾ См. 71-ую стр. только-что названнаго исследования В. О. Р ж и г и н. Въ приложеніи къ этому исследованію, начиналъ съ 59-й стр., напечатаны собственныя сочиненія Пересвѣтова.

ватаго, і казны свои наполнили златом і сребромъ і многоцѣннымъ каменіемъ, нечистымъ своимъ собраніемъ»¹⁾.

Въ дѣйствительности, царь Константинъ XI, при которомъ взятъ былъ турками Константинополь, лишился отца 20-ти лѣтъ, а вступилъ на престолъ на 44-омъ году. Такимъ образомъ, Пересвѣтовское «сказаніе» о немъ противорѣчитъ исторической истинѣ. Мы не имѣемъ теперь никакой возможности рѣшить, знать или не знали Пересвѣтовъ, какъ обстоило дѣло съ дѣйствительнымъ Константиномъ. Но у насъ есть полная возможность рѣшить, подъ какимъ вліяніемъ онъ искажилъ,—умышленно или по незнанію, это въ данномъ случаѣ рѣшительно все равно,—въ своемъ повѣствованіи историческую истину. Для этого достаточно вспомнить, что Иванъ IV потерялъ отца 3-хъ лѣтъ отъ роду, и сопоставить слѣдующія жалобы этого царя съ только что цитированными строками изъ «Сказанія» Пересвѣтова о Константинѣ.

«Тако же изволися судьбами Божиими быти, родительницѣ нашей благочестивѣй царичѣ Еленѣ преити отъ земного царствія на небесное,—говоритъ Иванъ,—намъ же со святопочившимъ братомъ Георгіемъ сиротствующимъ отомъ родителей своихъ, ни откуду промышленія уповающе, и на пресвятая Богородицы милость и всѣхъ святыхъ молитвы и на родителей своихъ благословеніе упование положихомъ. Мнѣ же осмому лѣту отъ рожденія тогда преходящу, подвластнымъ нашимъ хотѣніе свое улучившимъ, еже царство безъ владѣтеля обрѣтона, насъ убо государей своихъ ни коего промышленія добротнаго не сподобиша, сами же премѣшася богатству, и славѣ, и тако скачаша другъ на друга» и т. д.²⁾

Тутъ поразительное сходство: «Сказаніе» Пересвѣтова, написанное лѣтъ за 16—17 до начала полемики Ивана съ Курбскимъ³⁾, цѣликомъ предвосхищаетъ жалобы Грознаго. Это значитъ, что Пересвѣтовъ отнесъ на счетъ византійскихъ «велможъ» начала XV вѣка все слышанное имъ о дѣтствѣ Ивана IV въ томъ кругу московскаго служилаго сословія XVI вѣка, который былъ враждебенъ боярству. А это даетъ намъ право думать, что настроеніе того же круга служилаго сословія отразилось и на другихъ повѣствованіяхъ и обличительныхъ произведеніяхъ Пересвѣтова.

По его словамъ, византійскіе «велможи», грабя народъ и наполняя свои казны великимъ богатствомъ, со страхомъ помышляли

¹⁾ Тамъ же, стр. 70.

²⁾ «Сказаніе князя Курбскаго», изд. 3-е, Н. Устрялова, Спб. 1868 г., стр. 158.

³⁾ Г. Ржиза думаетъ, что сказаніе Пересвѣтова о царѣ Константинѣ написано въ 1546 или въ 1547 г. (Налз. сочин., стр. 19).

о томъ времени, когда молодой царь придетъ въ возрастъ и покажетъ свои необыкновенныя воинскія способности. Чтобы не лишиться «своего упокою», они придумали написать «от Бога с великою клятвою» книги, въ которыхъ доказывалось, что христіанскому государю позволительно вести только оборонительныя, а не наступательныя войны. Константинъ прочелъ эти книги и оставилъ свои прежніе воинственные замыслы («да и укротѣл»). А когда онъ «укротѣл», то Махметъ-салтану, пришедшему подъ Царьградъ съ великою силою по суху и по морю, легко было справиться съ нимъ.

Пересвѣтовъ такъ выражаетъ главную мысль своего сказанія: «богатѣй николѣ же воинствы не думаетъ, мыслить о смиреніи і о кротости. Царь кротокъ і смиренъ на царствѣ своемъ, і царство его оскудѣетъ, і слава его низится. Царь на царствѣ грозенъ і мудръ, царство его ширѣетъ, і имя его славно по веѣмъ землям.— А греки благовѣрнаго царя Константина укротили отъ ереси своея, і они царство потеряли» ¹⁾).

Константинъ палъ и погубилъ свое государство, благодаря тому, что довѣрился «вельможамъ». Его побѣдитель, Махметъ-салтанъ, умѣлъ крѣпко держать въ своихъ рукахъ турецкихъ «вельможъ». Онъ никому изъ нихъ ни въ которомъ градѣ не далъ намѣстничества, чтобы «не прелъщались неправдою судити»; съ тѣми же судьями, которые были назначены имъ по городамъ, онъ расправлялся подчасъ съ утонченною жестокостію. «Да по малѣ времени обыскалъ царь судей своихъ, какъ они судятъ, і на нихъ довели предъ царемъ злоество, что они по посуламъ судить. І царь имъ вины в томъ не учинил, только ихъ велѣлъ живыхъ одрати да рекъ такъ: есть ли онѣ оброснутъ тѣломъ опять, іно имъ вина отдается. І кожи ихъ велѣлъ продѣлать, і велѣлъ бумаги набити, і в судебныхъ велѣлъ желѣзнымъ гвоздіемъ прибити, і написати велѣлъ на кожахъ ихъ: Безъ таковыя грозы правды въ царство не мочно ввести. Правда въвести царю въ царство свое, іно любимаго не пощадити, нашедши виноватаго. Какъ конь подъ царемъ безъ узды, такъ царство безъ грозы» ²⁾). Пересвѣтовъ вполне одобряетъ эту жестокость своего героя. Онъ говоритъ, что ею Магометъ «правый судъ въ царство свое ввелъ, а ложъ вывелъ» ³⁾). Жестокость необходима, по его мнѣнію, «чтобы люди не слабѣли ни в чемъ і Бога не гнѣвили». Это мнѣніе Пересвѣтова о пользѣ жестокости для блага всей страны было высказано значительно

¹⁾ Тамъ же, стр. 70—71.

²⁾ Тамъ же, стр. 72.

³⁾ Тамъ же, стр. 73.

раньше, чѣмъ Иванъ IV' сдѣлался грозой своихъ бояръ. Отсюда мы видимъ, что его терроръ былъ, по крайней мѣрѣ, до известной степени, въ духѣ своего времени, т. е. что онъ соотвѣтствовалъ взглядамъ, правамъ и требованіямъ нѣкоторой и при томъ, по своему, вліятельной части тогдашняго населенія московскаго государства.

«Великая гроза царева» распространена была Махметъ-салтаномъ, между прочимъ, и на войско. Но это не помѣшало ему любить своихъ воиновъ: онъ «умножилъ сердце свое к войску своему і повеселилъ вся войска своя» ¹⁾. «Воинники» несли тяжелую службу и за то пользовались заботливымъ вниманіемъ со стороны царя. Онъ говорилъ имъ: «не скорбите, братіе, службою, мы же безъ службы не можемъ быть на земли; хотя мало царъ оплошится и окротѣтъ, ино царство его оскудѣтъ і иному царю достанется; яко же небесное по земному, а земное по небесному, ангели божи, небесныя силы, ни на единъ часъ пламеннаго оружія изъ рукъ не испущаютъ, хранятъ и стрегутъ родъ человѣческій отъ Адама і по всякъ часъ, да и тѣ небесныя силы службою не стужаютъ» ²⁾. По словамъ Пересвѣтова, Махметъ «умудрился», организовать 40.000 «янычанъ», «горазныхъ стрѣльцовъ со огненною стрѣльбою». Это сорокатысячное войско пужно ему и всему царству: «Для того ихъ блиско себя держитъ, чтобы его недругъ въ его земли не явился і измѣны бы не учинилъ, і въ грѣхъ бы не впалъ безумный царя потребить, велии множившися, и разгордится і царемъ похищеть быти, то же ся ему не достанетъ, а самъ навѣки погибнетъ отъ грѣха своего, а царство безъ царя не будетъ; для того царь бережетъ, а янычины у него, вѣрныя люди, любячи царя, вѣрно ему служатъ про его царское жалованіе» ³⁾. Но важнѣе всего то, что, пополняя ряды этой турецкой опричины, султанъ Махметъ считался не съ происхожденіемъ служилыхъ людей, а съ ихъ личными качествами. Пересвѣтовъ приписываетъ турецкому монарху весьма характерныя соображенія по этой части. «Братіе,—говорилъ будто бы Махметъ,—всѣ есмь дѣти Адамовы; кто у меня вѣрно служитъ і противъ недруга люто стоитъ, тотъ у меня и лутчей будетъ» ⁴⁾. Это соображеніе не могло понравиться московскимъ боярамъ, въ глазахъ которыхъ мѣстническіе счеты имѣли такую огромную важность; но оно должно было встрѣтить очень сочувственный откликъ въ неродомитой части московскаго служилаго сословія.

¹⁾ Тамъ же, стр. 74.

²⁾ Тамъ же, стр. 74.

³⁾ Тамъ же, стр. 74.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 76.

Когда Иванъ Грозный заводилъ на Москвѣ своихъ русскихъ «янычаръ», онъ тоже цѣнилъ «садамовыхъ дѣтей» не по ихъ родослѣстности, а по ихъ годности къ исполненію его плановъ. Но Пересвѣтовъ былъ не только личнымъ родовыхъ связей служилымъ человекомъ; онъ былъ, какъ мы знаемъ, литовскимъ выходцемъ. Вѣроятно, поэтому въ своемъ политическомъ романѣ онъ и не позабылъ приписать Махметъ-салтану внимательное отношеніе къ служилымъ людямъ иностраннаго происхожденія. «А у нынѣшняго у царя у турецкаго Орнаутъ-паша Орнаутскіе земли полоняникъ былъ, да удался противъ недруга крѣпко стоять и полки пробивати; да Короманъ-паша—Короманскіе земли полоняникъ, для того имъ слава повышена, для ихъ великія мудрости, что умѣють царю служить і противъ недруга крѣпко стоять. А вѣдома вѣтъ, какова отца онѣ дѣти, да для ихъ мудрости царь велико на нихъ имя положилъ для того, чтобы і иные также удавались вѣрно царю служить» ¹⁾.

Укажу еще одну достойную вниманія черту этого чрезвычайно интереснаго русскаго политическаго романа XVI вѣка. Его грозный и жестокий герой былъ рѣшительнымъ противникомъ рабства. Онъ находилъ, что человекъ можетъ быть только рабомъ Божиимъ: «велѣлъ передъ себя книги принести полныя и докладныя, да огнемъ велѣлъ пожещи. І полоняникомъ уставилъ урокъ, доколь кому работати, в семь лѣтъ выробивая, і в силахъ—девять лѣтъ. Есть ли кто кого дорого купить, а чрезъ девят лѣтъ будетъ держати, і будетъ на него жалоба отъ полоняника, ино на такового царская опада і казнь смертная» ²⁾. Пересвѣтовъ выступаетъ здѣсь передъ нами сторонникомъ освобожденія каменныхъ холоповъ. Такое требованіе можетъ показаться страннымъ изъ устъ московскаго «воинника» XVI столѣтія. Въ виду этого не мѣшаетъ напомнить нѣкоторыя, уже указанныя во Введеніи, черты хозяйственнаго развитія Московскаго государства.

Служилые люди этого государства очень нуждались въ рабочихъ рукахъ для обработки своихъ земель. Уходъ крестьянъ изъ вотчины или помѣстья равносильно былъ разоренію вотчинника или помѣщика. Поэтому и помѣщики, и вотчинники одинаково заинтересованы были въ томъ, чтобы воспрепятствовать такому уходу. Точно такъ же и тѣ, и другіе одинаково заинтересованы были въ томъ, чтобы привлекать на свои земли крестьянъ, еще не утратившихъ тогда своей свободы переселенія. Но богатые вотчинники могли дать большіе льготы крестьянамъ, селившимся на ихъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 76.

²⁾ Тамъ же, стр. 75.

земляхъ, чѣмъ бѣдные помѣщики. Оттого крестьяне охотѣе шли къ нимъ, покидая помѣщичьи земли. Вполнѣ понятно, что помѣщики не могли равнодушно относиться къ такому переходу. Запустѣніе ихъ имѣній очень раздражало ихъ какъ противъ самихъ крестьянъ, которыхъ они старались задерживать всѣми средствами, до насильственныхъ включительно, такъ и противъ азадѣльцевъ крупныхъ имѣній. Около половины XVI вѣка дѣло значительно осложнилось и ухудшилось массовымъ уходомъ крестьянъ изъ центральныхъ мѣстностей московскаго государства на южныя и юго-восточныя окраины, постепенно дѣлавшіяся все болѣе и болѣе доступными для земледѣльцевъ. Центральнымъ мѣстностямъ пришлось тогда пережить хозяйственный кризисъ, имѣвшій очень важныя политическія послѣдствія. Переселеніе крестьянъ изъ центра на окраины въ концѣ подрывало благосостояніе не только мелкихъ помѣщиковъ, но и крупныхъ вотчинниковъ. Становясь бѣднѣе, родовитое боярство теряло свое прежнее вліяніе въ московскомъ обществѣ и, какъ уже отмѣчено во Введеніи, дѣлалось все менѣе рѣшительнымъ въ своихъ столкновеніяхъ съ верховной властью, которая не переставала стремиться къ полному подчиненію себѣ всѣхъ общественныхъ силъ. Хозяйственный кризисъ половины XVI вѣка весьма значительно облегчилъ и ускорилъ окончательное торжество московскаго деспотизма. И не только тѣмъ, что, ослабивъ общественное значеніе бояръ, уменьшилъ силу ихъ сопротивленія государю. Помѣщики, разорвавшіеся вслѣдствіе ухода крестьянъ изъ центра на окраины, дѣлались все болѣе и болѣе послушными орудіями центральной власти, такъ какъ только она одна и могла притти имъ на помощь. Это ихъ настроеніе и отразилось вообще на публицистическихъ трудахъ Пересѣтова, а въ частности на его разсужденіи о рабствѣ. Хозяйственный кризисъ очень обострилъ взаимное соперничество мелкихъ помѣщиковъ и крупныхъ вотчинниковъ изъ-за рабочей силы крестьянина. Но и теперь, какъ прежде, крупному вотчиннику легко было одержать побѣду надъ мелкимъ помѣщикомъ. Теперь въ крупныхъ вотчинахъ крестьянъ стали за ка ба л я т ь, чтобы воспрепятствовать ихъ уходу. И это закабаленіе приняло, какъ видно, довольно широкіе размѣры ¹⁾.

¹⁾ Вотъ какъ описываетъ это явленіе Авраамій Палицынъ въ своемъ «Сказаніи». Правда, его описаніе относится уже къ царствованію Θεодора Ивановича, а закабаленіе стянито къ вѣну, главнымъ образомъ, Борису Годунову и его сторонникамъ. Однако, мы можемъ съ убѣдительною сказать, что явленіе это началось уже въ царствованіи Іоана IV, и что закабалить рабочія силы стремились всѣ тѣ землевладѣльцы, которые имѣли необходимыя для этого средства. Палицынъ пишетъ о немъ такъ: „Борисъ Годуновъ и мнози мнози отъ немалого, но только родъ его, но и

Оно не ускользнуло отъ провищательнаго взора Пересвѣтова. Какъ человѣкъ смѣлый и послѣдовательный въ своихъ сужденіяхъ, онъ придумалъ коренную мѣру борьбы съ распространеніемъ холопства: полное его уничтоженіе. А разъ придумавъ эту коренную мѣру, онъ, по своему обыкновенію, захотѣлъ оправдать ее ссылкой на исторіи Византіи: «При цари Константинѣ у вельможъ его лучшие люди порабощены были в неволю», вслѣдствіе чего потеряли всякое мужество, «противъ недруга крѣпкаго бою не держали і з бою утѣкали і ужасть полкомъ царевымъ инымъ давали, они же презиралися» ¹⁾. Это, по словамъ Пересвѣтова, и побудило Махметъ-салтана освободить ихъ. Когда онъ далъ имъ свободу, «они стали у царя храбры, лутчіе люди, которые у вельможъ царевыхъ въ неволи были» ²⁾. Это указаніе Пересвѣтова на причинную связь между личнымъ мужествомъ и состояніемъ свободы представляетъ собою едва ли не самый интересный фактъ въ исторіи общественной мысли Московской Руси. Мы сейчасъ увидимъ, однако, въ какіе тѣсные предѣлы заключено было у Пересвѣтова понятіе свободы.

Замѣтивъ, какъ храбро ведутъ себя на войнѣ люди, освобожденные имъ изъ кабалы, Махметъ-салтанъ сказалъ: «Волю Божию сотворить есмь, что Богъ любитъ, и полкъ к себѣ юнаковъ храбрыхъ прибавилъ» ³⁾. Онъ вообще часто ссылался на Бога и былъ такъ благочестивъ, что если и не обратился въ христіанскую вѣру, то единственно потому, что этому воспротивились его «сенты». Но, яркими красками изображая благочестіе своего героя, Пересвѣтовъ никогда не покидаетъ, однако, чисто свѣтской точки зрѣнія. Онъ находитъ, что иное дѣло «истинная вѣра», а иное дѣло «правда». Его повѣсть о Махметъ-салтанѣ заканчивается пожеланіемъ,—вложеннымъ въ уста одного изъ «латынцевъ», будто бы спорившихъ съ греками о причинахъ паденія Византіи,—чтобы русскіе

блюдокъ ихъ, многихъ человекъ на волюю изъ себя введше служить, нѣтъ же засна-
неніемъ и дарами въ дома свои притянувши,—и не отъ простыхъ только ради нарочитаго рукодѣлства или закона хитра художества, но и отъ чистовокныхъ издавна
многихъ имѣиємъ и съ сохи и съ виноградъ, кашаче же избравшихъ меченосцевъ
и хрипчихъ со оружіемъ во бранѣхъ, и свѣтъ и прасны образомъ и прастомъ лине-
стующи. И многіи нѣмъ, начальствующимъ послѣдующимъ, на волюю порабатывающе
кого мощно и писаніемъ служивое снзю и мукажи елиюще, нѣтъ же винца только
нечисти пивавши—и по трехъ или по четырехъ чарочкахъ достовѣренъ волюю рабъ
бывающе тѣмъ». См. «Памятники древней русской письменности, относящіяся къ
Смутному времени», въ XIII томѣ Русской Исторической Библіотеки, издаваемой
археографическою Комиссіею, стр. 482—483.

¹⁾ Тамъ же, стр. 75.

²⁾ Тамъ же, та же страница.

³⁾ Тамъ же, та же страница.

къ своей истинной христіанской вѣрѣ прибавили правду турецкую: «А къ той бы правдѣ турецкой да вѣра христіанская, ино бы с ними ангелы же бесѣдовали» ¹⁾. Въ другихъ мѣстахъ онъ идетъ еще дальше и весьма прозрачно намекаетъ, что правда важнѣе вѣры. «Если правды вѣтъ, то всего нѣтъ», говоритъ у него въ первой изъ двухъ челобитныхъ, поданныхъ царю Ивану Васильевичу, «воевода волоскій» (молдавскій господарь) Петръ. Тотъ же Петръ, отъ имени котораго Пересвѣтовъ обличаетъ тогдашніе русскіе порядки, такъ рассуждаетъ у него въ той же челобитной: «Ино нехѣрный иноплеменикъ да позовалъ силу Божию, Махметъ-салтантъ, царь турецкій, взялъ Царьградъ і управилъ праведенъ судъ, что Богъ любить, во всемъ царствѣ своемъ, і утѣшилъ Бога сердечною радостію, і за то ему Богъ помогаетъ, многіе царства обладалъ» ²⁾. Наконецъ, нѣсколькими строками ниже, волоскій воевода категорически заявляетъ: «не вѣру Богъ любить, но правду» ³⁾. Съ этимъ врядъ ли согласились бы духовные писатели времѣ Иосифа Волоцкаго.

Правда, которую отстаиваетъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ нашъ авторъ, и на защиту которой онъ выдвигаетъ волоскаго воеводу, — та самая правда, какую мы уже видѣли въ «Сказаніи о Махметъ-салтантѣ». Пересвѣтовъ вездѣ является непримиримымъ врагомъ боярства. «Такъ говоритъ волоскій воевода про русское царство, — читаемъ мы у него, — что вельможи русскаго царя сами богатырю і лѣниивѣютъ, а царство его осужаютъ; і тѣмъ они слуги ему называются, что цѣлно і конно і людно выѣзжаютъ на службу его, а крѣпко за вѣру христіанскую не стоятъ і люте противъ недруга смертною игрою не играютъ, тѣмъ Богу лжутъ і государю» ⁴⁾. Вельможъ у русскаго царя много, но пользы отъ нихъ ему и царству мало; они слишкомъ богаты для того, чтобы хорошо служить. «Что ихъ много, коли у нихъ сердца нѣтъ добраго, і смерти ся боятъ, і не хотятъ умереть за вѣру христіанскую, і какъ бы имъ не умирати всегда, — продолжаетъ тотъ же воевода. — Богатый о войнѣ не мыслить, мыслить о упокоіи; хотя и богатырь обогатѣетъ, і онъ обленивѣетъ» ⁵⁾.

Пересвѣтовъ готовъ обвинять «вельможъ» въ ересьхъ и даже въ колдовствѣ. Тѣ изъ нихъ, которые приближены къ царю не за воинскую выслугу и не за особенную «мудрость», кажутся ему

¹⁾ Тамъ же, стр. 78.

²⁾ Тамъ же, стр. 66.

³⁾ Тамъ же, та же страница.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 62.

⁵⁾ Тамъ же, та же страница.

преимущественно подозрительными по части колдовства и ереси. «Ино про тѣх говорят такъ мудрыя философы: то есть чародѣи і ересники, у царя счастье отнимають і мудрость царскую, і къ себѣ царское сердце зажигаютъ ересію і чародѣйствомъ, і воинство кроятъ» ¹⁾).

Съ такими нужна, по мнѣнію Пересѣтова, безпощадная расправа. Волоокій воевода говоритъ у него: «таковыхъ подобаетъ огнемъ жеци і иные лютые смерти имъ давати, чтобы зла не множилосъ» ²⁾. Въ назиданіе русскому царю опять дѣлается ссылка на исторію Византіи: «А благовѣрнаго князя Константина осѣтили кудесы і враждами і уловили, і мудрость отъ него воинскую отлучили, і богатырство его укротили, і мечъ царскій воинскій отпустили, і учинили его в безпутномъ житіи; именемъ было царскимъ не мочно прожить никому, ни главы із дому не выкланити, ни версты переѣхати отъ бѣды і отъ обидъ велможъ его: все царство заложилось за велможъ его, і слыли ихъ имянемъ для прожитку, ждучи мудрости царския, і не дождали» ³⁾.

Все русское царство также заложится за велможъ, если царь Иванъ не позаботится о томъ, чтобы своевременно предотвратить эту опасность. Еще въ «Сказаніи о Махметъ-салтанѣ» Пересѣтовъ сообщаетъ о томъ, какъ турецкій царь «велѣлъ со всего царства все доходы себѣ въ казну имати, а никому ни в которомъ градѣ намѣстничества не далъ велможамъ своимъ для того, чтобы не прелщались неправдою судити, і оброчилъ велможъ своихъ іс казны своей, кто чего достоинъ» ⁴⁾. Съ точки зрѣнія тогдашнихъ русскихъ порядковъ, это сочувственное сообщеніе о полезныхъ для царства мѣропріятіяхъ Махметъ-салтана равносильно было совиѣту отмѣнить ненавистную московскому населенію систему «кормленій», открывавшую такой широкій просторъ для злоупотребленій со стороны бояръ, кормившихся на счетъ вѣреныхъ имъ мѣстностей. Надо замѣтить, что московское правительство скоро сдѣлало рѣшительные шаги для отмѣны системы кормленій. Правда, реформа была сдѣлана не въ духѣ Пересѣтова. Онъ былъ послѣдовательнымъ централистомъ и совѣтовалъ поставить во главѣ областного управленія царскихъ чиновниковъ съ определеннымъ денежнымъ жалованіемъ. На самомъ же дѣлѣ, вмѣсто царскихъ чиновниковъ во главѣ областного управленія вы-

¹⁾ Тамъ же, стр. 65.

²⁾ Тамъ же, та же страница.

³⁾ Тамъ же, стр. 67.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 72.

ступили, въ 50-хъ годахъ XVI вѣка, излюбленные старосты, излюбленные головы и земскіе суды. Такая система требовала менышихъ расходовъ, нежели рекомендованный Пересвѣтовымъ послѣдовательный бюрократическій централизмъ. Вообще во всѣхъ практическихъ разсужденіяхъ нашего публициста замѣтна черта, кажется, еще не отмѣченная изслѣдователями. Этотъ талантливый человѣкъ, такъ ярко выражающій стремленія тогдашняго дворянства, какъ будто не отдастъ себѣ яснаго отчета въ тѣхъ экономическихъ условіяхъ, въ которыхъ жило и дѣйствовало населеніе московскаго государства: онъ очень сильно преувеличиваетъ его денежныя средства. Доказывая необходимость прочнаго обезпеченія «воинниковъ», онъ предполагаетъ, повидимому, что московское государство въ состояніи оплатить всю ихъ службу денежнымъ жалованіемъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ оно могло платить за нее, главнымъ образомъ, землею. Вотъ почему планы Пересвѣтова съ экономической своей стороны представляются несравненно болѣе отвлеченными, нежели со стороны политической. Слѣдуетъ думать, что этотъ ихъ недостатокъ объясняется иноземнымъ происхожденіемъ Пересвѣтова. Проведя значительную часть своей жизни въ такихъ странахъ, какъ Польша и Богемія, гораздо болѣе нежели Москва богатыхъ денежными средствами, онъ, должно быть, плохо выяснилъ себѣ экономическія средства, которыми могъ располагать его новый государь.

«Бресники» и чародѣи, отнимающіе у царя его счастье и его мудрость, помимо всѣхъ своихъ другихъ грѣховъ, особенно опасны для государства тѣмъ, что они «воинство кротятъ». «Воинникими царь силенъ і славенъ»¹⁾. Оттого онъ долженъ «веселить сердца воинниковъ не казны своея». Если онъ станетъ держаться этого правила, то царской казни конца не будетъ, а царство никогда не оскудѣетъ. И снова и снова возвращается Пересвѣтовъ къ той мысли, что награждать и возвышать воинниковъ надо не за ихъ происхожденіе, а единственно только за ихъ личныя заслуги. Воинникомъ, не щадящихъ своей жизни въ борьбѣ съ царскими недругами, царь долженъ къ себѣ «принужати блиско, і во всемъ имъ вѣрити, і жалоба ихъ послушати во всемъ, і любити ихъ, яко отцу дѣтей своихъ, і быти до нихъ щедру»²⁾. Эту идиллію Иванъ Грозный на свой звѣриный манеръ осуществлялъ потомъ въ своихъ сношеніяхъ съ опричниками.

¹⁾ Тамъ же, стр. 65.

²⁾ Тамъ же, стр. 63.

Какъ уже сказано выше, вниманіе Пересвѣтова привлекала къ себѣ не только внутренняя, но и вѣшняя политика московскаго государства. Намъ уже извѣстно, какую губительную роль играли набѣги хищныхъ кочевниковъ въ жизни осѣдлыхъ русскихъ земледѣльцевъ. Пересвѣтовъ обнаруживаетъ вполне ясное пониманіе этой губительной роли.

Онъ приписываетъ молдавскому господарю, между прочимъ, такое мнѣніе о задачахъ московскаго царя въ борьбѣ съ кочевниками:

«Таковому государю годится держати двадцать тысящъ юнаковъ храбрыхъ со огневою стрѣльбою, гораздо учиненою, и стояли бы поляницы съ украины на поли при крѣпостехъ отъ недруга, от крымскаго царя, изброчивши ихъ не казны своимъ жалованіемъ государскимъ годовымъ; і они навывкнутъ в поли жити і недруга его, крымскаго царя, воевати. Ино та ему двадцат тысящъ лутчи будутъ ста тысящъ, а украины его все будутъ богаты і не оскужены отъ недруговъ. А мочно ему, таковому сильному царю, то все учинити» ¹⁾.

Не меньше интересуется Пересвѣтовъ и отношеніе Москвы къ Казанскому царству. Неизмѣнный доброжелатель московскаго государя, «волоскій воевода», говоритъ у него такъ: «а слышалъ есми про ту землю, про Казанское царство, у многихъ воишиновъ, которые въ царствѣ Казанскомъ бывали, что про нея говорятъ, примѣняють ея к подрайской землѣ угодіемъ великимъ» ²⁾. Землю эту непременно надо завоевать. «Да тому велми дивимся»,—продолжаетъ волоскій воевода,—«что таковая земля не великая, велми угодная, у таковаго великаго, сильнаго царя под пазухою, а не въ дружбѣ, а он ей долго терпѣть і кручину от нихъ великую прѣмает; хотя бы таковая земля угодная і в дружбѣ была, ино было ей не мочно терпѣти за такое угодіе» ³⁾. Этому мнѣнію держался не одинъ волоскій воевода. Если вѣрить Пересвѣтову, въ Литвѣ «философи і докторы латинскіе» предсказывали царю Ивану Васильевичу побѣду надъ Казанскимъ царствомъ, которое онъ «возметъ своимъ мудрымъ воинствомъ, да і креститъ» ⁴⁾. Тѣ же мудрые и ученые люди думаютъ, что царскую столицу слѣдуетъ перенести въ Нижній-Новгородъ ⁵⁾.

Доволя до свѣдѣнія царя о мнѣніяхъ его поклонника, воло-

¹⁾ Тамъ же, стр. 63.

²⁾ Тамъ же, стр. 68.

³⁾ Тамъ же, стр. 68.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 78—79.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 78.

скаго воеводы, Пересвѣтовъ опять заговариваетъ объ освобожденіи кабалныхъ людей. Тутъ у него выходитъ, что кабала придумана была дьяволомъ, искушившимъ Адама послѣ изгнанія его изъ рай и взявшимъ съ него «запись». Богъ сжалился надъ Адамомъ и, искупивъ его грѣхъ своею «вольною страстію», извелъ его изъ ада, а запись изодралъ. Тѣ, которые записываютъ теперь людей въ работу навѣки, угождаютъ дьяволу, губя свою душу. Приведа этотъ доводъ отъ богословія,—верховный доводъ того времени,—Пересвѣтовъ опять выдвигаетъ уже знакомый намъ аргументъ отъ общественной психологіи, подкрѣпляя его для вѣрности тѣмъ же богословескимъ доводомъ: «которая земля порабощена, а той землѣ все зло сотворяется: і татба, і разбой, і обида, і всему царству оскуженіе великое, всѣмъ Бога гибзять, а дьяволу угожаютъ»¹⁾. Здѣсь уже совсѣмъ ясно, что требовать освобожденія холоповъ побуждала Пересвѣтова боязнь боярскаго засилья²⁾.

Которая земля порабощена, въ той землѣ все зло сотворяется. Это совершенно справедливая мысль. Очень важно отмѣтить, что эта совершенно справедливая мысль была хорошо знакома, по крайней мѣрѣ, одному,—а, вѣроятно, и не только одному,—изъ служивыхъ людей грознаго царя Ивана Васильевича. Но не менѣе полезно отмѣтить и то, что она побуждаетъ Пересвѣтова лишь къ требованію уничтоженія холопства. Кабала есть только одинъ изъ многихъ видовъ порабощенія человѣка человѣкомъ. Однако, Пересвѣтовъ не спрашиваетъ себя, исчезло ли бы порабощеніе, а съ нимъ и «все зло» въ московскомъ государствѣ съ уничтоженіемъ холопства. Если же и спрашивать, то къ требованію уничтоженія кабалы прибавляется еще только одно: требованіе ограниченія силы и вліянія боярства. Лучшимъ средствомъ практическаго осуществленія этого требованія представляется ему развитіе царскаго самодержавія. Ему и въ голову не приходитъ, что оно само

¹⁾ Тамъ же, стр. 67.

²⁾ Вотъ почему нельзя безъ оговороки принять то мнѣніе г. Ржиги, что возраженіе противъ рабства заставляетъ предполагать связь Пересвѣтова съ той средой, въ которой зарождалась тогдашняя ересь. Г. Ржига указываетъ на Матѣя Башкина, осужденнаго на церковномъ соборѣ 1553—1554 гг. и, подобно Пересвѣтову, признававшего рабство несогласнымъ съ духомъ христіанскаго ученія. Но изъ того-то и дѣло, что, высказавшись противъ рабства, Пересвѣтовъ опирается не только на богословскія соображенія. Онъ рассуждаетъ съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ. Въ его отзывѣ о вліяніи рабства слышны прежде всего слова бояра, заботливаго о трудящемся населеніи. А такъ какъ враговъ боярства много было въ тогдашнемъ служивомъ сословіи и прокъ Пересвѣтова, то можно предполагать, что боязнь боярскаго засилья приводила и нѣкоторыхъ другихъ низшихъ людей къ убѣжденію въ томъ, что полезно было бы освободить холоповъ. Извѣстно, впрямь-то, что царь Сильвестръ освободилъ всѣхъ своихъ кабалныхъ.

можетъ сдѣлаться источникомъ порабощенія страны и всякаго ала въ ней. Въ его сочиненіяхъ мы никогда не встрѣчаемъ ни малѣйшаго указанія на тѣ желательныя границы, которыя нужно было бы поставить верховной власти. И съ этой стороны онъ очень невыгодно отличается отъ своего, уже названнаго выше, современника, француза Жана Бодэна.

Жанъ Бодэнь тоже убѣжденный монархистъ. Но онъ хочетъ, чтобы монархъ повиновался «законамъ природы», обезпечивающимъ «естественную свободу» его подданныхъ ¹⁾. Онъ различаетъ три вида монархической власти. «Всякая монархія,—говоритъ онъ,—есть или вотчинная, или королевская, или тираническая» (*Toute monarchie est seigneuriale, ou royale, ou tyrannique*. P. 272). Въ королевской монархіи глава государства уважаетъ, какъ уже сказано, естественную свободу своихъ подданныхъ. А эта свобода выражается, между прочимъ, въ томъ, что подданнымъ обезпечивается свобода распоряжаться своимъ имуществомъ (*propriété des biens*). Отличительнымъ признакомъ вотчинной монархіи является, по ученію Бодэна, отсутствіе у подданныхъ свободы распоряженія какъ своею личностью, такъ и своимъ достояніемъ. Бодэнь полагаетъ, что вотчинная монархія «была первой» (т. е. первою формою политическаго устройства. P. II.). Не надо смѣшивать ее съ тиранией. Тирани тотъ, кто попираетъ законы съ своей стороны, а вотчинный монархъ можетъ быть вполне законнымъ государемъ. Какъ на примѣръ вотчинной монархіи, Бодэнь указываетъ на древнюю Персію, гдѣ все принадлежало царю, и гдѣ всѣ жители были его рабами. Съ теченіемъ времени рабская зависимость подданныхъ отъ государя смягчается, такъ что, въ концѣ концовъ, монархія остается вотчинной только по имени. Однако, и теперь она мѣстами еще сохранила дѣйствительное существованіе. Она встрѣчается въ Азіи, въ Эгіптіи и даже въ Европѣ: въ Турціи, въ Татаріи и въ Московіи. Отъ вниманія Бодэна не ускользнуло то обстоятельство, что подданные московскаго царя называютъ себя его холопами (онъ пишетъ: хлопами, *les chlopes*), «т. е.,—по-ясняетъ онъ,—рабами» ²⁾. По мнѣнію Бодэна, государя боготворятъ въ вотчинной монархіи именно потому, что онъ является тамъ господиномъ какъ надъ лицами, такъ и надъ имуществомъ. Будучи рабами своего государя, жители тѣхъ странъ, въ которыхъ существуетъ вотчинная монархія, подвергаются и рабскимъ наказаніямъ. Въ Персіи цари, предшествовавшіе Артаксерксу, имѣли

1) См. *Les six livres de la République de J. Bodin*. Angevin.—A. Paris 1580. Livre second, p. 273.

2) Тамъ же, стр. 274.

привычку (avaient acoustumé) наказывать своих подданных, даже самых высокопоставленных, подвергая их, как рабов, тѣлесному наказанію. Артаксерксъ впервые постановилъ, что подвергая наказанію преступниковъ, ихъ будутъ раздѣвать, какъ раздѣвали прежде, но сѣчь будутъ не ихъ, а только ихъ платье. По его же распоряженію перестали вырывать волосы у преступниковъ, ограничиваясь вырываніемъ волосковъ изъ ихъ шапокъ ¹⁾. Бодэнъ видѣлъ въ этомъ доказательство того, что съ теченіемъ времени персидская монархія на дѣлѣ перестала быть вотчинной. Такимъ образомъ, для него тѣлесное наказаніе подданныхъ было главнымъ внѣшнимъ признакомъ, вотчинной монархіи. Причиной же, вызывавшей существованіе этого признака, онъ считалъ рабскую зависимость подданныхъ отъ государя, выражавшуюся въ томъ, что они не имѣли права свободно распоряжаться ни самими собой, ни своимъ имуществомъ. Такой взглядъ несравненно глубже того ходячаго воззрѣнія, согласно которому тѣлесное наказаніе, примѣнявшееся въ восточныхъ деспотіяхъ даже къ наиболѣе высокопоставленнымъ лицамъ,—вспомнимъ старую Москву съ ея кнутомъ, батогами и вырываніемъ бородъ по волоску,—вызывалось недостаткомъ «культуры». Бодэнъ зналъ, что даже въ весьма культурныхъ странахъ (Греція, Римъ) господа подвергали своихъ рабовъ тѣлеснымъ наказаніямъ, между тѣмъ какъ свободные жители гораздо менѣе культурныхъ странъ не допускали и мысли о подобномъ обращеніи съ ними ихъ государей. Онъ понималъ, что дѣло тутъ не въ отсутствіи «культуры»,—которое, къ тому же, само могло быть только слѣдствіемъ извѣстныхъ общественныхъ отношеній, а именно—въ этихъ отношеніяхъ, сущность которыхъ заключалась въ закрѣпощеніи всѣхъ общественныхъ силъ государству въ лицѣ его представителя, государя. Такъ же хорошо, повидимому, сознавалъ онъ и то, что когда подданные вотчинныхъ монархій обоготворяютъ своихъ государей, то это происходитъ не въ силу ихъ некультурности, а въ силу ихъ рабскаго положенія, при которомъ монархъ является для нихъ, какъ Богъ, единственнымъ источникомъ всѣхъ благъ ²⁾. Самъ онъ,—хотя и считалъ нужнымъ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 276.

²⁾ Проф. Клячевскій называетъ синонимичъ соединеніе «въ одно съ существіи верховной власти» двухъ непримиримыхъ свойствъ: царя и вотчинника («Курсъ русской исторіи», ч. III, стр. 16). Съ несравненно большимъ основаніемъ Бодэнъ считалъ примиреніе, а лучше сказать, полное соизначеніе этихъ двухъ свойствъ полнымъ нормальнымъ для восточныхъ деспотій. Клячевскій говоритъ: «государство понимали и какъ союзъ народныхъ, управляемый верховной властью, а какъ государственно хозяйство, въ составъ котораго входили со значеніемъ хозяйственныхъ статей и классы населенія, обитающаго на территоріи государственной вотчины. Поэтому народное благо, цѣль

въ интересахъ теоріи, напомнить своимъ читателямъ, что иное дѣло вотчинный монархъ, а иное дѣло тиранъ,—быть рѣшительнымъ сторонникомъ «королевской монархіи», оставляющей за жителями страны «естественную свободу» распоряженія самимъ собой и своимъ имуществомъ. Это вполнѣ понятно. Въ ученіи о государствѣ Бодэнъ—идеологъ третьяго сословія, находящагося на извѣстной стадіи своего развитія. Стадія эта характеризуется прежде всего тѣмъ, что въ освободительной борьбѣ съ феодалами названное сословіе еще не вполнѣ довѣряетъ своимъ собственнымъ силамъ, и потому поддерживаетъ короля съ его притязаніями на абсолютную власть. Абсолютная власть помогаетъ буржуазіи расчистить лежація на ея историческомъ пути феодальныя препятствія. Поэтому она мирится съ нею и даже идеализуетъ ее. Но она мирится съ нею и даже идеализуетъ ее лишь въ той мѣрѣ, въ какой она помогаетъ ей идти впередъ, т. е.,—чтобы употребить здѣсь выраженіе Бодэна,—въ какой она остается королевской монархіей и не посягаетъ на личную свободу гражданъ и на ихъ права «истинныхъ собственниковъ» (*vrais propriétaires*). Абсолютная власть показала бы французскому третьему сословию несноснымъ игомъ, если бы государь вздумалъ обращаться съ имуществомъ своихъ подданныхъ и съ ними самими такъ, какъ обращается вотчинный монархъ въ своей странѣ. Такого государя Бодэнъ непременно отнесъ бы къ числу тирановъ.

Не общественное сознаніе опредѣляетъ собою общественное бытіе, а общественное бытіе опредѣляетъ собою общественное сознаніе. Московскимъ публицистамъ XVI вѣка были совершенно недоступны тѣ общественно-политическія понятія, которые были выработаны передовыми публицистами тогдашней Франціи. Бодэнъ вполнѣ правильно отнесъ «Московию» къ числу вотчинныхъ монархій. Общественныя силы все больше и больше закрѣпились въ ней государствомъ, глава котораго естественно третировалъ ихъ,—на что обратить вниманіе еще Бодэнъ,—какъ своихъ холоповъ. При такомъ направленіи общественнаго развитія, публицисты, по той или по другой причинѣ отстаивавшіе царское самодержавіе, не могли даже и представить себѣ такихъ «зако-

государства, подчинялось династическому интересу хозяина земли, и самый законъ носилъ характера хозяйственнаго распоряженія, исходившаго изъ московской кремлевской усадьбы и устанавливавшего порядокъ дѣятельности подчиненнаго преимущественно областнаго управленія, а всего чаще—порядокъ отбыванія разныхъ государственныхъ повинностей обитателями». (Тамъ же, стр. 16). Но именно то же встрѣчаемъ мы во всѣхъ восточныхъ деспотіяхъ. И если это «аномалія», то надо сказать, что въ восточныхъ деспотіяхъ она служила «нормой» въ продолженіе многихъ вѣковъ и даже тысячелѣтій.

новъ природы», которые позагали бы ей какіе-нибудь предѣлы въ гражданскомъ или экономическомъ быту. Мы знаемъ, что Пересвѣтову не только не было чуждо понятіе свободы, но онъ ясно видѣлъ причинную связь многихъ общественныхъ золъ съ порабощеніемъ. Однако, въ своихъ практическихъ планахъ онъ не шелъ дальше требованія отмены холопства. «Свобода» есть формальное понятіе, содержаніе котораго въ каждое данное время опредѣляется данными конкретными, — въ послѣднемъ счетѣ экономическими, — условіями. Съ точки зрѣнія Пересвѣтова, освободить жителей страны значило уничтожить («изодрать») кабальные записи. Онъ не могъ, подобно Бодэну, требовать для жителей московскаго государства правъ «истинныхъ собственниковъ». Онъ былъ идеологомъ той части служилаго сословія, судьба которой тѣснѣйшимъ образомъ связывалась съ судьбой помѣстного землевладѣнія. Помѣстное же землевладѣніе въ своемъ чистомъ видѣ оставляетъ всѣ права «истиннаго собственника» за государемъ, давая помѣщику лишь право временнаго пользованія землею за его службу. Государь распредѣляетъ землю между помѣщиками за исправное выполненіе ими службы, какъ доне очень давняго времени министерство государственныхъ имуществъ распредѣляло у насъ землю между крестьянами своего вѣдомства. Въ 1556 г. Иванъ IV обратилъ вниманіе на то, что «которые вельможи и всякіе воины многими землями завладали, службою оскудѣша, не противъ государева жалованія и вотчинъ служба ихъ». Поэтому онъ приказалъ, — указъ его сохранился въ лѣтописной передачѣ, — произвести уравниеніе: «въ помѣстьяхъ землемѣріе имъ учиниша, комуждо что достойно, такъ устроиша, прензлншкн же неимушымъ»¹⁾. Это былъ настоящій «черный передѣлъ» въ помѣщичьей средѣ. Его невозможно было бы произвести, если бы землевладѣльцы имѣли права «истинныхъ собственниковъ». А между тѣмъ, въ тогдашнемъ экономическомъ положеніи московскаго государства подобныя передѣлы были необходимы въ интересахъ «службы» и полезны для самихъ помѣщиковъ. Вотъ почему, теоретикъ помѣщичьяго класса Пересвѣтовъ не могъ бы допустить, что они противорѣчатъ «законамъ природы», какъ это, навѣрно, сказали бы теоретики третьяго сословія Бодэны. Больше того. Пересвѣтову такіе передѣлы — а, стало быть, и перенесеніе на государя всѣхъ правъ «истиннаго собственника» земли, — должны были казаться необходимымъ условіемъ обезпеченія, т. е. фактической свободы, «воиновъ». Какъ я замѣтилъ выше, возможно, что, проведя многіе

¹⁾ Дьяконовъ, «Очерки общественнаго и политическаго строя древней Руси», стр. 269—270.

годы въ странахъ, въ которыхъ общественно-экономическое развитіе шло иначе, нежели въ Москвѣ, онъ не очень ясно сознавалъ особенности московскаго экономическаго быта. Но, утвердившись на точкѣ зрѣнія указанной части московскаго служилаго сословія, онъ неизбежно долженъ былъ усвоить себѣ все то понятіе о природѣ монархической власти, которое подсказывалось этими особенностями. Онъ не пошелъ въ своемъ требованіи свободы дальше требованія отмѣны холопства. А когда онъ искалъ образца для своего политическаго идеала, тогда его взоръ естественно обратился не на Западъ, а на Востокъ, къ одной изъ странъ, справедливо названныхъ Бодэномъ вотчинными монархіями и отличавшихся рабской зависимостью жителей отъ своихъ государей.

У Бодэна есть чрезвычайно поучительная ссылка на Плутархово жизнеописаніе Фемистокла. Артабанъ, одинъ изъ начальниковъ царскихъ тѣлохранителей при персидскомъ дворѣ, говоритъ въ этомъ жизнеописаніи Фемистоклу: «вы, греки, больше всего дорожите свободой и равенствомъ. А по нашему, лучше всѣхъ нашихъ многочисленныхъ законовъ тотъ, который повелѣваетъ намъ чтить нашего царя и поклоняться ему, какъ Богу». Жители Московскаго государства тоже считали себя обязанными, не только за страхъ, но и за совѣсть, чтить своего государя и поклоняться ему, какъ земному богу. Одинаковыя причины всегда производятъ одинаковыя слѣдствія. По мѣрѣ того, какъ историческое развитіе раздвигало предѣлы власти московскаго государя до той широты, какая свойственна была соотвѣтствующей власти въ восточныхъ «вотчинныхъ монархіяхъ», московская общественная мысль все болѣе и болѣе пріобрѣтала восточную складку. Ниже мы увидимъ, что въ своихъ разговорахъ съ поляками въ эпоху Смуты московскіе люди разсуждали совершенно такъ, какъ очень задолго до того разсуждалъ Артабанъ въ своемъ разговорѣ съ Фемистокломъ.

Глава III.

Движеніе общественной мысли подъ вліяніемъ борьбы боярства съ духовенствомъ.

Пересвѣтовъ является передъ нами теоретикомъ той части московскаго служилаго сословія, которая существенно заинтересована была въ расширеніи царскаго права распоряжаться имуществомъ,—прежде всего, конечно, недвижимымъ, земельнымъ, имуществомъ,—своихъ подданныхъ. Совершенно понятно, что у него не было ни малѣйшей склонности задумываться о какихъ бы то ни было «законахъ природы», полагающихъ предѣлы царской власти. Но возникаетъ вопросъ: не задумывалась ли о такихъ законахъ та высшая часть служилаго сословія, которая, обладая болѣе или менѣе обширными вотчинами, могла сильно пострадать и скоро дѣйствительно пострадала отъ «чернаго передѣла» въ пользу «воинниковъ». На этотъ вопросъ приходится отвѣтить утвердительно: да, она думала о нихъ. Но замѣчательно, что и она никогда не приходила къ мысли объ ограниченіи царской власти посредствомъ точно опредѣленныхъ нормъ закона. Она не столько требовала, сколько совѣтовала, и при томъ совѣты ея касались не государственнаго устройства, а государственнаго управленія. Съ этой стороны представляетъ не малый интересъ литературное произведеніе, озаглавленное «Бесѣда преподобныхъ Сергія и Германа, валаамскихъ чудотворцевъ» и, повидимому, относящееся ко второй половинѣ 50-хъ годовъ XVI в. ¹⁾.

Преподобные Сергій и Германъ, отъ имени которыхъ написана вся бесѣда, настоятельно рекомендуютъ «отцамъ и братіямъ», т. е. монахамъ, полное подчиненіе царю. Они говорятъ:

«Молимъ васъ, возлюбленніи отцы и драгая братія, покоритесь благовѣрнымъ царемъ и великимъ княземъ и въ благовѣрн княземъ русскимъ радѣйте и во всемъ имъ прямите, и Бога за

¹⁾ См. «Извѣстия записій археографической коммисіи, 1885—1887 гг.», вып. X, Сиб. 1895, стр. XIX, отд. II.

нихъ молитѣ, аки сами за себя и паче себя, да такыя ради молитвы и мы помилованы будемъ. И добра государемъ своимъ во всемъ хотите и за ихъ достойтъ животомъ своимъ помирати и главы покладати, аки за православную вѣру свою, да ни власть главъ нашихъ не погибнетъ за такую къ Богу добродѣтель» ¹⁾. Мы сейчасъ увидимъ, почему авторъ «Бесѣды» заставляеть названныхъ святыхъ обращаться именно къ отцамъ и братіямъ, т. е. къ монахамъ, и почему онъ счелъ нужнымъ напомнить имъ о необходимости полнаго подчиненія. Мы убѣдимся тогда, что это напоминаніе обязано своимъ происхожденіемъ одному изъ знакомыхъ уже намъ противорѣчій московской общественной жизни. Теперь же слѣдуетъ указать на то, что, коснувшись царской власти, авторъ «бесѣды» изображаетъ ее какъ власть, которая должна быть неограниченной. «Богомъ бо вся свыше предана есть помазаннику царю и великому Богомъ избранному князю. Благовѣрнымъ княземъ русскимъ свыше всѣхъ дана есть Богомъ царю власть надо всѣми» ²⁾. Къ такому опредѣленію размѣровъ царской власти едва ли нашелъ бы что-нибудь прибавить самъ Пересвѣтовъ или даже собесѣдникъThemistocles, персидскій служилый человекъ Артабанъ. И воплотивъ согласно съ этимъ ученіемъ о безпредѣльности царской власти то убѣжденіе автора «Бесѣды», что на царѣ лежить верховная забота о благочестіи: «Царю и великому князю,—совѣтуетъ онъ,—установити по монастырямъ и вездѣ своею царскою смиренною грозою, бранью и усовѣ не брѣти, не торшати и сану своего ни чѣмъ не вредити, крестное знаменіе на лицѣ своемъ сполна воображати, каятися говѣти по вся годы всякому человеку вездѣ, исповѣдаться Господени и отцемъ духовнымъ отъ двюнадесяте лѣтъ мужеска полу и женска. О томъ царю за весь міръ крѣпко пеиися паствы и войска своего, да не за всѣхъ станетъ ко отвѣту передъ Вышнимъ Царемъ» ³⁾. Царь же обязанъ заботиться и объ исправленіи церковныхъ книгъ ⁴⁾. Авторъ рѣшительно отвергаетъ то мнѣніе,—какъ видно, тоже возникавшее въ Московскомъ государствѣ XVI-го вѣка,—что Богъ сотворилъ человека «самовольна» или «самовластна»: «аще бы самовластна человека сотворилъ Богъ на сей свѣтъ, и онъ бы не установилъ царей и великихъ князей и прочихъ властей и не раздѣлилъ бы орды отъ орды» ⁵⁾ (sic). Подобно Пересвѣтову, авторъ «Бесѣды»

¹⁾ «Литонскіе археографическаѣ комиссіи», отд. II, стр. 2.

²⁾ Тамъ же, стр. 2—3.

³⁾ Тамъ же, стр. 24—25.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 27.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 25.

считаетъ необходимой царскую грозу. Если бы не царская гроза, то люди перестали бы поститься, каяться и уважать священников¹⁾. Но между тѣмъ какъ Пересвѣтовъ стремится направить царскую грозу преимущественно на «вельможъ», авторъ «Бесѣды» находитъ, что царю надлежитъ всегда совѣтоваться съ ними, съ ненавистными Пересвѣтову «вельможами». Преподобные Сергій и Германъ прямо говорятъ у него: «а царемъ съ бояры и съ ближними пріятеля о всемъ совѣтовати пакрѣпко». По всему видно, что онъ, если не самъ принадлежалъ къ «вельможамъ», то безраздѣльно стоялъ на ихъ точкѣ зрѣнія. Какъ мірской человѣкъ того времени, онъ отнюдь не отрицалъ важнаго значенія «воинниковъ». Но онъ зналъ и помнилъ, что ихъ поведеніе часто бываетъ не совсѣмъ «христіанскимъ», и нашелъ нужнымъ прочитать имъ отъ имени святыхъ угодниковъ такое наставленіе: «Невѣрные тщатся въ ратѣхъ на убійство, и на грабленіе, и на блудъ, и на всякую нечистоту и злобу своими храбростями и тѣмъ хвалятся. А вѣрнымъ воиномъ подобаетъ въ войнахъ быти съ царскаго повелѣнія и стояти противу враговъ креста Христова крѣпко и неподвижно; а къ своевѣрнымъ и въ домѣхъ ихъ быти кротко, щедро и милостиво, и ихъ не бити, ниже мучити, и грабленія не творити, женъ и дѣвицъ не сквернити, черницъ и вдовицъ и прочихъ сиротъ и всѣхъ православныхъ христіанъ ничѣмъ не вредити, да отъ ихъ слезъ и воздыханія войскомъ всѣмъ алѣ не постражутъ»²⁾.

Авторъ «Бесѣды» пространно доказываетъ, что «всѣмъ владѣти» надлежитъ царю и поставленнымъ царемъ мірскимъ властямъ. Онъ тоже какъ за «вотчинную монархію». Но онъ совѣтуетъ царю щадить платежныя силы страны. «Подобаетъ и царемъ изъ міру съ пощадою собрати всякіе доходы и дѣла дѣлати милосердно, а не гнѣвно, ни по наносу»³⁾. При всемъ своемъ огромномъ уваженіи ко власти самодержца, авторъ «Бесѣды» заставляеть валаамскихъ чудотворцевъ высказывать большія опасенія по части царскаго «небреженія» въ управленіи страной и царской «простоты» (т.е., скажемъ,.... недогадливости). Небреженіе и простота обнаруживаются, по миѣнію чудотворцевъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что цари перестаютъ слушать своихъ естественныхъ совѣтниковъ (т.е. бояръ) и подпадаютъ подъ вліяніе чернаго духовенства, которое пользуется этимъ для своего обогащенія. «А царю достойтъ не простотовати, совѣтники совѣтъ совѣщевати о всякомъ дѣлѣ... Много множество безъ числа царіе спроста просто-

¹⁾ Тамъ же, та же страница.

²⁾ Тамъ же, стр. 21—22.

³⁾ Тамъ же, стр. 21.

тою своею отвращають иноковъ отъ душевнаго спасенія и вводятъ иноковъ въ великую и безконечную погибель, по иноческому къ царю ложному челобитью» ¹⁾. Не грѣшнѣй простотою царь управляетъ своимъ царствомъ черезъ посредство своихъ воеводъ, а не черезъ посредство иноковъ: «аще гдѣ въ мірѣ будетъ власть иноческая, а не царскихъ воеводъ, ту милости Божія нѣсть» ²⁾. Валаамскіе чудотворцы выступаютъ въ «Бесѣдѣ» съ самыми рѣзкими обличеніями иноковъ. Святые угодники убѣгали отъ міра и не стремились къ богатству, «а мы окаянніи многогрѣшніи иноцы выгнали у всемилостиваго у небеснаго Владыки, таковый нося великій образъ, а нареклися иноцы, а иноцы есмы, да только не на иноческую добродѣтель, но на всякую злобу иноки, а не на добродѣтель» ³⁾. Жадность привела иноковъ къ «новой ереси», заключающейся въ томъ ошибочномъ мнѣніи, что имъ позволительно имѣть земельныя имуществва. «Отнюдь то есть инокомъ погибель. Тѣми неподобными статьями лукавый бѣсъ родъ христіанскій во иноческомъ образѣ царскою простотою и великихъ князей жалованіемъ отвращають иноковъ отъ душевнаго спасенія и вводитъ ихъ въ великую и въ безконечную погибель, потому что таковыя власти даны міра сего свыше отъ Бога царемъ и великимъ княземъ и мірскимъ властелемъ, а не инокомъ» ⁴⁾. Иноки изображаются въ «Бесѣдѣ» людьми способными на всякія хитрости и даже подлоги. Чтобы добиться своихъ цѣлей, они готовы сознательно искажать священное Писаніе. «А сего царіе не вѣдаютъ и не внимають, что мнози книжники во иноцѣхъ по дьявольскому наносному умысленію, изъ святыхъ божественныхъ книгъ и изъ преподобныхъ житія выписываютъ, и выкрадываютъ изъ книгъ подлинное преподобныхъ и святыхъ отецъ писаніе и на то же мѣсто въ тѣхъ книги приписываютъ лучшая и полѣзная себе, носятъ на соборы во свидѣтельство, будтося подлинное святыхъ отецъ писаніе» ⁵⁾. Это мѣсто показываетъ, что автора «Бесѣды» не такъ легко было запутать доводами «отъ Писанія». Для полноты эффекта онъ пугаетъ читателя «последнимъ временемъ»: «при последнемъ времени предѣстятъ иноки лжами царей и великихъ князей и прочихъ властей, и испосулятъ ближнихъ всѣхъ, аки прежніе старцы съ книжники на распятіе, Іуда на преданіе Христа. Также при последнемъ времени умышляють иноки съ книж-

¹⁾ Тамъ же, стр. 10.

²⁾ Тамъ же, стр. 23.

³⁾ Тамъ же, стр. 20.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 21.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 11.

ники прелести своими, начать джами красти царей и великих князей. Царіе же не внимають сего и слушають ихъ обавниковъ, которыхъ испосулить они» ¹⁾). Какъ намъ уже извѣстно, въ допетровской Руси доводъ отъ «послѣдняго времени» является однимъ изъ самыхъ внушительныхъ богословскихъ доводовъ. Не удивительно, что нашему автору захотѣлось обратить его противъ столь непріятныхъ ему «старцевъ».

Однако, читатель сильно ошибся бы, если бы подумалъ, что, рисуя картину «послѣдняго времени», авторъ «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ» оперировалъ лишь съ помощью своей фантазіи. Матеріаломъ для этой картины послужили ему данныя, полученные наблюденіемъ того, что происходило въ дѣйствительной жизни. Такъ, напримѣръ, авторъ говоритъ, что за иноческіе грѣхи и за царскую простоту при «послѣднемъ времени» произойдетъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Начнутъ люди напрасными бѣдами спасатися, и по мѣстамъ за таковыя грѣхи начнутъ быти глады и морове частые, и многіе всякіе трусы и потоны, и междоусобные брани и войны, и всяко еъ міръ начнутъ гинуть грады и стѣсняются, и смятенія будутъ во царствахъ велики и ужаси, и будутъ никимъ гоними волости и села пустѣють дома христіанскіе, люди начнутъ всяко убывати, и земля начнетъ пространіе быти, а людей будетъ меньше, и тѣмъ достальнымъ людямъ будетъ на пространной земли жити пегдѣ» ²⁾).

Указанное выше запустѣніе центральныхъ мѣстностей Московскаго государства привело именно къ тому, что хотя московская земля начала «пространіе быти», но такъ какъ рабочихъ рукъ стало меньше, и производительныя силы населенія ослабѣли, то «достальные люди» терпѣли на пространной землѣ гораздо болшую нужду, чѣмъ прежде. Это обстоятельство не укрылось отъ вниманія автора «Бесѣды», и онъ яркими красками изобразилъ его въ своей картинѣ «послѣдняго времени». Другія, не менѣе выдающіяся, черты этой картины заставляютъ думать, что величественныя проищательности московскіе люди той эпохи уже предвидѣли наступленіе Смуты. Едва ли простымъ риторическимъ украшеніемъ является въ «Бесѣдѣ» предсказаніе гибели градовъ, междоусобной брани и войнъ. И также врядъ ли простою склонностью къ риторикѣ подсказаны нашему автору вотъ эти строки: «царіе на своихъ степенѣхъ царскихъ не возмогутъ держатися и почаству премѣнятися за свою царскую простоту и за иноческіе грѣхи и за

¹⁾ Тамъ же, стр. 26.

²⁾ Тамъ же, стр. 9.

мірское невозддержаніе» ¹⁾). Извѣстно, что англичанинъ Флетчеръ, посѣтившій Московское государство въ царствованіе Федора Ивановича, предсказалъ наступленіе Смуты. Вполнѣ позволительно думать, что онъ сдѣлалъ это свое предсказаніе, основываясь на слышанномъ имъ отъ московскихъ людей, входившихъ въ соприкосновеніе съ нимъ. А нарисованная авторомъ «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ» картина «послѣдняго времени» наводитъ на ту мысль, что болѣе или менѣе сознательное ожиданіе «междоусобной брани» возникало уже при Иванѣ IV. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что автору «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ» еще нельзя было предвидѣть прекращеніе династїи.

Итакъ, подъ диктовку человѣка, несомнѣнно, вышедшаго изъ мірской среды, валаамскіе чудотворцы въ своей «Бесѣдѣ» начертали цѣлую программу, содержаніе которой можетъ быть изложено приблизительно такъ:

I. Царю принадлежитъ неограниченная власть въ государствѣ.

II. Онъ управляетъ государствомъ, совѣтуясь съ боярами и не подчиняясь вліянію иноковъ, этихъ «непогребенныхъ мертвецовъ».

III. Онъ падитъ платежныя силы страны и держитъ въ уздѣ воинниковъ, не позволяя имъ притѣснять мирныхъ жителей.

IV. Монастыри перестаютъ владѣть населенными землями.

Мы видимъ, что, благопріятная для «ведоможъ», программа эта неблагопріятна для духовенства. Она направлена противъ него какъ въ своей экономической, такъ и въ своей политической части. И она дополняетъ то, что сказано было мною въ первой главѣ о взаимной борьбѣ свѣтской и духовной власти въ московской Руси.

Московскому государю нужны были земли; ему нужно было очень много земель. Чтобы увеличить свой земельный фондъ, московское правительство еще въ лицѣ Ивана III подняло вопросъ о секуляризаціи духовныхъ имѣній. Параллельно съ этимъ оно постепенно, но неуклонно суживало права вотчинныхъ землевладѣльцевъ. Его идеаломъ въ этой области было полное превращеніе вотчинъ въ помѣстья. Для такого превращенія очень много сдѣлать грозный внукъ Ивана III, осуществившій программу Пересвѣтова съ помощью своей опричнины и поставившій въ ней точки надъ «і» именно тамъ, гдѣ отъ точекъ-то и зависѣло все ея содержаніе, т. е. тамъ, гдѣ дѣло касалось отношенія неограниченнаго царя къ имуществу его подданныхъ. По словамъ проф. С. Θ. Платонова, «опричнина сокрушила землевладѣніе знати въ томъ его видѣ, какъ оно существовало изъ-старинны. Посредствомъ принудительной и

¹⁾ Тамъ же, та же страница.

систематически произведенной мѣны земель она уничтожила старыя связи удѣльных княжатъ съ ихъ родовыми вотчинами вездѣ, гдѣ считала это необходимымъ, и раскидала подозрительныхъ въ глазахъ Грознаго княжатъ по разнымъ мѣстамъ государства, преимущественно по его окраинамъ, гдѣ они превратились въ рядовыхъ служилыхъ землевладѣльцевъ¹⁾). Когда программа литовскаго выхода была осуществлена и надлежащимъ образомъ дополнена «прирожденнымъ» московскимъ государемъ примѣнительно къ московскимъ экономическимъ условіямъ; когда совершилась настоящая революція въ области имущественныхъ отношеній служилаго класса, политическое значеніе боярства было, — по замѣчанію того же проф. Платонова, — безповоротно уничтожено. Но пока революція еще только готовилась; пока жизнь еще только создавала, одну за другой, конкретныя основы будущей программы Пересвѣтова; пока еще не было безповоротно уничтожено политическое значеніе родовитаго боярства, — служилые московскіе «княжата» стремились отстоять свое существованіе, отъратить отъ себя надвигавшуюся грозу и направить ее въ другую сторону. Но они были людьми практики, а не теоріи. Имъ очень хорошо извѣстно было хозяйственное положеніе московскаго государства. Они прекрасно знали, что увеличеніе земельного фонда, дѣйствительно, было при тогдашнихъ условіяхъ одной изъ самыхъ настоятельныхъ государственныхъ нуждъ. Поэтому, они охотно откликнулись на проповѣдь «заволжскихъ старцевъ», т. е. той, — весьма мало, впрочемъ, вліятельной въ своей средѣ, — части монашества, которая, держась точки зрѣнія религіознаго аскетизма, находила, что монастыри не должны владѣть населенными имѣніями. Секуляризація многочисленныхъ и весьма обширныхъ монастырскихъ имѣній въ значительной степени увеличила бы земельный фондъ государства и тѣмъ самымъ отдалила бы опасность превращенія свѣтскихъ вотчинъ въ помѣстья. Этимъ достаточно объясняется вся экономическая сторона программы, написанной отъ имени валаамскихъ чудотворцевъ публицистомъ, отстаивавшимъ боярскіе интересы.

Что касается политической стороны этой программы, то здѣсь надо имѣть въ виду слѣдующее. Послѣ того, какъ московское правительство, натолкнувшись на рѣшительное сопротивленіе духовенства въ вопросѣ объ отобраніи монастырскихъ вотчинъ, пошло на сдѣлку и оставило ихъ въ рукахъ «непогребенныхъ мертвецовъ», ограничившись распространеніемъ своего контроля на монастырскія земли, духовная власть надолго, почти до времени патріарха Никона, разсталась съ оппозиціоннымъ настроеніемъ и вы-

¹⁾ «Очерки по исторіи смуты», стр. 147.

ступила въ роли дѣятельной помощницы московскихъ самодержцевъ. Защитники монастырскихъ владѣній, Іосифъ Волоцкой и его ученики, «осифляне», еще такъ недавно склонившіеся къ критикѣ дѣйствій свѣтской власти, сдѣлались теперь убѣжденными пропагандистами абсолютизма. Въ этомъ отношеніи они сходились съ идеологами дворянства, которое въ своей борьбѣ съ боярствомъ старалось опереться на неограниченную власть царя. Ничѣмъ неограниченная царская власть была необходима для того, чтобы совершить указанную выше аграрную революцію, которая была такъ благопріятна для дворянскихъ и такъ неблагопріятна для боярскихъ интересовъ. Въ томъ, что касалось этой революціи, «осифляне» были цѣликомъ на сторонѣ царя и дворянства. Какъ бояре не имѣли ничего противъ секуляризаціи монастырскихъ имѣній, такъ и «осифлянская» часть духовенства, — т. е. наибольшая часть его, одна только и обладавшая сколько-нибудь серьезнымъ практическимъ значеніемъ, — ровно ничего не имѣла противъ безцеремоннаго обращенія царской власти съ вотчинами княжатъ. Неудивительно поэтому, что бояре боялись вліянія «осифлянъ» на государя. Уже по своему положенію земныхъ боговъ, обязанныхъ отстаивать чистоту вѣры въ Бога небеснаго, московскіе великіе князья и цари должны были гораздо чаще соприкасаться съ вліятельными духовными лицами, нежели съ представителями низшей части служилаго сословія. Пересвѣтовъ писалъ во второй своей челобитной царю: «а выѣзду моему, государь, одиннадцатъ лѣтъ. И азъ тебя, государя благовѣрнаго царя, доступити не могу» ¹⁾. Несравненно легче было «доступити государя благовѣрнаго царя» какому-нибудь московскому архимандриту или епископу, не говоря уже о царскомъ духовникѣ. Да и не только — московскому. Заходя нѣсколько впередъ въ своемъ изложеніи, я напому здѣсь извѣстный рассказъ князя Курбскаго о свиданіи Ивана IV съ монахомъ Вассіаномъ Топорковымъ въ отдаленномъ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. Царь спросилъ Вассіана: «како бы могли добрѣ царствовать и великихъ и сильныхъ своихъ въ послушествѣ имѣти?» На это старецъ «по древней своей обыкновенной злости» хитро отвѣчалъ: «аще хочещи самодержцемъ быти, не держи себѣ совѣтника ни единого мудрѣйшаго собою: понеже самъ еси всѣхъ лучше; тако будещи твердъ на царствѣ, и все имѣти будещи въ рукахъ своихъ. Аще будещи имѣть мудрѣйшихъ близу себя, по нуждѣ будещи послушенъ имъ» ²⁾. Курбскій былъ убѣжденъ, что этотъ «силлогизмъ сатанинскій», какъ называетъ онъ отвѣтъ То-

¹⁾ Ржизга, названное соч., стр. 79.

²⁾ «Сказаніе князя Курбскаго», стр. 37—38.

поркова, пришлось по душе царю и имѣлъ большое вліяніе на его внутреннюю политику. Въ виду всего этого, становятся совершенно понятными пространныя разсужденія валаамскихъ чудотворцевъ о томъ, какъ вредны для страны совѣщанія «простоватыхъ» царей съ «непогребенными мертвецами». Вліяніе на царя «непогребенныхъ мертвецовъ»,—конечно, «осифлянского» направленія,—въ корнѣ подрывало вліяніе на него родовитаго боярства. Стало быть, не проста авторъ «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ» грозилъ «послѣднимъ временемъ» такому царю, который захотѣлъ бы совѣщаться съ монахами.

Это, надѣюсь, не требуетъ дальнѣйшихъ поясненій. Но вотъ, что надо отмѣтить еще въ разбираемой «Бесѣдѣ». Преподобные Сергій и Германъ обращаютъ вниманіе на тяжелое положеніе монастырскихъ трудниковъ, т. е. крестьянъ: «нынѣ мы окаянниі... подъ собою имѣемъ волости со христіанами и надъ ними властвуемъ немилосердство и злобу показуемъ и всякую неправду»¹⁾. Валаамскіе чудотворцы напоминаютъ, что иноки должны были бы любить всѣхъ трудниковъ и бѣльцовъ и прочихъ православныхъ, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ они жестоко эксплуатируютъ подчиненныхъ имъ земледѣльцевъ. Трудники «на насъ иноковъ по вся дни тружуются безъ выбору и насъ иноковъ питаютъ своими вольными и невольными трудами, во всемъ передъ нами послушаніе творятъ. А мы окаянниі по діаволу наученію таковыхъ Бого избранныхъ лишаемъ брашна своего, аки невѣрныхъ иноземцевъ и прочихъ поганныхъ. О мы безумніи! камо ся дѣнемъ и како противу ихъ станемъ отвѣщати предъ страшнымъ и праведнымъ судією» и т. д.²⁾ Какъ фактъ изъ исторіи русской общественной мысли, это страстное воззваніе преподобныхъ Сергія и Германа означаетъ, что авторъ «Бесѣды», обѣими ногами стоявшій на боярской точкѣ зрѣнія, сознавалъ и осуждалъ тяжелое положеніе монастырскаго крестьянства. Ему совершенно ясно, что иноки монастырей, обладающихъ вотчинами, живутъ эксплуатацией крестьянства, какъ сказали бы мы теперь. И онъ не стѣсняется высказать это. Противорѣчіе ведетъ впередъ. Въ обществѣ, раздѣленномъ на классы,—или на сословія, это въ данномъ случаѣ безразлично,—классовая борьба открываетъ людямъ глаза на такія истины, которыя безъ нея остались бы недоступными для нихъ. Правда, когда такія истины доходятъ до сознанія людей привилегированнаго положенія, то онѣ понимаются ими довольно одно-сторонне. Валаамскіе чудотворцы оплакивали тяжелое положеніе

¹⁾ «Изъясненія занятій археографической комиссіи», отд. II, стр. 17.

²⁾ Тамъ же, стр. 17—18.

монастырскихъ крестьянъ. Однако, они забыли спросить себя, каково живетъ крестьянамъ въ боярскихъ вотчинахъ. Это произошло оттого, что авторъ «Бесѣды» отстаивалъ, какъ мы знаемъ, боярскіе интересы. Много времени спустя, англійскіе лорды жестоко упрекали англійскихъ фабрикантовъ въ безпощадной эксплуатаціи промышленнаго пролетаріата. Но добрые лорды тоже забывали спросить себя: «а какую жизнь ведутъ рабочіе въ нашихъ собственныхъ имѣніяхъ?» Этотъ вопросъ поставили за нихъ фабриканты. Они услужливо предприняли цѣлое изслѣдованіе, убѣдительно показавшее, что положеніе англійскихъ рабочихъ было въ сельскихъ округахъ ничуть не лучше, нежели въ промышленныхъ. Насколько мнѣ извѣстно, защищавшіе монастырскія владѣнія «осифляне» не догадались отплатить такою же любезностью московскимъ боярамъ XVI в. И это очень жаль!

Въ нѣкоторыхъ своихъ спискахъ «Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ» сопровождается интереснымъ документомъ, озаглавленнымъ: «Ино сказаніе тоежъ бесѣды, отъ видѣнія извѣтъ преподобныхъ игуменовъ Сергія и Германа Валаамскихъ начальниковъ властвующему князю великаго Новгорода, посадникамъ и сущимъ Новгородцамъ съ ними». Въ дѣйствительности, этотъ документъ вовсе не представляетъ собою разновидности «тоже бесѣды» и принадлежитъ, по всей видимости, другому автору. Но это дѣлаетъ его тѣмъ болѣе интереснымъ.

По мнѣнію автора «Иного сказанія», христіанскимъ царямъ русской земли подобаетъ укрѣплять своихъ воеводъ и свое войско и во всѣ стороны распространять свое государство. Но это дѣло не можетъ быть сдѣлано силами одной верховной власти. Для него необходимо сочетаніе всѣхъ общественныхъ силъ.

«И на такое дѣло благое достонтъ святѣйшамъ вселенскимъ патріархомъ и православнымъ благочестивымъ «папамъ» (?), пресвященнымъ митрополитамъ и всѣмъ священнымъ архіепископомъ и епископомъ и преподобнымъ архимаритомъ и игуменомъ и всему священническому и иноческому чину благословити царей и великихъ князей русскихъ московскихъ на единомысленный вселенскій совѣтъ». Такой совѣтъ надлежитъ царю «воздвигнути отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ, безо величества и безъ высокоумія гордости, христонподобно смиренной мудростію», и держать при себѣ погодно. Другими словами, авторъ требуетъ созванія земскаго собора съ широкимъ и дѣйствительнымъ представительствомъ отъ городовъ и уѣздовъ. Это весьма ясное само по себѣ требованіе показалось страннымъ и неяснымъ покойному А. Н. Пышину только по той причинѣ, что, совѣтуя созвать соборъ, авторъ «Иного сказанія» рекомендуетъ царю «рас-

просити» его о постѣ и покаяніи: «и на всякъ день ихъ добръ распросити царю самому о всегоднемъ посту и о каеніи міра всего и про всякое дѣло міра сего» ¹⁾). А. Н. Пыпинъ замѣчаетъ: «выходитъ такъ, что вселенскій соборъ нуженъ для наблюденія того, держатся ли посты и исповѣдь, и затѣмъ уже для другихъ дѣлъ сего міра» ²⁾). Но что же тутъ удивительнаго? Мы уже знаемъ, что по понятіямъ московскихъ публицистовъ XVI в.,—и при томъ всѣхъ, безъ различія партій,—царь былъ верховнымъ охранителемъ благочестія въ странѣ. Читатель не забудь, надѣюсь, какъ и кѣмъ сдѣланы были первые шаги для учрежденія патріаршества въ Россіи. Когда царю Федору Ивановичу, религіозная благонамѣренность котораго стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія (извѣстно, что отецъ насмѣшливо называлъ его пономаремъ), пришла мысль учредить патріаршество, онъ посовѣтовался объ этомъ со своей супругою и съ боярами и только заручившись ихъ одобреніемъ обратился къ духовенству, которому оставалось лишь привести въ исполненіе планъ, уже обдуманнй царемъ съ царицей и боярами. При такомъ положеніи дѣлъ понятно, что авторъ «Иного сказанія» предоставляетъ свѣтской власти верховную заботу о постахъ и исповѣди. Далѣе. Мы видѣли, что даже Пересвѣтовъ, для котораго правда была важнѣе вѣры, любилъ ставить доводы отъ религіи во главу своей аргументаціи. Вотъ почему вполнѣ естественно, что авторъ «Иного сказанія» рекомендуетъ «вселенскому собору» прежде всего внимательное отношеніе къ вопросамъ церковнаго благочестія. Это было какъ нельзя болѣе согласно съ привычками и образомъ мысли московскихъ людей. Съ другой стороны, очень мало распространенъ былъ тогда, во-первыхъ, тотъ взглядъ, что забота объ охраненіи благочестія принадлежитъ не только царю съ боярами, но также и народнымъ представителямъ, а, во-вторыхъ,—тотъ, что съ тѣми же народными представителями царь «на всякъ день» долженъ совѣщаться также о «всякомъ дѣлѣ міра сего». Взглядъ этотъ составляетъ чрезвычайно интересную особенность «Иного сказанія», и какъ ни запутанно выражается его авторъ,—А. Н. Пыпинъ недаромъ говоритъ объ его «плохой грамотности»,—онъ все-таки представляетъ собою замѣчательное явленіе въ тогдашней нашей публицистикѣ.

А. Н. Пыпинъ не рѣшается сказать съ увѣренностью, что авторъ «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ» былъ сознательнымъ приверженцемъ боярской партіи. «Могло быть,—говоритъ онъ,—что, выставляя князей и бояръ естественными совѣтниками царя

¹⁾ Тамъ же, стр. 29 и 32.

²⁾ Пыпинъ, «Исторія русской литературы», т. II, стр. 157.

въ правленіи, онъ только повторялъ традиціонное представленіе о царскомъ правленіи,—главное было для него въ томъ, чтобы въ правленіе не мѣшались «непогребенные мертвецы» ¹⁾). Конечно, это могло быть. Но самъ же А. Н. Пыпинъ указываетъ на то, что авторъ «Бесѣды» былъ не монахомъ, а «мірскимъ человѣкомъ», живо затронутымъ тогдашними толками по вопросу о монастырскихъ имѣніяхъ, о вмѣшательствѣ іерархіи въ государственныя дѣла, объ упадкѣ боярскаго вліянія» ²⁾). А мірской о мірскомъ и думаетъ. И если даже допустить, что авторъ «Бесѣды» больше всего опасался вмѣшательства «непогребенныхъ мертвецовъ» въ дѣла государственнаго управленія, то и тогда у насъ не будетъ права сомнѣваться въ сознательномъ отношеніи автора «Бесѣды» къ боярскимъ притязаніямъ: иноки «осифлянскаго» направленія могли, какъ уже сказано, своимъ вліяніемъ на свѣтскую власть сильно повредить интересамъ боярства.

¹⁾ Тамъ же, та же страница.

²⁾ Тамъ же, стр. 151—152.

Глава IV.

Движеніе общественной мысли подъ вліяніемъ борьбы царя съ боярствомъ.

Заводя рѣчь о борьбѣ московскихъ государей съ боярствомъ, необходимо сейчасъ же сдѣлать ту существенную оговорку, что въ этой борьбѣ бояре держались оборонительной, а не наступательной тактики. Знакомыя уже намъ особенности экономического развитія московскаго государства сдѣлали бояръ неспособными не только вырывать у государей новыя привилегіи, но и отстаивать старыя. Московское боярство не выставляло опредѣленныхъ политическихъ требованій. Во время дѣтства Ивана IV власть фактически была въ рукахъ крупныхъ боярскихъ родовъ. Но они воспользовались ею для взаимной борьбы и для взаимныхъ счетовъ, а не для усиленія своей политической позиціи. Когда Иванъ IV пришелъ въ возрастъ и далъ имъ почувствовать свои деспотическія наклонности, они тоже показали себя недорослими до мысли объ юридическомъ ограниченіи верховной власти. Они вполне готовы были удовольствоваться фактическимъ ограниченіемъ ея посредствомъ личнаго вліянія на самодержца со стороны его совѣтниковъ. Да и съ этой стороны они не обнаружили аристократической исключительности. Энергичный и талантливый идеологъ московскаго боярства XVI вѣка, князь Андрей Михайловичъ Курбскій съ величайшею похвалою отзывается въ своей «Исторіи князя великаго московскаго» о томъ періодѣ царствованія Ивана IV, когда онъ правилъ государствомъ согласно указаніямъ «избранной рады». Но вѣдь рада эта состояла не изъ однихъ бояръ. Если въ нее входилъ самъ кн. А. М. Курбскій, то въ нее же входилъ и митрополитъ Макарій, и тогъ Сильвестръ, и мелкій дворянинъ Алексѣй Адашевъ. Намъ уже извѣстно изъ «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ», какъ опасались бояре вмѣшательства духовенства въ дѣла государственнаго управленія. Знаемъ мы и то, что въ XVI вѣкѣ многіе существенные интересы родовитаго бояр-

ства были прямо противоположны не менѣ существеннымъ интересамъ мелкаго дворянства. Однако, Курбскій ни мало не осуждаетъ участія въ «избранной радѣ» попа Сильвестра и дворянина Адашева. Совершенно наоборотъ. Онъ не находитъ достаточно яркихъ словъ для изображенія благотворности ихъ вліянія на царя. Сообщая о совѣтникахъ, привлеченныхъ Сильвестромъ и Адашевымъ къ управленію государствомъ, онъ тоже не показываетъ себя исключительнымъ сторонникомъ боярскаго вліянія. Въ его глазахъ важнѣе всего то, что совѣтники были «мужами разумными и совершенными... такожь предобрыми и храбрыми... въ военныхъ и земскихъ вѣщахъ по всему искусными». Онъ признаетъ, что отъ «избранной рады» зависѣло все управленіе государствомъ, но въ своей характеристикѣ ея дѣятельности онъ съ похвалою выдвигаетъ на видъ ея готовность наградить всякаго служилаго человѣка, показавшаго усердіе и талантъ. Онъ пишетъ: «и аще кто явится мужественнымъ въ битвахъ и окровитъ руку въ крови вражьей, сего дарованнымъ почитано, яко движными вещи, такъ и недвижимыми. Нѣкоторые жъ отъ нихъ, искусѣйшіе, того ради и на вышнія степени возводились» ¹⁾. Награда сообразуется только съ заслугой. О родовитости награждаемаго нѣтъ и рѣчи. Это вполне одобрилъ бы самъ Пересвѣтовъ. Мало того. Въ своихъ письмахъ къ Курбскому Иванъ говоритъ объ Адашевѣ: «собакѣ Алексію вашему начальнику» и т. д. ²⁾. Иногда «начальникомъ» онъ называетъ также и попа Сильвестра. Противъ этого Курбскій ровно ничего не возражаетъ въ своихъ отвѣтахъ. Это даетъ поводъ думать, что преобладающую роль въ «избранной радѣ» дѣйствительно играли люди, не принадлежавшіе къ боярскому кругу. А все это вмѣстѣ взятое означаетъ, что мы попали бы въ большую ошибку, если бы представили себѣ названную раду органомъ исключительнаго боярскаго вліянія. Нѣтъ, время ея господства въ управленіи государствомъ было временемъ компромисса между боярствомъ, духовенствомъ и дворянствомъ ³⁾. Боярству такой компромиссъ былъ выго-

¹⁾ «Сказанія кн. Курбскаго», стр. 10.

²⁾ Тамъ же, стр. 162.

³⁾ В. А. Келтузла считаетъ попа Сильвестра «выразителемъ интересовъ торгово-промышленнаго класса населенія «спасадскихъ» на томъ основаніи, что онъ обладалъ большимъ состояніемъ и находился въ дѣятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ русскими и иностранными купцами («Курсъ», ч. I, кн. 2-я, стр. 626). Но богатый священникъ, ведущій большіе торговые обороты, не всегда переходитъ на точку зрѣнія торгово-промышленнаго класса, хотя, разумеется, не можетъ и пренебрегать его интересами. Впрочемъ, если бы взгляды В. А. Келтузлы и были справедливы, то еще лишился бы только новымъ доводомъ въ пользу того моего мнѣнія, что «избранная рада» не была органомъ чисто боярскаго вліянія: по мнѣнію г. Келтузлы, духовенство было представлено въ «избранной радѣ» митрополитомъ Макаріемъ.

день, так как онъ, по крайней мѣрѣ, отсрачивалъ наступательный противъ него союзъ духовенства и дворянства съ царемъ, уже рано обнаружившимъ свое нерасположеніе къ боярамъ. Съ другой стороны, мыслящіе представители духовенства и дворянства могли находить полезнымъ союзъ свой съ представителями боярства для вразумленія Ивана, который тогда уже показать себя дикимъ и взбалмошнымъ не только въ обращеніи съ боярами ¹⁾. Оставляя въ сторонѣ едва ли разрывимый теперь вопросъ о томъ, какими именно путями достигла «избранная рада» своего вліянія на молодого царя, нельзя, кажется, не признать, что оно было въ теченіе нѣкотораго времени почти безграничнымъ. Мы видимъ это какъ изъ «Исторіи» Курбскаго, такъ и изъ писемъ Ивана. Въ своемъ первомъ отвѣтѣ Курбскому Грозный говоритъ, что во время похода на Казань его «аки плѣнника всадивъ въ судно, везяху съ малѣйшими людьми сквозъ безбожную и невѣрную землю» ²⁾. Больше того. Иванъ утверждаетъ, что онъ былъ лишенъ своей воли даже въ мелочахъ, касавшихся «обуца и спанья». Короче: «вся не по своей волѣ бяху, но по ихъ хотѣнію творяхуся; намъ же аки младенцемъ пребывающимъ» ³⁾. Если правда то, что своенравный и распущенный царь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подчинялся такому режиму, то мы, можетъ быть, имѣемъ передъ собою интересный случай гипнотическаго вліянія. Но вліяніе это мало-по-малу ослабѣло. А тотъ компромиссъ, которому онъ шелъ на пользу, уступилъ мѣсто новому обостренію взаимной классовой борьбы въ московскомъ обществѣ. По разсказу Курбскаго о встрѣчѣ Ивана съ Вассіаномъ Топорковымъ выходитъ, что компромиссъ нарушенъ былъ происками «осифлянскаго» духовенства. Но онъ и не могъ быть прочнымъ по извѣстнымъ уже намъ историческимъ условіямъ того времени. Московское государство все болѣе и болѣе превращалось въ вотчинную монархію восточнаго типа не потому, что этого хотѣлъ тотъ или другой государь, тотъ или другой, свѣтскій или духовный, совѣтникъ того или другого государя. Напротивъ, го-

¹⁾ Извѣстенъ приемъ, оказанный имъ инокѣтикамъ, пришедшимъ жаловаться на своего воеводу кн. Турунта: онъ «опалился» на нихъ страшнымъ гнѣвомъ и сталъ ихъ мучить, что называется ни за что ни про что. Курбскій разсказываетъ, что Иванъ «сначала перѣе безцелесныхъ крови проливати, съ стремимъ въсокихъ мечюще ихъ... Егда же уже приходилъ къ нѣтумнадесяти лѣту и лѣце, тогда началъ чело-вѣкомъ урочати. И собравши чети юныхъ около себя дѣтей и среднихъ омыль предреченныхъ ситликовъ, по стопамъ и по торжищамъ началъ на ковахъ съ ними ѣздати и всенародныхъ челоуѣкомъ, мужей и женъ, бити и грабити, скачущи и бѣгающе всюду неблагоуинны (сказаніе, стр. 6)». Образумить такого удалца можно было для всѣхъ жителей страны безъ различія знаній и состояній.

²⁾ «Сказаніе», стр. 165.

³⁾ Тамъ же, стр. 164.

судари и ихъ совѣтники потому и хотѣли превратить Московское государство въ вотчинную монархію, т. е. распространить власть монарха не только на лицъ, но и на все ихъ имущество, что такая политика предписывалась историческими условіями хозяйственнаго развитія страны. Компромиссъ между боярствомъ, дворянствомъ и духовенствомъ не могъ устранить эти условія. И точно такъ же не могъ онъ привести къ тому, чтобы превращеніе вотчинъ въ помѣстья, такъ рѣзко противорѣчившее интересамъ бояръ, перестало быть весьма выгоднымъ для дворянства. Та среда, настроеніе которой выразилось въ сочиненіяхъ Пересвѣтова, продолжала, конечно, существовать и тогда, когда заключенъ былъ компромиссъ. Ея стремленія должны были рано или поздно дать себя почувствовать. Когда Иванъ освободился отъ гипнотическаго вліянія «избранной рады», онъ пошелъ какъ разъ въ томъ направленіи, какое указано было въ сочиненіяхъ Пересвѣтова. Онъ вполне усвоилъ себѣ программу этого послѣдняго; но только онъ наполнилъ ее гораздо болѣе конкретнымъ содержаніемъ, совершивъ съ помощью своихъ опричныхъ «воинниковъ» вышеуказанный земельный переворотъ и проявивъ при этомъ такую безудержную жестокость, такое дикое самодурство, о какихъ вовсе не мечталъ Пересвѣтовъ, рисуя образъ своего жестокаго, но мудраго Махметъ-салтана. Когда компромиссъ былъ нарушенъ, царю, опиравшемуся на дворянство и на «осифлянское» духовенство, выпала на долю роль нападающаго, а боярству оставалось только защищаться. Вотъ почему, боярскій публицистъ Курбскій въ своей полемикѣ съ Грознымъ никогда не покидаетъ оборонительной позиціи. Но такъ какъ предыдущая исторія Московскаго государства, вслѣдствіе слабости общественной дифференціаціи, не только не выработала юридическихъ нормъ, которыя опредѣляли бы права отдѣльныхъ классовъ, но и не вызвала ни въ одномъ изъ нихъ сознательнаго стремленія къ созданію такихъ нормъ, то Курбскій заимствуетъ свои доводы не столько изъ области политики, сколько изъ области морали, подкрѣпляя ихъ ссылками на св. Писаніе. Онъ не предъявляетъ конституціонныхъ требованій; его взоръ,—подобно взору автора «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ»,—не простирается дальше системы управленія государствомъ.

Его первое письмо къ Ивану,—такъ художественно воспроизведенное гр. Толстымъ въ стихотвореніи «Василій Шибановъ»,—содержитъ въ себѣ почти одиѣ только жалобы на жестокое обращеніе царя съ боярами. «Протѣ, царю! сильныхъ во Израили побить еси? и воеводѣ, отъ Бога данныхъ ти, различнымъ смертемъ предати еси? и побѣдоносную, святую кровь ихъ во церквахъ

Божіихъ, во владыческихъ торжествахъ, проліялъ еси? и мученическими ихъ кровями праги церковныя обагрилъ еси?.. Что провинили предъ тобою, о царю, и чимъ прогнѣвали тя христіанскіе предстатели? Не прегордыя ли царства разорили и подручныхъ во всемъ тобѣ сотворили, мужествомъ храбрости ихъ, у нихъ же прежде въ работѣ быша, праотцы наши? Не претвердые ли грады Германскіе тщаніемъ разума ихъ отъ Бога тобѣ даны бысть? Сія ли намъ бѣднымъ воздалъ еси, всеродно погубляя насъ?» ¹⁾. Какъ слаба оборонительная позиція опальнаго князя, видно изъ того, что онъ можетъ погрозить жестокому царю лишь возмездіемъ на томъ свѣтѣ. «Или безсмертенъ, царю! миниши? Или въ небытную ересь прельщенъ, аки не хотя уже предстати неумытному Судіи, богочающему Іисусу, хотящему судити вселеннѣй въ правду, паче же прегордымъ мучителемъ, и не обинуясь истязати ихъ... яко же словеса глаголютъ? Онъ есть—Христосъ мой, сѣдѣющій на престолѣ херувимскомъ, одесную Силы владычества во превысокихъ—судитель между тобою и мною» ²⁾. Когда польскіе и литовскіе магнаты были очень недовольны своимъ королемъ, они грозили ему «рокошемъ», а не судебнымъ разбирательствомъ на томъ свѣтѣ. Но ихъ общественное положеніе было совсѣмъ другое, чѣмъ положеніе московскихъ бояръ.

Курбскій чувствовалъ, что преслѣдованіе, обрушившееся на родовитыхъ бояръ, имѣло свою экономическую основу. Въ своей «Исторіи князя великаго московскаго» онъ, говоря о преслѣдованіи Иваномъ князей Прозоровскихъ и Ушатыхъ, прибавляетъ: «по неже имѣли отчины великія; мною негли (вѣроятно, Г. П.) изъ того ихъ погубилъ» ³⁾. Въ своемъ «краткомъ отвѣщаніи на зѣло широкую епистолїю» Ивана Курбскій упрекаетъ царя въ томъ, что онъ отнялъ у бояръ все то, чего не успѣли «разграбить» его отецъ и дѣдъ, всѣ «движимыя стяжанія и недвижимыя» ⁴⁾.

Упрекъ въ отнятіи у бояръ ихъ «стяжаній» сопровождается у Курбскаго напомниманіемъ Ивану о томъ, что истребленные и ограбленные имъ «княжата» были одного съ нимъ племени, происходя «отъ роду великаго Владиміра» ⁵⁾. Это напомниманіе показываетъ, что споръ Курбскаго съ Иваномъ былъ не только споромъ служилаго человѣка со своимъ государемъ. Въ извѣстной мѣрѣ онъ являлся также споромъ двухъ вѣтвей одного и того

¹⁾ «Сказаніе», стр. 132.

²⁾ Тамъ же, та же страница.

³⁾ «Сказаніе», стр. 85.

⁴⁾ «Сказаніе», стр. 192.

⁵⁾ Тамъ же, та же страница.

же «рода великаго Владиміра». Иначе сказать: въ лицѣ Курбскаго говорилъ не только недовольный «велможа»; въ его лицѣ говорилъ также,—а, можетъ быть, и еще того больше?—одинъ изъ потомкомъ ярославскихъ князей, обиженный однимъ изъ сильныхъ князей московскихъ ¹⁾. А это значить, что стремленія подобныхъ ему «княжатъ» продолжали имѣть двойственный характеръ, будучи въ значительной степени опредѣляемы воспоминаніями о связи боярскихъ семействъ съ «родомъ великаго Владиміра», а не современнымъ ихъ положеніемъ въ государствѣ. Этимъ неопредѣленнымъ характеромъ объясняется и двойственная, противорѣчивая природа пресловутаго московскаго мѣстничества ²⁾. Нетрудно видѣть, наконецъ, что двойственный характеръ указанныхъ стремлений объясняется тѣми историческими условіями, которыя помѣшали возникновенію и упроченію въ Москвѣ сильной и вліятельной землевладѣльческой аристократіи. Когда «аристократъ» отстаиваетъ свое значеніе, опираясь лишь на свою принадлежность къ тому роду, отъ котораго происходитъ государь, тогда онъ еще не настоящій аристократъ. Литовскіе «паны-рада» основывали свою «вольность» на политическихъ правахъ, завоеванныхъ путемъ долгой борьбы; понятіе о подобныхъ правахъ выработалось въ Литвѣ,—какъ и въ Польшѣ, какъ и въ другихъ западныхъ государствахъ,—совершенно независимо отъ соображеній о болѣе или менѣе кровной близости той или другой аристократической семьи къ королевскому роду. Поэтому въ Литвѣ, какъ и въ западныхъ государствахъ, не было московскаго мѣстничества.

А. Н. Пылинъ нашелъ нужнымъ защитить Курбскаго отъ обвиненія въ томъ, что онъ отстаивалъ право отъѣзда и право совѣта ³⁾. Какъ я уже замѣтилъ выше, Курбскій вообще не выдвигалъ опредѣленныхъ политическихъ требованій и не отстаивалъ опредѣленныхъ политическихъ понятій. Но все-таки ясно, что въ его глазахъ отъѣздъ не могъ быть такимъ плохимъ дѣломъ, какимъ былъ онъ въ глазахъ Ивана. Иванъ считалъ его измѣной: «измѣнниче», говоритъ онъ, обращаясь къ Курбскому въ одномъ изъ своихъ писемъ. А. Курбскій, по всей вѣроятности, хорошо помнилъ, что еще очень недавно право отъѣзда признавалось самими

¹⁾ Въ отбитіи на второе письмо Ивана Курбскій употребляетъ негодующее выраженіе: «стѣа замъ издавна превознесенный родъ». «Сказаніе», стр. 203. Тутъ мы видимъ скорѣе столкновеніе двухъ княжескихъ родовъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ одного общаго перся, нежели столкновеніе аристократіи съ верховной властью.

²⁾ Спорившіе между собою изъ-за «мѣстъ» родопитые московскіе бояре апеллировали къ «Родословцу», а «Родословецъ» опять напоминалъ объ ихъ родственной связи съ владѣтельными домами.

³⁾ «Исторія русской литературы», томъ II, стр. 171.

московскими государями ¹⁾. Притомъ, литовское великое княжество въ большей части своей территоріи тоже было Русью, хотя и подъ «державою» католическаго государя. Въ своемъ отвѣтѣ на второе письмо Ивана Курбскій говоритъ между прочимъ: «царь Перекопскій, присылалъ яко королеви моляся, такъ и насъ просячи, иже бы пошелъ есть съ нимъ на тую часть Русскія земли, язъ подъ державою твоею» ²⁾. Послѣднія слова этого отрывка свидѣлствуютъ, что въ представленіи Курбскаго предѣлы русской земли совсѣмъ не совпадали съ предѣлами Московскаго государства. Интересно, что Курбскій отказался пойти противъ москвитянъ съ «перекопскимъ царемъ», вопреки приказанію своего новаго государя, польскаго короля и великаго литовскаго князя ³⁾. А если онъ «воевалъ» московскую землю, выступая подъ литовскими знаменами, то литовская Русь издавна привыкла бороться съ московской, какъ московская Русь издавна привыкла нападать на литовскую.

Взглядъ Курбскаго на право отъѣзда достаточно полно выражень въ слѣдующихъ строкахъ отвѣта его на второе письмо Ивана: «азъ давно уже на широкоушчателный листъ твой отписалъ ти, да не возмогохъ послати, непохвальнаго ради обыкновенія земель тѣхъ, иже затворилъ еси царство Русское, сирѣчь свободное естество человѣческое, аки во адовѣ твердыи; и кто бы изъ земли твоей поѣхалъ, по пророку до чужихъ земель, яко Иисусъ Сираховъ глаголетъ: ты называешь того измѣнникомъ; а если изымають на предѣлѣ, и ты казнишь различными смертями (такъ жъ и адѣ, тобѣ угодобяся, жестоцѣ творять)» ⁴⁾. Очевидно, что Курбскій считалъ нарушеніе права отъѣзда однимъ изъ проявленій тираническихъ наклонностей московскаго царя.

Переходя отъ вопроса объ отъѣздѣ къ вопросу о совѣтѣ, слѣдуетъ замѣтить, что въ своихъ письмахъ къ Ивану Курбскій не касается этого послѣдняго вопроса. Но зато ставить его въ своей исторіи. «Царь же,—говоритъ онъ тамъ,—аще и почтенъ цар-

¹⁾ Это было одно изъ немногихъ правъ служилыхъ людей, формально признававшихся князьями. Въ послѣдній разъ оно признано было въ договорѣ великаго князя Василія Ивановича съ роднымъ братомъ своимъ Юріемъ Ивановичемъ въ 1581 г. (М. Дьяконовъ, «Очерки», стр. 255). Но въ томъ-то и бѣда, что признавалось оно въ договорахъ князей между собою, а не въ договорахъ государей со служилыми людьми. Московское служилое сословіе не дошло до такихъ договоровъ. Оттого въ практикѣ московскихъ государей издавна вошло наказаніе тѣмъ, пользовавшимся правомъ отъѣзда, служилыхъ людей, которые снова попадали въ ихъ руки.

²⁾ «Сказаніе», стр. 202.

³⁾ Тамъ же, та же страница.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 204.

ствомъ, а дарованій которыхъ отъ Бога не получили, должны искать добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣкъ: понеже даръ духа дается не по богатству вѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной; убо не зритъ Богъ на могущество и гордость, но на правость сердечную, и даетъ дары, сирѣчь елико кто вмѣститъ добрымъ произволеніемъ¹⁾. Тутъ мы опять не находимъ опредѣленнаго требованія по части государственнаго устройства, но зато опять встрѣчаемся съ весьма опредѣленнымъ указаніемъ на счетъ государственнаго управленія. Указаніе это еще болѣе увеличивается въ своемъ вѣсѣ, благодаря исторической ссылкѣ Курбскаго на Ивана III, который освободилъ отъ татаръ свое государство, возвелъ его и расширилъ его предѣлы, оттого что былъ «любосовѣтенъ» и имѣлъ обычай «ничтоже починати безъ глубокаго и многаго совѣта»²⁾. Но Иванъ III, который, къ слову сказать, тоже былъ довольно-таки деспотиченъ, совѣщался съ боярской думой, а не со «всенародными человѣками». Поэтому Курбскій ставитъ вопросъ шире, чѣмъ рѣшался онъ практикой государственнаго управленія при дѣдѣ Грознаго. Признавая «всенародныхъ человѣкъ» желательными совѣтниками царя, онъ заставляетъ вспомнить объ «Иномъ сказаніи», рекомендовавшемъ созваніе царемъ вселенскаго собора. Правда, онъ выражается не вполне ясно. И сказанное имъ о «всенародныхъ человѣкахъ» можетъ, пожалуй, быть истолковано не въ смыслъ созванія земскаго собора, а въ гораздо болѣе ограниченномъ смыслѣ привлеченія въ царскую «раду» отдѣльныхъ выдающихся представителей народа. Но все-таки Курбскій желаетъ не только того, чтобы «въ правленіи участвовали люди честные и опытные»,—какъ выражается А. Н. Пыпинъ. Онъ хочетъ также, чтобы царь совѣщался съ опытными и честными людьми, участвующими въ государственномъ управленіи. А это не одно и то же.

Если взглядъ Курбскаго на «совѣтъ» заставляетъ насъ вспомнить объ «Иномъ сказаніи», то отвѣты Грознаго не разъ приводятъ намъ на память «Бесѣду валаамскихъ чудотворцевъ». Въ первомъ изъ нихъ Грозный говоритъ Курбскому: «или речени ми, яко святительскія поученія тако приимаху? И благо, и прикладно! Иное же свою душу спасти, иное же многими душами и тѣлесами пеиися: ино убо есть постническое пребываніе, иноже во общемъ житіи сожитіе, иноже святительская власть, иноже царское правленіе»³⁾. Авторъ «Бесѣды валаамскихъ чудотвор-

¹⁾ Тамъ же, стр. 39—40.

²⁾ Тамъ же, стр. 40.

³⁾ «Сказаніе», стр. 153.

цевъ» тоже весьма пространно доказывалъ, какъ мы знаемъ, что иное дѣло царское правленіе, а иное—святительская власть ¹⁾. Это не мѣшаетъ доводамъ Ивана IV напоминать и доводы Пересвѣтова. Подобно Пересвѣтову, онъ ссылается на паденіе Константинополя, какъ на яркій примѣръ тѣхъ печальныхъ послѣдствій, къ какимъ ведетъ подчиненіе царя своимъ совѣтникамъ. «Смотри же убо се и разумѣй,—пишетъ онъ,—каково правленіе составляется въ разныхъ началѣхъ и властехъ, и понеже убо тамо была царіе послушны епархомъ и сикелитомъ, и въ какову погибель придоша! Сія ли убо намъ совѣтуемъ, еже къ такоу погибели прійти. И се ли убо благочестіе, еже не строити царства, и злодѣйственныхъ челоуѣкъ не възустити и къ разоренію иноплемennыхъ подати?» ²⁾. Такимъ образомъ, аргументація Грознаго является какъ бы синтезомъ тѣхъ доводовъ, которые выдвигались идеологами дворянства противъ господства «велможъ», съ тѣми, которые выставлялись боярскими идеологами противъ вмѣшательства духовенства. Это соответствуетъ дѣйствительному положенію дѣлъ въ то время. Верховная власть сумѣла превосходно воспользоваться взаимной борьбой различныхъ общественныхъ силъ въ своихъ собственныхъ интересахъ.

Въ нашей литературѣ довольно распространенъ взглядъ на Грознаго, какъ на талантливаго публициста и въ особенности полемиста. Но тому, кто далъ себѣ трудъ прочесть хотя бы только первый отвѣтъ его къ Курбскому, легко признать справедливость тѣхъ насмѣшекъ, съ которыми встрѣтилъ опальный бояринъ «зѣло широкую епистолію великаго князя московскаго». Весьма замѣчательнъ по своей полной основательности ядовитый отзывъ Курбскаго о ссылкѣ его противника на св. Писаніе: «а намъ чаче такъ отъ многихъ священныхъ словесъ хватано, и тѣ со мноюу яростію и лютостію, ни строками, а ни стихами, яко обычай искуснымъ и ученымъ, аще о чемъ случится кому будетъ писати, въ краткихъ словесѣхъ много разумъ замыкающе; но зѣло паче мѣры преизлишно и звязливо, цѣлыми книгами, и паремьями цѣлыми, и посланьями!» ³⁾. Грозный, въ самомъ дѣлѣ, до смѣшного неловокъ и неукалюжъ въ своемъ обращеніи съ цитатами. Не менѣе основательно и ядовитое указаніе Курбскаго на то, что цитаты изъ

¹⁾ Выше я сказалъ, что формула: иное дѣло власть святительская, а иное—власть земная, страдаетъ крайней растяжимостію. Это лучше всего подтверждается ссылкой на нее деспотическаго Ивана, до послѣднихъ предѣловъ распространявшаго свою «земную» власть и жестоко каравшаго святителей, хоть немного склонившихъ къ независимости.

²⁾ Тамъ же, та же страница.

³⁾ «Сказаніе», стр. 191.

священныхъ книгъ перемѣшаны у Ивана съ нелѣпными сплетнями: «туто же о постеляхъ, о тѣлогрѣяхъ, и инныя безчисленныя, воистину, яко бы неистовыхъ бабъ басни» ¹⁾. Наконецъ, правъ, хотя и рѣзокъ Курбскій и въ своемъ окончательномъ отзывѣ о письмѣ Ивана. По его словамъ, оно написано «такъ варварско, яко не токмо ученымъ и искуснымъ мужемъ, но и простымъ, и дѣтямъ съ удивленіемъ и смѣхомъ, наипаче же въ чужую землю, идѣже нѣкоторые человѣцы обрѣтаются, не токмо въ грамматическихъ и риторскихъ, но и въ діалектическихъ и философскихъ ученіяхъ искусны» ²⁾.

И при всемъ томъ, эта неуклюжая «эпистолія» вызываетъ не только удивленіе и смѣхъ. Мѣстами она способна привести въ содроганіе поразительнымъ лицемѣріемъ беспорядочно напиханныхъ въ нее доводовъ. Этотъ разнузданный «звѣрь-человѣкъ», съ наслажденіемъ купавшійся въ крови своихъ подданныхъ, говорить, что напрасно Курбскій бѣжалъ отъ него, убоявшись смерти: «понеже смерть Адамскій грѣхъ, общежелательный долгъ всѣмъ человѣкомъ» ³⁾. Неповинная смерть, —увѣряетъ онъ,—не смерть, а приобрѣтеніе. «И аще праведенъ еси и благочестивъ, —продолжаетъ обиженный Гудушка, —почто не изволишь еси отъ меня, строптиваго владыки, страдать и вѣнецъ жизни наслѣдiti? Но ради привременныя славы, и сребролюбія, и сладости міра сего, все свое благочестіе душевное со христіанскою вѣрою и закономъ попралъ еси, уподобился еси къ сѣмени, падающему на каменнѣ» ⁴⁾. Здѣсь къ лицемѣрію присоединяется еще отсутствіе логики, такъ какъ Иванъ предполагаетъ доказаннымъ именно то, что еще нужно доказать, т. е. что отъѣздъ служилаго человѣка отъ одного государя къ другому есть смертный грѣхъ.

Впрочемъ, Иванъ самъ чувствуетъ, что плохимъ оправданіемъ для него служить указаніе на смерть, какъ на «общежелательный долгъ всѣмъ человѣкомъ». Онъ понимаетъ, что ему невозможно отолгаться отъ общезвѣстнаго факта безпощаднаго пролитія имъ крови своихъ подданныхъ. Его безпокоитъ замѣчаніе Курбскаго о томъ, что кровь эта вопіетъ къ Богу. И вотъ, онъ начинаетъ увѣрять, что крамольные бояре тоже проливали его кровь, кровь бѣднаго, угнетеннаго имъ государя. И это пролитіе боярами его крови гораздо грѣшнѣе, по его словамъ, чѣмъ пролитіе государемъ боярской крови. «Кольми же паче, —воскликаетъ онъ,—наша

¹⁾ Тамъ же, та же страница.

²⁾ Тамъ же, та же страница.

³⁾ Тамъ же, стр. 180—181.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 139.

кровь на васъ вопієтъ къ Богу, отъ васъ самихъ пролитая» ¹⁾. Но какая же это кровь? Когда же проливали ее бояре? Слушайте! «Не ранами, ниже кровными каплями, но многими поты и трудовъ множествомъ отъ васъ отягченъ быхъ безлѣпно, яко же по премногу отъ васъ отяготихся паче силы! И отъ многаго нашего озлобленія и угѣсенія, вмѣсто кровей много изліяся слезъ нашихъ, паче жъ и воздыханія и стѣнанія сердечная; и отъ оего убо пречресліе пріяхъ» ²⁾. При этомъ ужасъ опять смѣняется въ душѣ читателя удивленіемъ и смѣхомъ. Крокодиловы слезы никого не трогаютъ. Да и слишкомъ понятно, что для «пречреслія» находится достаточное объясненіе въ нѣкоторыхъ привычкахъ разнузданнаго тирана.

Нечего и говорить, что, обвиняя Курбскаго и его единомышленниковъ въ смерти царицы Настасіи, Иванъ ничѣмъ не подтверждаетъ своего обвиненія. Читателю остается предположить, что державный полемистъ опять повторяетъ «неистовыхъ бабъ басни» или же самъ придумываетъ таковыя ³⁾.

Мы знаемъ, что въ своихъ письмахъ къ царю Курбскій не выдвигаетъ опредѣленныхъ политическихъ требованій. Наоборотъ, Иванъ въ своихъ отвѣтахъ къ Курбскому съ непреложнымъ убѣжденіемъ отстаиваетъ совершенно опредѣленный политическій взглядъ. Онъ выступаетъ послѣдовательнымъ теоретикомъ самодержавной власти въ восточномъ смыслѣ этихъ словъ. Онъ требуетъ отъ своихъ подданныхъ самаго полного и безусловнаго повиновенія. Они въ глазахъ его—холопы и только холопы. Онъ считаетъ себя «вольнымъ» «казнить и жаловать» ихъ по своему усмо-

¹⁾ Тамъ же, стр. 185.

²⁾ Тамъ же, стр. 185—186. Пречресліе—боль въ поясницѣ.

³⁾ На это обвиненіе, поскольку оно касалось лично его, Курбскій возражалъ: «Аще и зѣло многогрѣшенъ есмь и недостойнъ, но обаче рожденъ быхъ отъ благородныхъ родителей, отъ племени жъ великаго князя Смоленскаго Феодора Ростиславича, яко и твоѧ царская высота добръ зѣси отъ литовскаго Русскаго, яко тое племя книжата не обижали тѣла своего аще и крове братіи своей пачи, яко есть нѣкоторому издѣлану обидѣ, яко періе дерзнулъ Юрій Московскій въ ордѣ на святаго великаго князя Михайла Тверскаго, а потомъ и прочіе, суще во свѣдѣніи еще памяти и предъ очима, что Угличскимъ учинено и Ярославичемъ и прочимъ единымъ кровн, и како зѣхъ всеродѣмъ заглажено и потреблено... еже во самыяко тяжко, ужасно!.. отъ оеслово материнихъ оторвавши, во премрачныхъ темницахъ затворенно и многими лѣтъ померещно, и живу емоу блаженному и пресво Богонѣчашному! А тѣ твоѧ царица, мнѣ, убогому, ближняя сродница, яко узрѣши средство оное на странѣ того листа написана». («Сказанія Курбскаго», стр. 202—203). Курбскій опять разсуждаетъ, какъ человѣкъ болѣе всего гордый своимъ происхожденіемъ отъ одного общаго корня съ царствующимъ домомъ.

трѣбѣю ¹⁾). За свое обращеніе съ ними онъ считаетъ себя обязаннымъ давать отвѣтъ одному Богу. «Кто убо постави судію и властеля надъ нами? Или ты даси отвѣтъ за душу мою въ день Страшнаго суда?» ²⁾—спрашиваетъ онъ Курбскаго. Забывая или не желая знать исторію княжеской власти на Руси, онъ выводитъ самодержавіе еще отъ св. Владиміра. «Самодержавство Божіимъ изволеніемъ починѣ отъ великаго князя Владиміра, просвѣтившаго всю Русскую землю святымъ крещеніемъ, и великаго царя Владиміра Мономаха, иже отъ Грекъ высокодостойнѣйшую честь восприемшу, и храбраго великаго государя Александра Невского, иже надъ безбожными Нѣмцы побѣду показавшаго, и хваламъ достойнаго великаго государя Дмитрія, иже за Дономъ надъ безбожными Агаряны велику побѣду показавшаго, даже и до мстителя неправдамъ, дѣда нашего, великаго государя Ивана, и въ законѣнныхъ прародительствѣхъ земли обрѣтателя, блаженныя памяти отца нашего, великаго государя Василия, даже дойде и до насъ, смиренныхъ скипетродержанія Русскаго царствія» ³⁾. Въ своемъ качествѣ законнаго представителя самодержавной власти, Иванъ крайне презрительно отзывается объ ограниченныхъ монархахъ. По его мнѣнію, всѣ они «царствіи своими не владѣютъ: како имъ повелятъ работные ихъ, такъ и владѣютъ» ⁴⁾. Даже «королевская монархія» Жана Бодэна, навѣрно, вызвала бы пренебрежительный отзывъ съ его стороны. Онъ убѣжденъ, что его бояре ѣдятъ его «хлѣбъ» ⁵⁾. Все, что принадлежитъ государству или отдѣльнымъ жителямъ государства есть, по его твердому убѣжденію, собственность государя. Если бы Бодэнъ знакомъ былъ съ его писмами, онъ увидѣлъ бы въ нихъ великолѣпнѣйшую иллюстрацію своей теоріи «вотчинной монархіи».

Историческое значеніе Грознаго въ томъ и заключается, что онъ съ помощью своей опричнины завершилъ превращеніе Московскаго государства въ такую монархію, т.-е. въ монархію восточнаго типа. Значеніе же его писемъ къ Курбскому состоитъ въ томъ, что они содержатъ въ себѣ идеологію «вотчинной монархіи». Совершенно правы историки, утверждающіе, что въ своемъ спорѣ съ Курбскимъ Иванъ является новаторомъ, а его опальный противникъ—защитникомъ старины. Весь вопросъ въ томъ, что же именно новаго внесъ Иванъ IV въ теорію и практику московскаго

¹⁾ «А жаловати есмь своихъ холопей волюмъ, а я казнити волюмъ жъ есмь». «Сказанія», стр. 156.

²⁾ Тамъ же, стр. 147.

³⁾ «Сказанія», стр. 136—137. Сравни также стр. 141.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 141.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 154.

государства. А на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: введенная имъ новизна означала полное уничтоженіе всего того, что такъ или иначе задерживало окончательное превращеніе жителей Московскаго государства въ рабовъ передъ лицомъ государя, совершенно безправныхъ какъ въ личномъ, такъ и въ имущественномъ отношеніи. Вотъ почему Курбскій, несмотря на свой несомнѣнный консерватизмъ, представляется въ своихъ письмахъ сравнительно свободолюбивымъ человѣкомъ и тѣмъ привлекаетъ къ себѣ сочувствіе читателя. Онъ рѣшительно неспособенъ противопоставить послѣдовательному ученію Ивана о безпредѣльной власти царя сколько-нибудь стройную теорію политическихъ правъ, если не всѣхъ жителей страны, то хотя бы высшихъ ея классовъ. Такая теорія не могла и вырасти на скудной почвѣ общественныхъ отношеній тогдашней Москвы. Но въ немъ нѣтъ холопскаго настроенія. Въ его лицѣ московскій бояринъ отказывается сложить свое чело-вѣческое достоинство къ ногамъ государя.

Поэтому его консерватизмъ много симпатичнѣе, нежели новаторство Ивана IV.

Глава V.

Движеніе общественной мысли въ эпоху Смуты.

«Въ бесѣдахъ съ Москвитянами,—говорить польскій шляхтичъ Самуилъ Маскѣвичъ,—наши, выхваляя свою вольность, со-вѣтовали имъ соединиться съ народомъ польскимъ и также при-обрѣсти свободу. Но русскіе отвѣчали: «вамъ дорога ваша воля, намъ—неволя. У васъ не воля, а своеволие: сильный грабитъ сла-бого, можетъ отнять у него имѣніе и самую жизнь. Искать же правосудія по вашимъ законамъ долго—дѣло затянется на нѣ-сколько лѣтъ. А съ много и ничего не возьмешь. У насъ, напро-тивъ того, самый знатный бояринъ не властенъ обидѣть послѣдняго простолюдина: по первой жалобѣ Царь творить судъ и расправу. Если же самъ Государь поступитъ неправосудно, его власть: какъ Богъ, онъ караетъ и милуетъ. Намъ легче перенести обиду отъ Царя, чѣмъ отъ своего брата: ибо онъ владыка всего свѣта»¹⁾).

Собесѣдники Маскѣвича разсуждали совершенно такъ, какъ разсуждалъ, по свидѣтельству Плутарха, Артабанъ въ своемъ разговорѣ съThemistокломъ. Только они подробнѣе обосновывали свое мнѣніе. Если вѣрить Маскѣвичу, то важнѣйшимъ изъ всѣхъ соображеній, которыя побуждали ихъ предпочитать московскую неволю польско-литовской вольности, было то, что въ Москвѣ легче добиться правосудія. «Москвитяне» увѣряли, будто царь творитъ судъ и расправу по первой жалобѣ. Неизвѣстно, что отвѣчать имъ на это Маскѣвичъ. Но мы достаточно знаемъ теперь внутрен-нія отношенія Московскаго государства, чтобы понимать, какъ мало соотвѣтствовало дѣйствительности указанное соображеніе. Въ гро-мадномъ большинствѣ случаевъ судъ и расправу творили въ Москвѣ приказные люди, по всей справедливости заслужившіе выразитель-ное названіе «крапивнаго сѣмени». Сами жители Московскаго го-сударства нерѣдко жаловались на то, что имъ пуще, нежели отъ

¹⁾ Записки Маскѣвича въ «Сказаніяхъ современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ», V, стр. 68. Спб. 1834.

турокъ и татаръ, приходится страдать отъ нестерпимой московской волокиты. Что же касается собственно царскаго суда, то въ приводимомъ Маскѣвичемъ отзывѣ о немъ московскихъ людей нота смиренія слышится гораздо яснѣе, нежели нота довѣрія: если царь поступитъ несправосудно—его власть: онъ караетъ и милуетъ, какъ Богъ. И нельзя не признать, что послѣ Грознаго нота довѣрія была несравненно менѣе умѣстна въ подобныхъ отзывахъ, нежели нота смиренія. Но, какъ видимъ, московскіе люди мирились даже съ тѣми невыгодными сторонами неограниченной власти, которыя съ такою потрясающей ясностью должны были представиться ихъ взорамъ въ царствованіе Ивана IV. Маскѣвичъ говоритъ: «Русскіе дѣйствительно увѣрены, что нѣтъ въ мірѣ монарха, равнаго Царю ихъ, котораго посему называютъ: Солнце праведное, свѣтило Русское» ¹⁾. Артабанъ, конечно, не менѣе твердо былъ убѣжденъ въ томъ, что нѣтъ въ мірѣ монарха, равнаго царю персидскому. Одинаковость общественныхъ положеній вела за собою одинаковость политическихъ воззрѣній.

Московскіе люди были не очень далеки отъ истины, когда говорили, что польско-литовская вольность похожа на своеволие. Бѣжавъ изъ Москвы отъ царскаго деспотизма, Курбскій много претерпѣлъ впоследствии на Литвѣ отъ шляхетскаго «нраву моему не препятетуй». Однако, своевольный польско-литовскій шляхтичъ умѣлъ дорожить достоинствомъ, не скажу человека,—человѣческое достоинство «хлопа» ставилось имъ ни во что,—но, по крайней мѣрѣ, «рыцаря». И когда Курбскій поселился въ Литвѣ, онъ, прежде гордившійся преимущественно своей принадлежностью къ роду Владиміра, сталъ замѣтно проникаться гордымъ сознаніемъ своего «рыцарскаго» достоинства. Въ его письмахъ къ Ивану встрѣчаются мысли, которыя врядъ ли были знакомы ему до его бѣгства изъ Москвы. Отклоняя отъ себя обвиненіе въ измѣнѣ, Курбскій упрекаетъ Грознаго, какъ мы видѣли, въ томъ, что онъ «закъ во адовѣ твердынѣ» затворилъ русское царство, «сирѣчь свободное естество человѣческое». Можно почти съ полной увѣренностью сказать, что эта ссылка на свободное естество человека,—хотя бы и понимаемая на шляхетскій ладъ, т. е. крайне узко,—явилась плодомъ тѣхъ новыхъ размышленій, которыми сталъ предаваться бѣглый князь въ новой общественной обстановкѣ. Мы видѣли, что Пересвѣтовъ требовалъ освобожденія холоповъ, указывая на нравственные преимущества свободного состоянія. Стало быть, понятіе свободы не оставалось совершенно не-

¹⁾ Записки Маскѣвича, та же стр.

извѣстнымъ московскимъ людямъ ¹⁾. Но мы видѣли также, какъ узко было оно у Пересвѣтова, и какъ мало задумывался онъ о какихъ-нибудь политическихъ вольностяхъ. Его программа логически вела къ полному игнорированію правъ того «человѣческаго естества» (въ его рыцарскомъ видѣ), на которое ссылался Курбскій. Осуществивъ эту программу, Грозный могъ съ полнымъ основаніемъ смотрѣть на всѣхъ своихъ подданныхъ какъ на своихъ холоповъ и быть увѣреннымъ, что въ своемъ обращеніи съ ними онъ долженъ давать отчетъ одному только Богу. Но чѣмъ больше закрѣпощались государству,—въ лицѣ государя,—всѣ жители московской земли, тѣмъ тяжелѣе давила на нихъ государственная машина, и тѣмъ естественнѣе было имъ стремиться къ облегченію своего тяжелаго положенія. Уже авторъ «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ» видѣлъ, что далеко не все обстоитъ благополучно въ Московскомъ государствѣ, и опасался наступленія такого времени, когда начнутся междоусобія, и зашатается царскій тронъ. Эпоха Смуты оправдала всѣ его опасенія. И вотъ, возникаетъ вопросъ: какъ же повліяло Смутное время на политическія понятія московскихъ людей?

Проф. Ключевскій говоритъ, что уже въ царствованіе Грознаго зародилось недовольство московскимъ политическимъ порядкомъ. «Произволъ царя, безпричинныя казни, опалы и конфискаціи вызвали ропотъ, и не только въ высшихъ классахъ, но и въ народной массѣ, «туту и ненависть на царя въ міру», и въ обществѣ проснулася смутная и робкая потребность въ законномъ обезпеченіи лица и имущества отъ усмотрѣнія и настроенія власти» ²⁾. Событія Смутнаго времени дали, по словамъ того же ученаго, «первый и очень болѣзненный толчокъ движенію новыхъ понятій, недостававшихъ государственному порядку, построенному угасшею династіею» ³⁾. Къ чему же, однако, привело движеніе новыхъ понятій? Сообщаемые Маскѣвичемъ отзывы москвитянъ о преимуществахъ ихъ неволи передъ польско-литовской вольностью показываютъ, что въ самый разгаръ Смуты ⁴⁾ населеніе Великороссіи продолжало сохранять тотъ же взглядъ на отношеніе подданныхъ къ верховной власти, который сложился къ концу царствованія Грознаго. И всѣ тѣ факты, на которые

¹⁾ Мнѣ, пожалуй, могутъ напомнить, что самъ Пересвѣтовъ былъ литовскимъ выходцемъ. Но его сочиненія несутъ на себѣ такой глубокой отпечатокъ московскихъ порядковъ, что мы никакъ право не относимъ на счетъ его литовскаго происхожденія мысли его о нравственномъ вліяніи свободы.

²⁾ Курсъ русской исторіи. Часть III, стр. 68.

³⁾ Тамъ же, стр. 17.

⁴⁾ Сообщеніе объ этомъ отзывѣ относится къ запискѣ Маскѣвича къ 1611 г.

ссылается проф. Ключевскій, подкрѣпляя свое мнѣніе, свидѣтельствомъ скорѣе о застоѣ, чѣмъ о движеніи общественной мысли въ періодъ Смуты. Разсмотримъ поближе эти факты.

В. О. Ключевскій думаетъ, что воцареніе Василія Шуйскаго составило эпоху въ нашей политической исторіи, такъ какъ новый царь ограничилъ свою власть и довелъ объ этомъ до свѣдѣнія жителей своего государства въ особой разосланной по областямъ записи, на которой онъ цѣловалъ крестъ. Но самъ же Ключевскій признаетъ, что содержаніе подкрестной записи Шуйскаго отличалось большой односторонностью. «Всѣ обязательства, принятые на себя царемъ Васи́ліемъ по этой записи,—говоритъ онъ,—направлены были исключительно къ огражденію личной и имущественной безопасности подданныхъ отъ произвола сверху, но не касались прямо общихъ основаній государственнаго порядка, не измѣняли и даже не опредѣляли точнѣе значенія, компетенціи и взаимнаго отношенія царя и высшихъ правительственныхъ учрежденій» ¹⁾. Это какъ нельзя болѣе справедливо. Сущность подкрестной записи Василія Ивановича сводится къ тому, что онъ обѣщаетъ «всѣмъ православномъ крестьяномъ» (т. е. христіанамъ.— Г. П.) судить ихъ праведнымъ судомъ, оберегать ихъ отъ всякаго насильства и безъ вины не впасть своей опалы ни на кого изъ нихъ. Объ измѣненіи политическаго строя въ ней не говорится ни слова. Больше того. Въ своей грамотѣ въ Пермь Великую Шуйскій, сообщая о своемъ восшествіи на престолъ, обѣщаетъ «держати Московское государство по тому жъ, какъ прародители наши великіе Государи Російскіи Цари» ²⁾. Это значитъ, что, по мнѣнію новаго царя, политическій строй Московскаго государства долженъ былъ оставаться безъ всякаго измѣненія. Правда, Шуйскій обѣщалъ судить своихъ подданныхъ «съ бояры своими». Но, какъ справедливо замѣчаетъ самъ В. О. Ключевскій, ограниченіе это связывало царя лишь въ его отношеніи къ отдѣльнымъ лицамъ. Притомъ участіе бояръ въ царскомъ судѣ вовсе не являлось новостью въ Московскомъ государствѣ. Гдѣ же тутъ движеніе политическихъ понятій?

В. О. Ключевскій прибавляетъ, что подкрестная записка Шуйскаго имѣла свою закулисную исторію. Тотчасъ по своемъ провозглашеніи новый царь отправился въ Успенскій соборъ и тамъ заявилъ: «Цѣлую крестъ всей землѣ на томъ, что мнѣ ни надѣтъ ни на чѣмъ ничего не дѣлать безъ собору, никакого дурна». Это заявле-

¹⁾ Тамъ же, стр. 43.

²⁾ «Памятныя исторія Смутнаго времени», подъ ред. А. Н. Иконникова. Изд. Ключкова. Стр. 17. Москва. 1909.

ніе весьма не понравилось боярамъ; но царь Василій сдѣлать его не безъ умысла: «клятвенно обязуясь передъ всею землею не карать безъ собора, онъ рассчитывалъ избавить отъ боярской опеки, стать земскимъ царемъ и ограничить свою власть учрежденіемъ, къ тому непривычнымъ, т.-е. освободить ее отъ всякаго дѣйствительнаго ограниченія» ¹⁾. Предположимъ, что это было въ самомъ дѣлѣ такъ, и вспомнивъ, что въ земскихъ соборахъ XVI вѣка участвовали, главнымъ образомъ, служилые люди, мы должны будемъ признать, что происшествіе въ Успенскомъ соборѣ означало лишь попытку новаго царя опереться на низшую часть служилаго сословія для ослабленія непріятныхъ ему боярскихъ притязаній. Подобная попытка хорошо удалась какъ Грозному, такъ и Борису Годунову, и привела лишь къ расширенію самодержавной власти. Странно, кромѣ того, что въ подкрестной записи уже нѣтъ рѣчи о соборѣ, а говорится только объ участіи бояръ въ царскомъ судѣ. Ключевскій объясняетъ эту странность тѣмъ, что подкрестная записка явилась плодомъ сдѣлки бояръ съ новымъ царемъ. «По предварительному негласному уговору царь дѣлилъ свою власть съ боярами во всѣхъ дѣлахъ законодательства, управленія и суда. Отстоявъ свою думу противъ земскаго собора, бояре не настаивали на обнародованіи всѣхъ вынужденныхъ ими у царя уступокъ: съ ихъ стороны было даже неблагоприятно являть всему обществу, какъ чисто удалось имъ оппозировать своего стараго пѣтуха» ²⁾. Въ этомъ будто бы и заключалась причина того, что подкрестная записка отмѣтила значеніе Боярской думы лишь какъ полномочной соотрудницы новаго царя. Это слишкомъ тонко. Гораздо болѣе вѣроятнымъ представляется мнѣ тотъ взглядъ профессора Платонова, согласно которому подкрестная записка царя Василія вовсе не была ограничительной, а являлась только торжественнымъ манифестомъ новаго правительства, скрѣпленнымъ присягою его главы. Общаясь «держатъ» Московское государство такъ, какъ держали его прежніе цари, Шуйскій имѣлъ въ виду старый порядокъ, существовавшій до опричнины, т.-е. до того времени, когда Грозный принялся отнимать родовыя боярскія земли, губить знатныхъ людей и налагать опалы на цѣлыя группы великородныхъ семей. Въ лицѣ Шуйскаго старая знать снова заняла первое мѣсто въ странѣ. «Устами своего царя въ его записи она торжественно отрекалась отъ только-что дѣйствовавшей системы и обѣщала «истинный судъ» и избавленіе отъ «всякаго на-

¹⁾ Ключевскій, «Курсъ русской исторіи», часть III, стр. 44. Ср. также «Боярская Дума древней Руси», стр. 366—367.

²⁾ «Курсъ», стр. 44—45. Ср. «Боярская Дума», стр. 367.

сильства» и неправды, въ которыхъ обвиняла предшествовавшія правительства» ¹⁾. Но въ такомъ случаѣ подкрестная запись царя Василія является лишь обѣщаніемъ осуществить въ дѣлѣ государственнаго правленія тотъ идеалъ, къ которому стремился еще авторъ «Бесѣды валаамскихъ чудотворцевъ». Никакого новаго движенія понятій въ ней незамѣтно. Поэтому и воцареніе Шуйскаго не можетъ считаться новой эпохой въ нашей политической исторіи.

Ключевскій находилъ, что, обѣщая истинный судъ своимъ подданнымъ, Шуйскій отрицалъ между прочимъ ту прерогативу царской власти, которая выразилась въ словахъ Ивана IV: «мы вольны жаловать и казнить своихъ холоповъ». Такимъ образомъ онъ будто бы превращался «изъ государя холоповъ въ правомѣрнаго царя подданныхъ, правящаго по законамъ» ²⁾. Если бы это было такъ, то вступленіе на престолъ Василія Шуйскаго въ самомъ дѣлѣ составило бы эпоху въ нашей политической исторіи. Но это не было такъ. Московскіе цари и впослѣдствіи продолжали быть царями холоповъ. Олеарій, посѣтившій Москву въ царствованіе Михаила Феодоровича и Алексѣя Михайловича, опредѣляетъ русскій государственный строй выраженіемъ: «*monarchia dominica et despotica*», и онъ такъ поясняетъ это опредѣленіе: «государь, каковымъ является царь или великій князь, получившій по наслѣдію корону, одинъ управляетъ всею страной, и всѣ его подданные, какъ дворяне и князья, такъ и простолюдины, горожане и крестьяне, являются его холопами и рабами, съ которыми онъ обращается, какъ хозяинъ со своими слугами» ³⁾. Это какъ разъ то, что говорилъ объ отношеніи московскаго государя къ своимъ подданнымъ Герберштейнъ или Флетчеръ. Правда, Олеарій считалъ русское правленіе тираническимъ ⁴⁾, и надо согласиться, московскіе государи могли быть и бывали тиранами, — да еще какими! Но уже Бодэнъ весьма справедливо замѣтилъ, что восточная

¹⁾ С. О. Платоновъ, «Очерки по исторіи Смуты», изд. 3-е, стр. 286—287. Сообщеніе о томъ, что царь обѣщалъ въ церкви ничего не дѣлать безъ Земскаго Собора, проф. Платоновъ объясняетъ недоразумѣніемъ: лѣтоисчислѣе просто плохо понялъ царскія слова и записалъ ихъ несогласно съ текстомъ подлинной подкрестной записи. (См. тамъ же, стр. 286).

²⁾ «Курсъ», стр. 46. Своимъ содержаніемъ подкрестная запись царя Василія означала, по мнѣнію Ключевскаго, отказъ еще отъ той привилегіи, которую дѣлъ Грознаго выразилъ словами: «кому дочу, тому и дамъ княженіе». Но эти слова относятся къ вопросу о правѣ наследованія престола, между тѣмъ какъ подкрестная запись совсѣмъ не касается этого вопроса.

³⁾ Описаніе путешествія въ Московію и черезъ Московію въ Персію и обратно, стр. 223, Спб. 1906.

⁴⁾ Тамъ же, та же страница.

вотчинная монархія,—какою являлось, между прочимъ, и Московское государство,—могла быть очень далекой отъ тиранин, вполне сохраняя, однако, свой главный отличительный признакъ: отсутствіе у подданныхъ права распоряжаться не только своей личностью, но и своимъ имуществомъ. Вотчинная монархія установилась въ Москвѣ не потому, что московскіе государи склонны были къ тиранин, а потому, что она являлась естественнымъ политическимъ слѣдствіемъ историческихъ и, главнымъ образомъ, экономическихъ условій развитія Великороссіи. Конечно, возникновеніе склонности къ тиранин чрезвычайно облегчалось безправіемъ жителей. Съ прекращеніемъ старой династіи лица, добивавшіяся московскаго престола, считали выгоднымъ для себя гласно отказываться отъ тираническихъ замашекъ. Однако, они не могли, если бы даже и захотѣли, передѣлать внутреннія отношенія Московскаго государства. Имъ невозможно было превратить это государство изъ вотчинной монархіи въ королевскую (чтобы опять употребить здѣсь термины Бодэна), если бы они даже и досрости до сознанія преимуществъ правленія, основаннаго на «законахъ природы». Но при данной обстановкѣ они, конечно, и не могли досрости до такого сознанія. Отзывы собесѣдниковъ Маскѣвичча о выгодахъ московской неволи показываютъ, какъ хорошо приспособились понятія москвитянъ ко внутреннимъ отношеніямъ вотчинной монархіи.

Правда, въ договорѣ тушинскихъ депутатовъ съ королемъ Сигизмундомъ объ избраніи королевича Владислава на московскій престолъ видно уже нѣсколько иное отношеніе къ московской неволѣ. По мнѣнію В. О. Ключевскаго, въ немъ уже выступаетъ идея личныхъ правъ, столь мало замѣтная у насъ прежде. Но и здѣсь идея эта, по признанію того же историка, сводится, собственно, къ тому, что всѣ должны быть судимы по закону, и никого не слѣдуетъ наказывать безъ суда. А въ этомъ своемъ видѣ она опять направлялась не противъ вотчинной монархіи, а только противъ тиранин. В. О. Ключевскій признаетъ, что въ опредѣленіи сословныхъ правъ тушинскіе послы проявили мало свободомыслія и справедливости. Онъ говоритъ: «договоръ обязываетъ блюсти и расширять по заслугамъ права и преимущества духовенства, думныхъ и приказныхъ людей, столичныхъ и городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, частію и торговыхъ людей. Но «мужинамъ хрестіанамъ» король не дозволяетъ перехода ни изъ Руси въ Литву, ни изъ Литвы на Русь, а также и между русскими людьми всякихъ чиновъ, т. е. между землевладѣльцами. Холопы остаются въ прежней зависимости отъ господъ, а вольности имъ государь давать не будетъ»¹⁾. Оно и понятно: насчетъ холоповъ и «мужиковъ

¹⁾ «Курсъ русской исторіи», часть III, стр. 50.

хрестьянъ» польско-литовская шляхта тоже не показывала ни справедливости, ни свободомыслія. Договоръ такъ и говоритъ, что «холопы невольники» должны служить «бояромъ альбо паномъ» попрежнему. Это значить, что паны столь же мало склонялись къ улучшенію участи холоповъ, какъ и бояръ: какъ мы только что видѣли, насчетъ «мужиковъ хрестьянъ» установленъ былъ двухсторонній договоръ: имъ запрещался выходъ съ Руси на Литву и съ Литвы на Русь¹⁾. Несравненно болѣе характерными для тогдашнихъ московскихъ отношеній были тѣ статьи договора, которыя касались духовенства и служилыхъ людей. Духовенству обѣщана была неприкосновенность его имуществъ: «наданья вси прошлыхъ господаровъ Московскихъ, и боярскіе и всякихъ людей наданья на церкви Божіи и на монастыри въ цѣлости при церквахъ и монастырехъ zostавити будуть, ни въ чомъ ихъ не нарушаючи» и т. д.²⁾. Это было его старинное требованіе, осуществленіе котораго должно было представляться болѣе легкимъ при смѣнѣ династій. Служилымъ людямъ обѣщаны были учтивость и ласки господарскія. Но отъ учтивости и ласки еще вовсе не такъ близко до признанія тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ политическихъ правъ. Сигизмундъ обѣщаль за своего сына сохраненіе старыхъ преимуществъ служилыхъ людей: «а жалованье, денежныя оброки, и помѣстья и отчины, кто что мѣлъ передъ тымъ, тое и впредъ мѣти маєтъ, а господарь его милость зъ ласки и подробливости своее, и надъ то водлугъ заслугъ каждого прибавляти и причинятися будетъ рачити»³⁾. Это не могло не нравиться московскимъ служилымъ людямъ. Но это не создавало для нихъ никакихъ новыхъ привилегій. Правда, договоръ обѣщаетъ «великихъ становъ людей невиниѣ не понижати, а меншіе станы подносити водлугъ заслугъ». Однако, и это обѣщаніе опредѣленно развѣ въ томъ смыслѣ, что, какъ указалъ проф. Платоновъ, оно не даетъ никакихъ сословныхъ льготъ и преимуществъ «московскимъ княженецкимъ родамъ», да еще въ томъ, что говорить о повышеніи служилыхъ людей сообразно съ личными заслугами. Эта послѣдняя уступка, очевидно, не имѣла ничего общаго съ дарованіемъ какихъ-нибудь аристократическихъ привилегій. Напротивъ, въ немъ обнаружи-

¹⁾ По поводу запрещенія крестьянскихъ переходовъ мы встрѣчаемъ слѣдующее важное замѣчаніе у проф. Платонова: «Этотъ пунктъ нельзяже считать доказательствомъ того, что въ 1610 году переходы крестьянскіе были въ Москвѣ уже уничтожены. Въ этомъ требованіи могло выразиться только желаніе договаривавшихся уничтожить переходъ, а не отиѣчався совершившійся фактъ». (Лекція по русской исторіи, изд. 6-ое, стр. 258).

²⁾ «Памятники исторіи Смутнаго времени», стр. 47.

³⁾ Тамъ же, стр. 48.

вается стремление «худородныхъ» служилыхъ людей завершить то, что началось при Грозномъ и продолжалось при Годуновѣ. «Съ этихъ страницъ февральскаго договора,—говоритъ проф. Платоновъ,—вѣетъ духомъ опричнины и Годуновскаго режима, тѣми новшествами правительственнаго обихода, которыя сочетались съ новшествами житейскими» ¹⁾. Но для политической свободы еще не было мѣста между этими новшествами правительственнаго обихода. Къ тому же для нея совсѣмъ неблагоприятенъ духъ опричнины.

Договоръ 4-го февраля, несомнѣнно, ставилъ нѣкоторыя преграды царской власти. Такъ, напримѣръ, измѣнять законы и судебные обычаи новый государь могъ лишь съ согласія бояръ и «всей земли». Это — значительное ограниченіе. Но и здѣсь никакъ нельзя согласиться съ проф. Платоновымъ, который полагаетъ, что оно «имѣло цѣлью не перестройку прежняго политическаго порядка, а, напротивъ, охрану и укрѣпленіе «звычайъ всѣхъ давнихъ добрыхъ» отъ возможныхъ нарушеній со стороны непривычной къ московскимъ отношеніямъ власти» ²⁾. Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, избранъ былъ въ цари человекъ русскаго происхожденія, къ нему отнеслись съ меньшимъ недовѣріемъ и потому уже не такъ заботились,—если вообще заботились,—объ ограниченіи его власти. На соборѣ 1613 г. народный умъ предпочелъ, по признанію проф. Ключевскаго, вернуться къ старинѣ ³⁾.

И все-таки для московскихъ людей не прошли безъ слѣда ихъ безпрестанныя сношенія съ польско-литовскою шляхтой въ періодъ Смутнаго времени. Въ договорѣ 4-го (14-го) февраля 1610 г. польско-литовское вліяніе замѣтнѣе всего сказалось въ требованіи, имѣющемъ не столько политическій, сколько экономическій характеръ. Статья 11-я этого договора говоритъ, между прочимъ: «отчизанъ тебѣ и маестностей ни въ кого не брати: але естли хто безъ потомства за сего свѣта зойдетъ, ино на близкихъ повинныхъ спадати мають» ⁴⁾. Осуществленіе этого требованія, въ самомъ дѣлѣ, составило бы важную эпоху въ исторіи московскаго государства. Оно оградило бы имущественныя права, по крайней мѣрѣ, высшихъ слоевъ населенія и тѣмъ самымъ создало бы ту социальную основу, на которую только и могли бы опереться при подходящихъ обстоятельствахъ политическія права этихъ слоевъ. Бодэнъ сказалъ бы, что осуществленіе этого требованія

¹⁾ «Очерки по исторіи Смуты», стр. 403.

²⁾ «Лекція по русской исторіи», изд. 6-ое, стр. 239.

³⁾ См. «Курсъ», часть III, стр. 85.

⁴⁾ «Памятники исторіи Смутнаго времени», стр. 48.

превратило бы московскую монархію изъ вотчинной въ королевскую. Но оно осталось неосуществленнымъ. Смуты нанесла окончательный ударъ родовитому боярству, которое было болѣе всѣхъ другихъ классовъ заинтересовано въ неприкосновенности «отчизнѣ и маенностей». Помѣстное дворянство пока еще могло прекрасно уживаться съ вотчинной монархіей, по своему произволу распоряжавшейся «маенностями» подданныхъ. Оттого оно, какъ видно, и не придавало большого значенія указанной статьѣ договора 4-го февраля 1610 г.

Интереснымъ и важнымъ новшествомъ являлись въ той же статьѣ строки, гласившія: «а для науки вольно каждому зъ народу Московского людемъ ѣздити въ нинише господарства християнскіе, опрочъ бусурманскихъ поганскихъ, а господарь его милость отчизнѣ и маенностей у нихъ за то отымовати не будетъ» ¹⁾. Но замѣчательно, что это требованіе исчезло изъ договора съ Сигизмундомъ, когда къ нему послѣ сведенія съ престола Шуйскаго присоединилось московское боярство. «Правящая знать оказалась на низшемъ уровнѣ понятій сравнительно со средними служилыми классами, своими ближайшими исполнительными органами» ²⁾, — замѣчаетъ по этому случаю проф. Ключевскій. Онъ могъ бы прибавить, что когда высшій общественный классъ или слой обгоняется тѣмъ, который непосредственно за нимъ стоитъ на общественной лѣстницѣ, то этотъ послѣдній уже не далекъ отъ побѣды надъ «высшей знатью». Напрасно московская знать вычеркивала изъ договора 4-го февраля статью о возвышеніи незнатныхъ людей по заслугамъ и о томъ, чтобы «Московскихъ княженетскихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцы въ отечествѣ и въ чести не тѣснити и не понижати». «Княженетскіе роды» неумолимо оттѣснялись на задній планъ ходомъ развитія московской вотчинной монархіи. Послѣ Смуты простое дворянство окончательно стало господствующимъ сословіемъ, разумѣется, поскольку можетъ идти рѣчь о такомъ сословіи въ «вотчинной монархіи», въ которой и господа были «холопами» государя.

¹⁾ Тамъ же, стр. 48—49.

²⁾ «Курсъ», часть III, стр. 52.

ГЛАВА VI.

Общественный бытъ и общественное настроеніе Московской Руси послѣ Смутнаго времени.

I.

Явленія, отмѣченныя мною въ предыдущей главѣ, прекрасно объясняются объективною силою вещей.

Возстановляя нарушенный Смутой порядокъ своей жизни, московскіе люди не могли произвольно придать тотъ или иной характеръ своимъ взаимнымъ экономическимъ отношеніямъ. Отношенія эти опредѣлялись въ сѣверо-восточной Руси,—какъ опредѣляются они всегда и вездѣ,—состояніемъ производительныхъ силъ. Что же касается состоянія производительныхъ силъ, то Смута могла измѣнить его не къ лучшему, а только къ худшему. Площадь воздѣлываемыхъ земель сократилась; крестьянство обѣднѣло. Обѣднѣніе крестьянства, на широкой спинѣ котораго держалось все социально-политическое зданіе, естественно повело за собою обѣднѣніе служилаго класса и замедлило развитіе торгово-промышленной дѣятельности. Если мы примемъ въ соображеніе, что какъ разъ тогда въ западныхъ государствахъ совершался быстрый ростъ производительныхъ силъ, то мы придемъ къ тому неизбежному выводу, что послѣ Смуты Московская Русь являлась, по отношенію къ Западу, значительно болѣе, чѣмъ прежде, отсталой страной. Этого мало. Значительно отставая отъ своихъ западныхъ сосѣдей въ хозяйственномъ отношеніи, Московская Русь XVII-го вѣка вела съ ними продолжительныя войны ¹⁾. Вслѣдствіе этого ей пришлось затрачивать все болѣшую и болѣшую долю своихъ средствъ и силъ на поддержаніе органовъ самозащиты ²⁾.

¹⁾ „Вышняя политика государства вынуждала все большее напряженіе народныхъ силъ. Достаточно краткаго перечня войнъ, веденныхъ первыми тремя царями новой династіи, чтобы почувствовать степень этого напряженія... Если мы рассчитаемъ продолжительность всѣхъ этихъ войнъ, увидимъ, что на какихъ-нибудь 70 лѣтъ (1613—1682) приходится до 30 лѣтъ войны, иногда одновременно съ нѣсколькими неприятелями“ (Ключевскій. Курск., III, 161).

²⁾ „Рать въ конецъ заѣдала казну“,—говоритъ Ключевскій.—„Сопоставляя по возможности однородныя части войнъ... находимъ, что съ 1631 года вооруженныя силы, лежащія на плечахъ казнъ, возросли почти въ 2½ раза (въ теченіе полувѣка)“. Тамъ же, стр. 275 и 278.

Въ странѣ, продолжавшей оставаться колонизующеюся страной, это роковымъ образомъ вело ко все большому и большому закрѣпощенію всѣхъ слоевъ населенія, а въ особенности трудящейся массы, для непосредственной или посредственной службы государству. Другими словами: общественное развитіе непременно должно было двигаться въ томъ же самомъ направленіи, въ какомъ двигалось оно до Смуты. Скорость движенія постоянно возрастала, а его результаты дѣлались все болѣе и болѣе выпуклыми. Къ концу XVII-го вѣка тяглая масса такъ распредѣлялась между разными разрядами владѣльцевъ:

Посадскихъ и черныхъ крестьянскихъ дворовъ. . . .	92 тысячи	10,4%
Церковныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ.	118 "	13,3%
Дворцовыхъ	83 "	9,3%
Боярскихъ	88 "	10,0%
Дворянскихъ	507 "	57,0%
	888 "	100,0%

Приведя эту таблицу, Ключевскій отмѣчаетъ, что только десятая часть (10,4%) городской и сельской тяглой массы удержала за собой тогдашнюю свободу (т.е., вѣрнѣе сказать, была закрѣпощена непосредственно государству), а почти девять десятыхъ ея попало въ крѣпостную зависимость отъ церкви, дворца и военно-служилыхъ людей. «Отъ государственнаго организма, такъ сложившагося,—прибавляетъ этотъ историкъ,—несправедливо было бы ждать желательнаго роста политическаго, экономическаго, гражданскаго и нравственнаго»¹⁾.

Не касаясь вопроса о желательности роста, я замѣчу съ своей стороны, что такъ какъ государственный организмъ продолжалъ «расти» въ прежнемъ направленіи, въ немъ не могли возникнуть какія-нибудь новыя политическія стремленія и взгляды. Исследователи говорятъ иногда о воспитательномъ значеніи Смутнаго времени. И нельзя не согласиться, что значеніе это было далеко не маловажно. Смута принудила людей Московскаго государства къ самостоятельности. Но ихъ вынужденная самостоятельность ярче всего выразилась въ восстановленіи и упроченіи «вотчинной монархіи», главнѣйшія отличительныя черты которой опредѣлились уже во второй половинѣ XVI-го вѣка. Точно такъ же Смута сдѣлала людей Московскаго государства болѣе требовательными, чѣмъ были они прежде. Недаромъ историки называютъ XVII столѣтіе

¹⁾ Курсъ III, стр. 299 и 300.

вѣкомъ народныхъ волненій. Но, какъ мы увидимъ это ниже,—и какъ это понятно само собою,—характеръ народныхъ волненій XVII-го вѣка вполне соответствовалъ характеру тѣхъ социально-политическихъ отношеній, противъ которыхъ возставала волновавшаяся народная масса. Новыхъ политическихъ понятій не возникало и въ процессѣ волненій, хотя онѣ становились подчасъ весьма острыми. Общественное сознаніе измѣняется только тамъ, гдѣ происходятъ перемѣны въ общественномъ бытіи.

II.

До сихъ поръ не конченъ споръ о томъ, была или не была взята ограничительная «запись» съ Михаила при его избраніи на царство. Всего вѣрнѣе, что была. Московскіе люди XVII-го вѣка вѣрили въ ея существованіе. Извѣстный подъячій Котошихинъ, книгу котораго о Россіи мы скоро должны будемъ разсмотрѣть довольно подробно, говоритъ: «Какъ прежніе цари послѣ царя Ивана Васильевича обираны на царство: и на нихъ были иманы писма, что имъ быть не жестокимъ и непалчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнити ни за что, и мыслити о всякихъ дѣлахъ зъ бояры и зъ думными людьми сонча, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати»¹⁾. Это вполне опредѣленно. Не менѣе опредѣленно и слѣдующее показаніе Котошихина: «А нынѣшняго царя (Алексѣя Михайловича.—Г. II.) обрали на царство, а писма онъ на себя не далъ никакого, что прежніе цари даывали, и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ». Мы видимъ отсюда, что согласно убѣжденію, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ московскихъ людей XVII-го вѣка, царь Михаилъ далъ ограничительную «запись», а царь Алексѣй не возобновилъ ея. Съ этимъ вполне совпадаютъ свидѣтельства нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей. Только не совсѣмъ ясно, какія, именно, ограничительныя обязательства брать на себя новый царь. Правда, Котошихинъ какъ будто и тутъ даетъ совершенно опредѣленное указаніе. По его словамъ, обязательства состояли въ томъ, что царь обѣщался быть не жестокимъ, никого не казнить безъ суда и о всѣхъ дѣлахъ совѣщаться съ боярами и съ думными людьми. Но тутъ показаніе Котошихина вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія. «Какъ стояли дѣла въ моментъ избранія новаго царя,—говоритъ П. Н. Миллюковъ,—бояре были безсильны и не могли наложить никакихъ обязательствъ: они сами, наравнѣ

¹⁾ Григ. Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. стр. 141—142. Спб. 1884.

съ казаками, сдѣлались... предметомъ вражды всей земли, всемогущей тогда въ лицѣ своей рати и своихъ представителей на земскомъ соборѣ» ¹⁾. Если бояре были безсильны, то какъ же они могли принудить новаго царя къ ограниченію своей власти? Представляется болѣе вѣроятнымъ, что ограничительную запись взяла «земля» въ лицѣ своей рати или, вообще, въ лицѣ своихъ представителей. Но тогда непонятно, почему «земля» ограничила царскую власть не въ свою собственную пользу, — т. е. не въ пользу «всѣхъ чиновъ людей руссiйскаго царствiя», — а только въ пользу бояръ и думныхъ людей. Въ виду этого приходится предположить, что Котошихинъ выразился неправильно, и что, по дѣйствительному смыслу ограничительной «записи», вновь избранный царь обязанъ былъ совѣщаться, именно, съ представителями всей земли, скажемъ, съ Земскимъ Соборомъ. Но тутъ возникаютъ новыя затрудненія: почему обязательство, согласно послѣднему предположенію, данное Михаиломъ всей землѣ, осталось, по выраженію Ключевского, незамѣтнымъ въ официальныхъ документахъ? И почему не нашли нужнымъ взять ограничительную запись съ царя Алексѣя? Неужели только потому, что считали его «тихимъ»? Допустимъ, что, въ самомъ дѣлѣ, только поэтому. Но тогда надо выяснитъ, кто же рѣшилъ, кто имѣлъ право рѣшить, что не слѣдуетъ брать съ Алексѣя запись въ виду его «тихости». Кажется, что это могъ рѣшить только Земскій Соборъ, такъ какъ, согласно нашему послѣднему предположенію, именно ему было дано царемъ ограничительное обязательство. Но на подобное рѣшеніе Земскаго Собора нѣтъ никакихъ указаній. Въ виду всего этого, наиболѣе вѣроятно, что, какъ думаетъ Ключевскій, запись, ограничивавшая власть Михаила, была плодомъ негласной придворной сдѣлки, состоявшейся за кулисами избирательнаго Земскаго Собора. Большіе боярскіе роды были безсильны на открытой политической аренѣ, но, искусившіеся во всевозможныхъ интригахъ, они могли поставить много препятствій на пути Михаила. «Да и для сторонниковъ Михаила власть, случайно или нечисто добытая, была костью, изъ-за которой они при случаѣ готовы были перегрызться. Общимъ интересомъ обѣихъ сторонъ было оградить себя отъ повторенія испытанныхъ уже непріятностей, когда царь, или временщикъ его именемъ, расправлялся съ боярами, какъ съ холопами» ²⁾. Сдѣлка была направлена къ огражденію бояръ отъ царскаго произвола. Поэтому она и осталась негласной. Передъ лицомъ Земскаго Собора неловко было оглашать договоръ, благодаря которому царь

¹⁾ «Очерки по исторіи русской культуры», ч. III, выпускъ I, стр. 86.

²⁾ Ключевскій, Курсъ, III, стр. 96—97.

могъ представиться «землѣ» орудіемъ давно уже ненавистнаго ей боярства. Ключевскій утверждаетъ, что первые годы царствованія Михаила вполне оправдываютъ его предположеніе: «Тогда видѣли и рассказывали, какъ своевольничали въ странѣ правящіе люди, «гнушающіе» своимъ государемъ, вынужденнымъ смотрѣть сквозь пальцы на дѣянія своихъ приближенныхъ»¹⁾. Къ этому можно добавить, что за предположеніе Ключевского говорить, напримѣръ, также извѣстіе, согласно которому Ѳ. И. Шереметевъ писалъ въ Польшу кн. Голицыну: «Миша-де Романовъ молодъ, разумомъ еще не дошелъ и намъ будетъ поваденъ». Съ такого «поваднаго» кандидата нетрудно было взять выгодное для бояръ обязательство. Но такъ какъ оно оставалось негласнымъ, то его не только трудно, а прямо невозможно было защищать передъ лицомъ «земли». А къ «землѣ», безусловно, необходимо было обращаться, занимаясь труднымъ дѣломъ возстановленія стараго государственнаго порядка въ разоренной странѣ. Въ царствованіе Михаила представители «земли» часто созывались на Соборъ. Вотъ они-то и дали верховной власти возможность свести на нѣтъ все значеніе ограничительной записи, вырванной у нея закулисной интригой. Верховная власть воспользовалась этой возможностью тотчасъ же по возвращеніи изъ польскаго плѣна очень мало «поваднаго» Филарета Никитича. Въ виду же того, что фактически уничтожено было значеніе ограничительной записи, совсѣмъ неудивительно, что она не была повторена Алексѣемъ.

III.

Но если съѣзжавшіеся на Соборъ представители «земли» имѣли полное основаніе не желать боярской олигархіи, то они не могли не довѣрять самимъ себѣ. Почему же не подумали они о томъ, чтобы взять ограничительную запись въ пользу «всенароднаго множества»? И если они, по той или другой мимолетней причинѣ, упустили случай взять запись въ началѣ 1613 года, то отчего они и впослѣдствіи никогда не пытались поправить свою ошибку? Отвѣтъ заключается въ указанномъ выше ходѣ развитія московскаго соціального строя. Тамъ, гдѣ неумолимая экономическая необходимость съ возрастающимъ ускореніемъ вела къ посредственному или непосредственному закрѣпощенію всѣхъ силъ страны, не могла возникнуть мысль даже о самой умѣренной политической свободѣ.

Набирательный соборъ 1613 года былъ, въ сущности, учредительнымъ собраніемъ. Но, какъ говоритъ Ключевскій, это учре-

¹⁾ Тамъ же, стр. 97.

дительное собраніе тотчасъ по выборѣ царя превратилось въ распорядительную комиссію, задача которой состояла въ томъ, чтобы принимать предварительныя мѣры въ ожиданіи времени, когда сформируется настоящее правительство. Эта роль распорядительной комиссіи подчиняла Соборъ верховной власти. А изъ этой роли онъ выходилъ потомъ только для того, чтобы принимать на себя роль челобитчика. Дальше челобитій онъ никогда не шелъ. Ключевскій замѣчаетъ, что иное дѣло быть носителемъ народной воли, а иное дѣло быть выразителемъ народныхъ жалобъ и желаній. Съ этимъ легко согласиться. Но нужно помнить тѣ конкретныя условія, въ которыхъ совершалась дѣятельность Земскаго Собора. Въ 1619 году созвали на Соборъ «добрыхъ и разумныхъ» выборныхъ людей, которые должны были довести земскія нужды до свѣдѣнія центрального правительства. И первымъ дѣломъ этихъ «добрыхъ и разумныхъ» земскихъ выборныхъ было принятіе мѣръ для возвращенія на мѣста бѣглыхъ. Это значитъ, что съѣхавшіеся въ Москву выборные русскіе люди признали самой настоятельной нуждой своей страны возстановленіе той неволи, въ которой жила прежде трудящаяся масса, и гнетъ которой былъ наиболѣе глубокой причиной волненій, пережитыхъ Московской Русью во время Смуты. А по мѣрѣ того, какъ возстановлялась и еще болѣе расширялась эта неволя; по мѣрѣ того, какъ увеличивалась часть населенія, попадавшая въ тотъ или другой видъ крѣпостной зависимости,—суживалась та социальная основа, на которую опиралось земское представительство. Крѣпостные не посылали своихъ представителей на соборъ. Поэтому главное вліяніе на немъ принадлежало классу, жившему трудомъ закрѣпощеннаго сельскаго населенія, т. е. дворянству. Дворянство же было въ полной зависимости отъ центрального правительства, между прочимъ, потому, что въ тогдашнихъ условіяхъ только съ его помощью оно могло держать въ повиновеніи крѣпостныхъ людей, своимъ трудомъ дурно или хорошо обеспечивавшихъ его существованіе. Такимъ образомъ социальная неволя крестьянъ обуславливала собою политическую неволю дворянства, какъ на это превосходно указалъ тотъ же Ключевскій: «Въ господствующемъ землевладѣльческомъ классѣ, отчужденномъ отъ остального общества своими привилегіями, поглощенномъ дрягми крѣпостного владѣнія, разслабленномъ даровымъ трудомъ, тупѣло чувство земскаго интереса и дряхлѣла энергія общественной дѣятельности. Барская усадьба, угнетая деревню и чуждаяся посада, не могла сладить съ столичной канцеляріей, чтобы дать земскому собору значеніе самостоятельнаго проводника земской мысли и воли»¹⁾).

¹⁾ Тамъ же, стр. 244.

Не слѣдуетъ думать, что дворянство было довольно своимъ положеніемъ. Оно было очень бѣдно ¹⁾. Оно само находилось на крѣпостной службѣ у государства и само немало терпѣло отъ того строя, который создавался и поддерживался, главнымъ образомъ, его же усиліями и въ его же интересахъ. Въ январѣ 1642 г. на соборѣ, созванномъ по вопросу о томъ, принять или не принять отъ донскихъ казаковъ Азовъ, отнятый ими у турокъ, дворянскіе представители многихъ уѣздовъ горько жаловались: «а разорены мы пуще турецкихъ и крымскихъ бусурмановъ московскою волокитею, отъ неправды и отъ неправедныхъ судовъ» ²⁾. Но чѣмъ бѣднѣе было это сословіе, тѣмъ сильнѣе чувствовало и тѣмъ лучше сознавало оно свою зависимость отъ центрального правительства, которое награждало его «землишками». А чѣмъ лучше сознавалась ими эта зависимость, тѣмъ меньше было у него расположенія къ оппозиціи, и тѣмъ меньше способно было оно дорасти до другихъ политическихъ понятій, кромѣ чисто восточнаго понятія о холопствѣ служилаго человѣка. На земскіе соборы XVI столѣтія созывались представители служилаго класса. Они были совѣщаніемъ правительства со своими собственными чиновниками. Соціально-политическія нужды, созданныя событіями Смутной эпохи, выдвинули на русскую историческую сцену Земскій Соборъ, составлявшійся изъ представителей «людей всѣхъ чиновъ». На соборахъ XVII вѣка московское правительство совѣщалось съ «землей», возстановившей его своими усиліями. Но такъ какъ все большая и большая часть населенія Московскаго государства, попадая въ крѣпостную зависимость по отношенію къ разнаго рода владѣльцамъ, переставала посылать на соборъ своихъ представителей, то выборные отъ служилаго класса играли все болѣе и болѣе преобладающую роль на соборныхъ совѣщаніяхъ. Уже одного этого было достаточно, чтобы постепенно превратить соборъ XVII вѣка въ совѣщаніе правительства со своими собственными чиновниками, т.-е. вернуть его къ старому типу XVI столѣтія. А когда онъ вернулся къ этому старому типу, московское правительство легко могло замѣнить его совѣщаніями другого рода. Оно стало созывать «свѣдущихъ людей» отъ отдѣльныхъ слоевъ населенія, болѣе заинтересованныхъ, по его мнѣнію, въ

1) Помѣстья уѣздныхъ дворянъ были вообще очень жезки и населены крайне скудно. Въ нѣкоторыхъ южныхъ уѣздахъ было много дворянъ совѣтъ безземельныхъ, одиодворныхъ, имѣвшихъ только усадьбы, безъ крестьянъ и бобылей, и пустошестныхъ, у которыхъ не было и усадебъ... нѣкоторые дворяне бросали свои вотчины и помѣстья, поступали въ казаки или шли въ боярскіе дворы казальными холодами и въ монастыри служками». (Ключевскій, тамъ же, стр. 111).

2) Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. II, стр. 1256,—57,—58.

рѣшеніи вопроса, подлежащаго разсмотрѣнію въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ. Такъ хирѣлъ и умиралъ центральный органъ народнаго представительства въ Московской Руси. Во второй половинѣ XVII вѣка соборъ не созывался вплоть до смерти царя Ѳеодора. Ключевскій утверждаетъ, что идея Земскаго Собора, постепенно погасавшая въ правящихъ и привилегированныхъ слояхъ, нѣкоторое время держалась среди торгово-промышленныхъ людей, у которыхъ еще теплилось чувство гражданскаго долга. Онъ напоминаетъ, какъ московскіе торговые люди указывали правительству на необходимость созыва земскаго собора въ виду кризиса, вызваннаго неудачной операцией съ мѣдными деньгами. Но онъ же спѣшитъ прибавить, что московскіе «гостишки и торговые людишки» (какъ они сами себя называли) были слишкомъ незначительной величиной, чтобы уравнивать общественныя отношенія. Представители этого слоя, несчаго на себя весьма обременительное государственное тягло, «становились на соборѣ передъ подавляющимъ большинствомъ служилаго люда и передъ служенымъ же боярски-приказнымъ правительствомъ»¹⁾. Ясно, что не ихъ голосъ,—къ тому же совѣтъ не громкій и не рѣшительный,—могъ измѣнить къ лучшему судьбу народнаго представительства въ Московской Руси. Земскій Соборъ, о созывѣ котораго почти тельно просили московскіе «гостишки и торговые людишки» въ 1662 году, такъ и не былъ созванъ.

IV.

Сказаннымъ, полагаемъ, достаточно характеризуются экономическія и социальныя условія, опредѣлившія собою взаимныя отношенія власти и народнаго представительства, а слѣдовательно—и ходъ развитія политической мысли въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка. Наши изслѣдователи охотно проводятъ параллель между русскимъ Земскимъ Соборомъ и народнымъ представительствомъ въ государствахъ Западной Европы. Однако, она не всегда проводится ими правильно. Такъ, по мнѣнію Ключевского, «народное представительство возникло у насъ не для ограниченія власти, а чтобы найти и укрѣпить власть: въ этомъ его отличіе отъ западно-европейскаго представительства»²⁾. Но въ какомъ же изъ западно-европейскихъ государствъ народное представительство возникло для ограниченія королевской власти? Оно вездѣ возникало для содѣйствія ей въ управленіи страной. И въ процессѣ

¹⁾ Тамъ же, стр. 267.

²⁾ Тамъ же, стр. 272.

этого содѣйствія оно укрѣпляло ее. Это особенно справедливо въ примѣненіи къ представительству третьяго сословія. Во Франціи Филиппъ Красивый, созывая Генеральныя Штаты, пригласилъ его представителей вовсе не затѣмъ, чтобы дѣлиться съ ними властью. Онъ надѣялся найти съ ихъ стороны поддержку въ своемъ столкновеніи съ папой Бонифаціемъ VIII. Генеральныя Штаты 1302 года,—первый по времени земскій соборъ во Франціи,—выразили пожеланіе, чтобы король отстаивалъ «верховную свободу» своего государства и не признавалъ надъ собой,—въ томъ, что касается свѣтской власти,—никакого другаго государя, кромѣ Бога («que vous ne reconnaissiez, pour le temporel, souverain en terre, fors Dieu»). Выразить королю такое пожеланіе, несомнѣнно, значило способствовать укрѣпленію его власти. Генеральныя Штаты и впослѣдствіи служили орудіемъ такого укрѣпленія. Они были ареной борьбы третьяго сословія со свѣтской и духовной аристократіей. А эта борьба, какъ извѣстно, и создала абсолютную монархію. Она привела къ тому, что французскіе короли получили, наконецъ, возможность обходиться безъ созыва Генеральныхъ Штатовъ и пользовались ею въ теченіе весьма продолжительнаго времени (1614—1789 гг.). Съ своей стороны, короли эти, созывая народныхъ представителей, чаще всего имѣли въ виду только одну цѣль: подонть своихъ вѣрныхъ подданныхъ («traire de l'argent»). По словамъ Ключевского, Земскій Соборъ былъ не политической силой, а правительственнымъ пособіемъ. Въ извѣстномъ смыслѣ, это же съ полнымъ правомъ можно сказать о французскихъ Генеральныхъ Штатахъ. И съ неменьшимъ правомъ можно утверждать,—какъ говоритъ тотъ же ученый о Земскомъ Соборѣ,—что имъ предоставлялось возбужденіе законодательныхъ мѣръ въ формѣ ходатайствъ, между тѣмъ какъ верховное управленіе удерживало за собой право рѣшать возбужденные вопросы ¹⁾. Тутъ—неоспоримое сходство. Но различіе исторической обстановки привело къ тому, что во Франціи сословное народное представительство, послужившее королю весьма важнымъ «пособіемъ» и сильно содѣйствовавшее укрѣпленію и расширенію его верховной власти, стало къ нему въ отношеніе, существенно отличавшееся отъ того, которое установилось въ

1) „Alors que le Parlement anglais remplaçait les pétitions par des „bills“ les États français continuaient à présenter leurs cahiers de doléances, laissant au gouvernement le droit de ne tenir aucun compte de leurs demandes dans ses ordonnances. La même chose avait lieu en Russie, où les lois nouvelles étaient décrétées directement par le czar et sa douma et où le „Verdict général du pays“ resta pendant de longues années sans effet“. Maxime Kowalewsky: „Institutions Politiques de la Russie“. Paris. 1903, p. 98.

Московскомъ государствѣ между Земскимъ Соборомъ и царемъ. Я уже не разъ указывалъ на то, что московскіе цари въ своей борьбѣ съ боярствомъ опирались, главнымъ образомъ, на помѣстное дворянство, между тѣмъ какъ во Франціи самою главною поддержкой королей въ ихъ борьбѣ съ феодалами явилось третье сословіе. Первоначальная роль этого сословія была очень скромной. Это достаточно доказывается тѣмъ фактомъ, что его представители могли говорить въ присутствіи короля, только опустившись на колѣни, тогда какъ представители высшихъ сословій произносили свои рѣчи стоя. Но вмѣстѣ съ экономическимъ развитіемъ быстро росло значеніе третьяго сословія въ соціальной жизни Франціи. А вмѣстѣ съ ростомъ его значенія въ соціальной жизни развивалось и его политическое самосознаніе. Его представители, прежде смиренно считавшіе себя «людишками», все болѣе и болѣе чувствовали себя людьми. При этомъ они не перестали помогать королю, поскольку дѣло касалось его борьбы съ феодалами. Но, продолжая служить ему «пособіемъ» въ этой борьбѣ, они въ то же время стремились положить извѣстные предѣлы его власти («ограничить» ее) въ области государственнаго управленія тамъ, гдѣ дѣло касалось общенароднаго интереса. Поэтому на собраніяхъ французскихъ Генеральныхъ Штатовъ часто раздавались такіе рѣчи, о какихъ и помыслить не могли «добрые и разумные люди», сѣзжавшіеся на Земскій Соборъ въ Московскомъ государствѣ.

Вотъ примѣръ.

На собраніи Генеральныхъ Штатовъ 1484 года въ торжественномъ засѣданіи 28 февраля руанскій депутатъ Масселэнъ, сказавъ, что король долженъ позаботиться объ уменьшеніи лежащаго на французскомъ народѣ податнаго бремени, счелъ нужнымъ прибавить: «Поступая такъ, онъ не окажетъ милости своему народу, а только исполнить долгъ справедливости: говорить о милости значило бы злоупотреблять словами». Подобный языкъ знаютъ только люди: «людишки» выражаются иначе. Продолжая свою рѣчь, Масселэнъ воскликнулъ: «Да, въ монархіи народъ остается верховнымъ господиномъ своего имущества, и нельзя отнимать его у народа, когда онъ въ полномъ своемъ составѣ противится этому. Онъ принадлежитъ къ свободному состоянію: онъ не рабъ, а подданный королевской власти»¹⁾. Тутъ мы опять встрѣчаемъ прекрасно знакомое намъ, по разсужденіямъ Бодена, различіе холопа и подданнаго. Холопъ распоряжается своимъ имуществомъ лишь

¹⁾ „Liberae siquidem conditionis est, non servilis, ut pote regii regiminis subditus“
Histoire des États Généraux par Georges Picot, 2-me édit., t. I, p. 378—379.

съ позволенія своего господина, а подданный остается верховнымъ собственникомъ того, чѣмъ онъ владѣетъ, и король не можетъ безъ его согласія «отписать на себя» его имѣніе. На Земскій Соборъ съѣзжались холопы московскаго государя; на собраніяхъ Генеральныхъ Штатовъ выступали подданные французскаго короля.

Наканунѣ засѣданія, на которомъ произнесена была цитируемая мною рѣчь Масселена, депутаты третьяго сословія въ совѣщаніи съ королевскими совѣтниками, пытавшимися побудить ихъ къ уступчивости, говорили имъ: «Никто не долженъ удивляться или сердиться, видя, что, получивъ свои полномочія отъ народа, взявшись за его дѣло и поклявшись поддерживать его, народные представители защищаютъ его всѣми своими силами». Они заявляли, что смотреть на себя, прежде всего, какъ на доверенныхъ лицъ народа ¹⁾, и что имъ «пришлось бы нести страшную отвѣтственность, если бы они покинули народное дѣло, подавивъ крикъ своей собственной совѣсти» ²⁾. Это—опять языкъ людей а не «людишекъ». Раздраженный этимъ благороднымъ языкомъ, одинъ изъ представителей тогдашнихъ французскихъ правящихъ сферъ воскликнулъ, что онъ знаетъ вилэновъ: «Не надо, чтобы предъ ними мелькалъ образъ свободы, имъ нужно ярмо». Въ высшей степени достойны замѣчанія заключительныя слова, сказанныя представителями третьяго сословія королевскимъ совѣтникамъ: «Въ тотъ день, когда король соблаговолитъ принять насъ, наши ораторы будутъ достаточно краснорѣчивы, чтобы побить нашихъ противниковъ оружіемъ разума и чтобы сдѣлать очевиднымъ для всѣхъ, что королю не позволено налагать руку на имущество своихъ подданныхъ, вопреки единодушному мнѣнію Штатовъ». Читатель не долженъ забывать, что я привелъ здѣсь отрывки изъ рѣчей французскихъ депутатовъ XV, а не конца XVIII столѣтія.

V.

Онъ долженъ, кромѣ того, помнить, что во Франціи языкомъ людей умѣли говорить не только депутаты третьяго сословія. Французскіе феодалы тоже никогда не имѣли склонности къ роли холоповъ. И если «христіанвѣйшіе» короли Франціи опирались на третье сословіе въ борьбѣ съ ними, то они, въ свою очередь, пытались,—тамъ, гдѣ такіа попытки не требовали отъ нихъ отказа

¹⁾ „Procuratores populi“, какъ выражается тотъ же Масселенъ въ своемъ латинскомъ докладе Генеральнымъ Штатамъ.

²⁾ Тамъ же, стр. 377.

отъ своихъ привилегій,—заручиться симпатіями этого сословія въ борьбѣ съ королями. Для примѣра можно указать на руководящее участіе ихъ въ Лигѣ Народнаго Блага (*Ligue du Bien Publique*) при Людовикѣ XI. Положимъ, Людовикъ XI обнаружилъ довольно тонкое пониманіе феодальнаго народолюбія, сказавъ: «Если бы мы согласились увеличить ихъ пенсіи и позволили имъ попрежнему угнетать своихъ вассаловъ, то имъ и въ голову не пришла бы мысль объ общемъ благѣ»¹⁾. Но откуда бы ни приходила въ головы феодаловъ мысль объ общемъ благѣ, важно то, что временами она дѣйствительно забредала туда. На томъ же собраніи Генеральныхъ Штатовъ въ Турѣ (1484 года) депутатъ бургонскаго дворянства Филиппъ По (*seigneur de la Roche*) говорилъ такъ: «Согласно исторіи, самодержавный народъ (*le peuple souverain*) создалъ королей своимъ выборомъ, при чемъ онъ предпочиталъ для этого такихъ людей, которые превосходили другихъ умѣlostью и добродѣтелью. Въ самомъ дѣлѣ, народъ выбираетъ себѣ господина (*maître*) въ своемъ собственномъ интересѣ. Государи облечены огромною властью не затѣмъ, чтобы обогащаться на счетъ народа, а затѣмъ, чтобы обогащать государство и улучшать его положеніе. Если они поступаютъ иногда иначе, то они ведутъ себя, какъ тираны, и похожи на тѣхъ пастырей, которые вмѣсто того, чтобы защищать своихъ овецъ, пожираютъ ихъ, какъ злые волки... Кто не знаетъ и кто не повторяетъ, что государственное дѣло есть дѣло народа? А если это такъ, то какъ же можетъ народъ не заботиться о государственномъ дѣлѣ? Какъ могутъ низкіе льстецы приписывать самодержавіе государю, который существуетъ только черезъ народъ?.. Народъ имѣетъ двойное право на заведываніе своими дѣлами, такъ какъ онъ господинъ надъ ними и такъ какъ, въ послѣднемъ счетѣ, онъ всегда является жертвой дурного правительства».

Выписывая этотъ отрывокъ, я снова невольно спрашивалъ себя, не слѣдуетъ ли напомнить читателю, что рѣчь, изъ которой я взялъ его, была произнесена не во время великой революціи, а болѣе чѣмъ за триста лѣтъ до нея: такъ значительны обнаруженные въ ней политическая требовательность и сознаніе народнаго достоинства. Конечно, сходство не есть тождество. Филиппъ По считалъ нужнымъ напомнить о самодержавіи народа собственно по тому поводу, что за малолѣтствомъ Карла VIII верховная власть попала въ руки королевскаго совѣта, о составѣ котораго и велся споръ: принцы крови стремились обезпечить себѣ преобладающее вліяніе въ

¹⁾ Picot, названн. сочин., т. I, стр. 331 въ примѣчаніи.

немъ, между тѣмъ какъ Филиппъ По и депутаты, согласные съ нимъ по этому вопросу, хотѣли подчинить совѣтъ вліянію Штатовъ черезъ посредство лицъ, вводимыхъ въ него этими послѣдними. При взросломъ королѣ ссылки на народное самодержавіе, вѣроятно, не были бы такъ рѣшительны. Характерно для дворянскаго депутата и сдѣланное имъ опредѣленіе народа: «Я называю народомъ не только низшее сословіе, но всѣхъ людей всѣхъ сословій, живущихъ въ государствѣ». Во время великой революціи словомъ народъ обозначалась вся совокупность населенія минусъ привилегированные (*moins les privilégiés*). Филиппъ По, конечно, отвергъ бы такое опредѣленіе. И это вполне понятно. Но замѣчательно,—и для того, кто помнитъ московскія политическія отношенія, пожалуй, даже удивительно,—что въ концѣ XV вѣка одинъ изъ представителей французскаго дворянства могъ на собраніи Генеральныхъ Штатовъ произнести рѣчь, въ которой,—хотя бы и въ виду исключительныхъ обстоятельствъ,—горячо и умно отстаивался принципъ народнаго самодержавія, сыгравшій такую большую роль въ политической литературѣ XVIII и XIX столѣтій.

Не менѣе достойно замѣчанія и слѣдующее. Отмѣтивъ, что во Франціи нѣтъ ни одного законодательнаго положенія, въ силу котораго (при малолѣтствіи короля) управленіе дѣлами должно было бы принадлежать всѣмъ принцамъ крови или одному изъ нихъ, По сказалъ: «Значитъ, все это нужно опредѣлить; и надо выполнить это безъ колебаній. Сдѣлаемъ такъ, чтобы ничто не осталось не опредѣленнымъ. Не покинемъ государственнаго блага на произволъ горсти лицъ; ибо кто поручится намъ за то, что короли всегда будутъ добры и справедливы? Въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, нужно выставить твердое правило и начертать поведеніе (*fixer une règle et tracer une conduite*)¹⁾. Если вѣрить Котошихину, то московскіе люди, «обирая» на царство Алексѣя Михайловича, не нашли нужнымъ «выставить твердое правило и начертать поведеніе», положившись на «тихій» нравъ молодого царя.

Филиппъ По признавалъ, что народъ не имѣетъ права царствовать. «Но поймите,—говорилъ онъ,—что онъ имѣетъ право управлять государствомъ черезъ посредство своихъ выборныхъ»²⁾. До такихъ политическихъ мыслей никогда не возвышалось московское дворянство, въ XVII вѣкѣ ставшее господствующимъ сословіемъ.

¹⁾ Picot, назв. соч., т. II, стр. 5—6.

²⁾ Тамъ же, тотъ же томъ, стр. 6—7.

VI.

Русскій историческій процессъ не отличается абсолютнымъ своеобразиемъ; но нужно быть слѣпымъ, чтобы, сравнивая его съ историческимъ процессомъ западныхъ государствъ,—скажемъ, Франціи,—не замѣтить въ немъ своеобразія относительнаго.

Съ точки зрѣнія качественного анализа, химическій составъ воды одинаковъ съ составомъ перекиси водорода. Каждое изъ этихъ тѣлъ образуется соединеніемъ кислорода съ водородомъ. Но съ точки зрѣнія количественнаго анализа, между ними есть несомнѣнная разница: перекись водорода (H_2O_2) богаче кислородомъ, нежели вода (H_2O). И этимъ количественнымъ различіемъ объясняется большое различіе ихъ свойствъ, т.-е. качественная разница между ними. Нѣчто совершенно подобное мы видимъ и въ исторіи. Съ точки зрѣнія качественного анализа, социальный составъ Московскаго государства былъ одинаковъ съ составомъ Французскаго королевства: и тутъ, и тамъ были крестьяне, торгово-промышленное населеніе, дворянство, аристократія, духовенство и, наконецъ, монархъ. Но количественный анализъ открываетъ большую разницу въ ихъ социальномъ составѣ: вслѣдствіе большой экономической отсталости Московскаго государства сравнительно съ Франціей торгово-промышленное сословіе играло въ первомъ изъ этихъ двухъ государствъ гораздо менѣе вліятельную роль, нежели во второмъ. Въ своей борьбѣ съ феодалными землевладѣльцами московскій монархъ опирался, преимущественно, на помѣстное дворянство, а французскій—на третье сословіе. Географическая среда гораздо менѣе благопріятствовала развитію производительныхъ силъ въ Великороссіи, нежели во Франціи. Это важное обстоятельство, обусловившее собой количественную разницу въ социальномъ составѣ населенія двухъ названныхъ странъ, вызвало также весьма существенное различіе во взаимныхъ отношеніяхъ составныхъ социальныхъ элементовъ той и другой. Московское государство было страной, въ которой на очень долгое время затянулся процессъ колонизаціи при преобладаніи условій натурального хозяйства. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ исключительной длительности этого процесса явилась крѣпостная зависимость трудящейся массы по отношенію къ частнымъ лицамъ и государству. Въ составъ закрѣпощенной трудящейся массы входило не только сельское, но и городское населеніе. Посадскіе люди не могли дѣлаться крѣпостными частныхъ

владѣльцевъ. Уложеніе 1649 года грозило кнутомъ и ссылкой въ Сибирь тѣмъ изъ нихъ, которые приняли бы на себя крѣпостныя обязательства путемъ такъ называемаго з а к л а д а. Но, по превосходному замѣчанію Ключевскаго, личная свобода, которая поддерживалась кнутомъ, сама становилась родомъ государственной повинности. «Уложеніе не отмѣняло личной неволи во имя свободы,—говоритъ онъ,—а личную свободу превращало въ неволю во имя государственнаго интереса» ¹⁾. Такимъ образомъ тотъ или другой родъ крѣпостной зависимости распространился на все трудящееся населеніе Московскаго государства за самыми малыми исключеніями. Наконецъ, историческая обстановка, въ которой развивалось Московское государство, обусловила собою то, что оно вынуждено было затрачивать все большую часть своихъ средствъ на защиту своего существованія въ борьбѣ съ западными сосѣдями, все болѣе и болѣе опережавшими ее на пути экономическаго развитія ²⁾. Это послѣднее обстоятельство еще болѣе усиливало лежавшій на его населеніи гнетъ крѣпостной зависимости. И, наоборотъ, извѣстно, что во Франціи число крѣпостныхъ постоянно уменьшалось, начиная со Среднихъ Вѣковъ. По словамъ Рамбо, въ Нормандіи уже въ XII вѣкѣ не оставалось и слѣда отъ крѣпостничества. Въ другихъ частяхъ Франціи оно исчезало медленнѣе. Но и тамъ число крѣпостныхъ (*serfs*) постоянно уменьшалось. Въ 1315 году Людовикъ X позволилъ крѣпостнымъ королевскихъ владѣній выкупаться на волю. Это, конечно, мало говоритъ въ пользу королевскаго безкорыстія, но неоспоримо свидѣтельствуе о значительныхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ денежнымъ хозяйствомъ въ тогдашней Франціи. Что касается Генеральныхъ Штатовъ, то уже съ конца XV вѣка крестьянство участвовало въ выборѣ тѣхъ представителей, которыхъ посылало туда третье сословіе. Оно принимало участіе также въ выработкѣ наказовъ депутатамъ (*cahier*s). Мы видимъ, стало быть, что если въ Московской Руси ходъ экономическаго развитія неуклонно суживалъ ту социальную основу, на которой стояло политическое зданіе народнаго представительства, то во Франціи онъ, наоборотъ, постоянно расширять ее. Неудивительно, что значеніе этого представительства было далеко не одинаково во Франціи и въ Московской Руси.

Конечно, и здѣсь мы имѣемъ передъ собой различіе не абсолютное, а только относительное; не качественное, а лишь количественное. Какъ отмѣчено мною выше, французскіе Генеральные Штаты тоже могли только бить челомъ государю о своихъ нуждахъ.

¹⁾ «Курскъ», III, стр. 185—186.

²⁾ См. примѣчаніе второе на стр. 203.

Право окончательнаго рѣшенія принадлежало верховной власти. Отъ нея же зависѣло и созваніе и распушеніе Штатовъ. И она не созывала ихъ въ теченіе долгаго времени.

Все это такъ. Но въ вопросахъ этого рода едва ли не больше, нежели гдѣ-нибудь, надо помнить, что количественныя различія переходятъ въ качественныя. Хотя французскіе Генеральные Штаты тоже обладали въ послѣднемъ счетѣ лишь правомъ челобитій, но то населеніе, которое, въ лицѣ своихъ представителей, говорило на ихъ собраніяхъ о своихъ нуждахъ, все-таки имѣло гораздо болѣе значительное вліяніе на законодательство своей страны, нежели населеніе Московской Руси. Жители Французскаго королевства считали себя подданными своего государя, жители Московскаго государства величали себя царскими холопами. Да и на это названіе имѣли право не всѣ, а только болѣе высокопоставленные. Люди низшаго класса назывались царскими сиротами. «Понятно, что ни въ безпомощныхъ сиротахъ, ни въ холопахъ нельзя искать силы и самостоятельности»,—пишетъ Соловьевъ ¹⁾. И это, въ самомъ дѣлѣ, такъ. Съѣзжавшіеся на Соборъ представители служилыхъ холоповъ и посадскихъ сиротъ не обнаруживали ни силы, ни самостоятельности. Въ отличіе отъ нихъ, собиравшіеся на Генеральные Штаты представители подданныхъ французскаго короля не разъ выказывали и силу, и самостоятельность. Соловьевъ говоритъ тамъ же, что безпомощные сироты и холопы не могутъ имѣть собственнаго мнѣнія. Однако, это уже не совсѣмъ такъ. И тѣ, и другіе имѣли свое мнѣніе, но оно соответствовало ихъ униженному положенію и никогда не развивалось въ сколько-нибудь широкое политическое сознаніе. Вотъ почему на Земскихъ Соборахъ Московскаго государства никогда не раздавалось такихъ рѣчей объ обязанностяхъ главы государства и о правахъ народа, какія проносились на собраніяхъ французскихъ Генеральныхъ Штатовъ. Повторяю, количественныя различія переходятъ въ качественныя.

VII.

«Читая записки, поданныя сословными представителями на этомъ Соборѣ (на Соборѣ 1642 года.—*Г. П.*), чувствуешь,—читаемъ мы у Ключевскаго,— что этимъ представителямъ нечего дѣлать вмѣстѣ, у нихъ общаго дѣла нѣтъ, а осталась только вражда интересовъ. Каждый классъ думаетъ про себя, особо отъ другихъ, знаетъ только свои ближайшія нужды и несправедливыя преимущества другихъ. Очевидно, политическое обособленіе сословій

¹⁾ Исторія Россіи, кн. III, стр. 804.

повело ко взаимному нравственному ихъ отчужденію, при которомъ не могла не расторгнуться ихъ совмѣстная соборная дѣятельность» ¹⁾.

На собраніяхъ французскихъ Генеральныхъ Штатовъ вражда интересовъ тоже вела ко взаимному нравственному отчужденію сословій. И это отчужденіе тоже сильно мѣшало подчасъ ихъ совмѣстной политической дѣятельности. Центральная власть сумѣла воспользоваться этимъ во Франціи, какъ и въ Россіи. Но, отмѣчая это сходство, не забудемъ и того важнаго различія, которое намъ теперь хорошо извѣстно. Если въ Московскомъ государствѣ, вслѣдствіе закрѣпощенія трудящейся массы, каждое изъ сословій, представленныхъ на Соборѣ, перестало видѣть что-либо за предѣлами своихъ ближайшихъ сословныхъ нуждъ, то во Франціи даже представители привилегированныхъ сословій въ нѣкоторыхъ случаяхъ возвышались до яснаго пониманія общегосударственнаго интереса.

Представители же торгово-промышленнаго сословія часто обнаруживали широкое пониманіе интересовъ всего трудящагося населенія. Въ одномъ изъ засѣданій Генеральныхъ Штатовъ 1614-го года одинъ изъ нихъ выразилъ королю свое удивленіе тому, что французскій народъ можетъ удовлетворять всѣмъ предъявляемымъ къ нему требованіямъ. «Онъ долженъ доставлять пищу вашему величеству, а также всему духовенству, дворянству и третьему сословію. Если бы не работалъ бѣдный народъ, то какое значеніе имѣли бы для церкви принадлежащія ей десятины и большія имѣнія, для дворянства—его прекрасныя земли, его большія феодальныя имуществы (*grands fiefs*)? Для третьяго сословія—его дома, его ренты, его наслѣдства? Далѣе. Кто даетъ вашему величеству средства поддерживать свое королевское достоинство и удовлетворять насущныя государственныя нужды внутри и внѣ королевства? Кто даетъ вамъ средства собирать войско, если не земледѣлецъ?» Характеризуя затѣмъ несчастное положеніе бѣдныхъ земледѣльцевъ, которыхъ «обдираютъ» (*écorchent*) военные люди, этотъ депутатъ, — *prevôt des marchands*, купеческій голова, Миронъ, — воскликнулъ, что французскій народъ меньше страдалъ отъ сарациновъ, когда они приходили во Францію ²⁾. По внѣшности это тождественно съ жалобой нашихъ дворянъ на то, что московская волокита разоряла ихъ больше, нежели турки и татары. Но, во-первыхъ, московскіе служилые люди заботились только о своемъ сословіи, между тѣмъ какъ парижскій «гость» Миронъ говорилъ

¹⁾ Курск. III, стр. 264.

²⁾ G. Picot, Histoire des États Généraux, t. IV, p. 244.

о крестьянах; во-вторых, московские дворяне только жаловались, а французский купеческий голова грозилъ: «Если ваше величество не приметъ мѣръ (противъ указаннаго Мирономъ зла.—Г. П.), то доведенный до отчаянія бѣдный народъ можетъ сообразить, что солдатъ есть не кто иной, какъ вооруженный крестьянинъ, и что виноградарь, взявъ въ руки аркебузъ, перестанетъ быть наковальней и сдѣлается молотомъ»¹⁾.

Поучительныя размышленія Мирона обнаруживаютъ большую широту «собственного мнѣнія» у представителей французскихъ «гостей». Они не забывали и ближайшихъ нуждъ своихъ довѣрителей. Конечно, нѣтъ! Но ихъ политическое развитіе поднялось уже на ту ступень, съ которой видна была, несомнѣнно, существовавшая тогда въ дѣйствительности, тѣсная связь этихъ нуждъ съ коренными нуждами всего трудящагося населенія Франціи. Въ высшей степени достойно замѣчанія, что на томъ же собраніи Генеральныхъ Штатовъ (1614-го года) представители третьяго сословія требовали принятія мѣръ для полной отмѣны остатковъ крѣпостного права во Франціи²⁾. Въ виду подобныхъ требованій, можно сказать, что, хотя у представителей третьяго сословія было очень мало «общаго дѣла» съ представителями привилегированныхъ сословій,—съ которыми они жестоко ссорились,—но они показали себя способными понять общность своего «дѣла» съ «дѣломъ» всего трудящагося населенія Франціи. А это несравненно важнѣе. Это значитъ, что не лишено было основанія опасеніе королевскаго совѣтника, воскликнувшаго въ 1484 г., послѣ совѣщанія съ представителями третьяго сословія, что передъ виланами не долженъ мелькать образъ свободы. Плѣнительный образъ этотъ, какъ видно, уже давно мелькалъ передъ образованной французской буржуазіей. Ходъ развитія давно уже подготовлялъ ее къ роли гегемона во всенародномъ освободительномъ движеніи противъ «старого порядка». Въ слѣдующемъ столѣтіи она и взяла на себя эту роль.

VIII.

Теперь я приглашу читателя вернуться со мною въ Москву XVI вѣка и вспомнить, что, по мнѣнію одного изъ публицистовъ этого вѣка,—автора приложенія, въ нѣкоторыхъ спискахъ сопровождающаго «Бесѣду валаамскихъ чудотворцевъ» и носящаго названіе: «Ино сказаніе тоежъ бесѣды»,—царю надлежитъ править, опираясь на всѣ общественныя силы Московскаго государства. А для

¹⁾ Тамъ же, та же страница.

²⁾ Тамъ же, т. V, стр. 2—3.

этого слѣдуетъ созвать «единомысленный вселенскій совѣтъ», т.-е. Земскій Соборъ. Чтобы совѣтъ былъ въ самомъ дѣлѣ вселенскимъ, его необходимо, по мнѣнію указаннаго публициста, «воздвигнути отъ всѣхъ градовъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ, безо величества и безо високоумія гордости». Это значитъ, авторъ «Иного сказанія» требовалъ широкаго представительства всего населенія Московскаго государства на Соборѣ. Но это требованіе оказалось неосуществимымъ, такъ какъ на трудящуюся массу все больше и больше распространялся гнетъ крѣпостной зависимости. Произошло это не отъ чьего-нибудь «высокоумія гордости», а по неумолимымъ экономическимъ причинамъ. Безъ сомнѣнія, «высокоуміе гордости» въ самой высокой степени свойственно было центральной власти Московскаго государства. Но оно явилось слѣдствіемъ, а не причиной. Оно произошло оттого, что торгово-промышленное населеніе было слишкомъ слабо, чтобы энергично отстаивать идею представительства, между тѣмъ какъ служилое сословіе перестало дорожить ею. «Съ установленіемъ крѣпостной неволи крестьянъ дворянство, поглощая въ себя боярство, сдѣлалось господствующимъ классомъ; но оно, помимо Собора, нашло болѣе удобный путь для проведенія своихъ интересовъ—непосредственное обращеніе къ верховной власти съ коллективными челобитьями, а боярско-дворянскіе кружки, преемственно обѣдавшие престолъ слабыхъ царей, облегчали этотъ путь» ¹⁾. Неудивительно, что въ исторіи нашего Земскаго Собора нѣтъ того драматизма, какимъ отличается исторія французскихъ Генеральныхъ Штатовъ (объ исторіи народнаго представительства въ Англіи нечего и говорить). Тотъ фактъ, что уже въ XVI вѣкѣ нѣкоторые русскіе люди задумывались о пользѣ, которую принесло бы странѣ созваніе совѣта на основѣ «вселенскаго», т.-е. всенароднаго, представительства, ясно показываетъ, что и въ московскихъ головахъ могли возникать политическія мысли, имѣвшія огромное значеніе въ исторіи развитія общественнаго сознанія Западной Европы. Но общественное бытіе было неблагоприятно у насъ для сколько-нибудь значительнаго развитія этихъ мыслей. Поэтому онѣ отцвѣтали, не успѣвши расцвѣсть. По той же причинѣ онѣ всегда оставались смутными. Тутъ было только одно исключеніе: мысль о безграничности монархической власти уже въ XVI вѣкѣ приняла вполне опредѣленный характеръ. «А жаловати есмя своихъ холопей вольны, а и казнити вольны жъ есмя», писалъ Грозный Курбскому. Невозможно выражаться опредѣленнѣе. И эта мысль о безграничности царской власти была чужда всякаго элемента утопіи. Она вполне соотвѣ-

¹⁾ Ключевскій, Курсъ III, стр. 273.

ствовала ходу общественнаго развитія. Отсутствие въ ней утопическаго элемента, ея полное соотвѣтствіе ходу общественнаго развитія вело за собой то, что въ предѣлахъ Московскаго государства она никакъ не могла встрѣтиться съ противоположной ей мыслью о народномъ самодержавіи, которая нерѣдко враждебно сталкивалась съ ней на Западѣ даже въ монархической Франціи. Холопы не способны были дорасти и до несравненно менѣе широкой мысли объ огражденіи правъ высшихъ классовъ общества какими-нибудь законными нормами. Я уже говорилъ, что крайне бѣдно было политическое содержаніе ограничительныхъ записей, полученныхъ боярами отъ нѣкоторыхъ московскихъ государей. Этотъ отзывъ идетъ вразрѣзъ съ авторитетнымъ мнѣніемъ Ключевскаго, который считаетъ, что подкрестная запись Шуйскаго открыла собою новую эру въ нашей политической исторіи. Но, какъ я уже замѣтилъ, у того же историка мы встрѣчаемъ такіа строки: «Царская власть ограничивалась совѣтомъ бояръ, вмѣстѣ съ которымъ она дѣйствовала и прежде; но это ограниченіе связывало царя лишь въ судебныхъ дѣлахъ, въ отношеніи къ отдѣльнымъ лицамъ»¹⁾. Если ограниченіе распространялось только на отношеніе царя къ отдѣльнымъ лицамъ, то ясно, что въ государственныхъ дѣлахъ его власть оставалась безпредѣльной.

IX.

Въ другомъ мѣстѣ Ключевскій говоритъ: «Василій Шуйскій, формально ограничившій свою власть, въ официальныхъ актахъ писался «самодержцемъ», какъ титуловались природные московскіе государи²⁾. Онъ объясняетъ это неподатливостью московскаго мышленія. Хотя оно дѣйствительно было до крайности неподатливо, однако, нельзя не признать, что въ данномъ случаѣ оно показало себя очень послѣдовательнымъ. Принявъ на себя извѣстные обязательства только въ томъ, что касалось судебныхъ дѣлъ, Шуйскій остался такимъ же самодержцемъ, какимъ были «природные» московскіе государи. При вѣнчаніи на царство природнаго московскаго государя Федора Ивановича митрополитъ Діонисій въ поученіи, сказанномъ по этому торжественному случаю, увѣщевалъ царя «имѣть вѣру ко святымъ церквамъ и честнымъ монастырямъ; ему, митрополиту, и всѣмъ своимъ богомольцамъ повиноваться, ибо честь, воздающаяся святителю, къ Самому Христу восходитъ; братью свою по плоти любить и почитать; бояръ и

¹⁾ Курецъ, III, стр. 43.

²⁾ Тамъ же, стр. 65.

вельможъ жаловать и беречь по ихъ отечеству, и ко всѣмъ князьямъ и княжатамъ, къ дѣтямъ боярскимъ и ко всему воинству быть приступну, милостиву и привѣтну; всѣхъ православныхъ христіанъ блюсти, жаловать и попеченіе о нихъ имѣть отъ всего сердца; за обидимыхъ стоять царски и мужески, не давать обижать ни по суду и ни по правдѣ; языка лъстиваго и слуха суетнаго не принимать, обогателя не слушать, и злымъ людямъ вѣры не давать; быть любомудру или мудрымъ послѣдовать, потому что на нихъ, какъ на престолѣ, Богъ почиваетъ; раздавать саны безвозмездно, ибо купившій власть мздоимцемъ бываетъ, и проч.»¹⁾ Все это прекрасные совѣты, но все это совѣты самодержавному государю. Съ мыслью объ ограниченіи царской власти въ нихъ нѣтъ ничего общаго. Всякій понимаетъ, почему митрополитъ нашелъ такіе совѣты умѣстными при вѣчаніи на царство Ѳедора Ивановича: потому, что покойный отецъ новаго царя богомольцамъ своимъ не повиновался; бояръ и вельможъ не берегъ и не жаловалъ; православныхъ христіанъ не блюлъ; за обидимыхъ не стоялъ, а напротивъ, самъ обижалъ своихъ холопей и сиротъ всѣми мѣрами и всѣми способами; языка лъстиваго принималъ; обогателя слушалъ; злымъ людямъ вѣру давалъ и т. д., и т. д. Служилому сословію никакъ не могла нравиться такая практика царскаго самодержавія. Извѣстно, что и холопы всегда предпочитали добрыхъ господъ злымъ. Митрополитъ Діонисій счелъ себя нравственно обязаннымъ посовѣтовать Ѳедору Ивановичу быть добрымъ господиномъ. Иванъ Грозный далъ своимъ подданнымъ наглядный политическій урокъ, смыслъ котораго сводился къ тому, что иное дѣло неограниченный монархъ, хотя бы и въ восточномъ смыслѣ, а иное дѣло—жестокій тиранъ. Страшно дорогой цѣной заплативъ за этотъ урокъ, высшій слой служилаго сословія въ теченіе нѣкотораго времени находилъ нужнымъ напоминать новымъ царямъ о различіи между неограниченнымъ монархомъ и тираномъ. Нѣкоторые изъ царей давали ему даже росписки въ томъ, что ими усвоено это различіе²⁾. Но холопы добраго господина все-таки—холопы. Беря со своихъ царей «записи», служилые люди Московскаго государства нисколько не избавляли себя отъ холопской зависимости по отношенію къ нимъ. Вотъ почему

¹⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. II, стр. 540.

²⁾ «Язъ царь и великій князь Василей Ивановичъ Всеа Русіа, цѣлую крестъ всѣмъ православнымъ христіаномъ, что мѣ жалую судити истиннымъ праведнымъ судомъ, и безъ вины ни на кого опалы своей не власти, и недругомъ никому никого изъ неправдъ не подавати, и отъ всякаго насилства отбѣгати». При чтеніи этихъ строкъ изъ записи В. Шуйскаго можно подумать, что онъ цѣлкомъ вѣренъ изъ поученія митрополита Діонисія.

«записи» фактически ровно ничего не измѣняли даже въ судебныхъ дѣлахъ. И если мы предположимъ, что боярамъ удалось взять съ Михаила болѣе содержательное обязательство, то вѣдь отъ самого же Ключевского мы слышали, при какихъ обстоятельствахъ оно возникло. Плодъ тайныхъ интригъ, происходившихъ за кулисами избирательнаго земскаго собора, оно могло болѣе или менѣе долго вліять на ходъ государственнаго управленія, но отнюдь не измѣнило государственнаго строя. Московская Русь, несмотря на записи, осталась вотчинной монархіей, при чемъ распространеніе населенія все болѣе и болѣе упрочивало вотчинный характеръ верховной власти. Московскіе люди недаромъ говорили Маскѣвичу, что предпочитаютъ свое политическое безправіе польской вольности. Они чувствовали, что у нихъ не можетъ быть другого политическаго порядка, и находили отсутствіе вольности чѣмъ-то естественнымъ и чуть ли не благочестивымъ. Въ своемъ «Извѣстіи царю Василию Ивановичю всеа Россіи» старецъ Варлаамъ, рассказывая о своемъ путешествіи съ Григоріемъ Отрепьевымъ въ Литву, сообщаетъ, какъ они устроились въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, и какъ онъ жаловался на своего спутника, когда тотъ захотѣлъ снять съ себя иноческое платье. Печерскій архимандритъ Елисей и вся монастырская братія, выслушавъ его жалобу, отвѣтили ему: «Здѣсь де земля въ Литвѣ вольная; въ коей кто вѣрѣ хочетъ, въ той и пребываетъ». Они же почему-то, — можетъ быть, находя излишней его московскую ревность о Господѣ, — не позволили Варлааму долѣе оставаться въ монастырѣ, такъ что и онъ ушелъ въ Острогъ, куда направился Отрепьевъ. Тутъ имъ опять овладѣла забота о спасеніи души своего спутника, который началъ «учитися въ школѣ по-латынски и по-польски и люторской грамотѣ, и бысть отметникъ и законопреступникъ православныя сущія христіанскія вѣры». Позабывъ о томъ, что Литва «земля вольная», онъ опять отправился съ доносомъ — на этотъ разъ къ самому князю Василию Острожскому. Но и на этотъ разъ доносъ не произвелъ того дѣйствія, какого ждалъ отъ него, основываясь на своемъ московскомъ опытѣ, усердный старецъ. «И князь Василей и всѣ его дворовые люди говорили мнѣ: здѣсь де земля, какъ кто хочетъ, тотъ въ той вѣрѣ и пребываетъ. — Да князь же мнѣ говорилъ: сынъ де мой князь Янышъ родился во христіанской вѣрѣ, а держитъ Ляшескую вѣру, и мнѣ де его не унять» ¹⁾. Получая такого рода отвѣты, Варлаамъ никакъ не могъ сомнѣваться въ томъ, что существуютъ

¹⁾ Памятники древней письменности, относящіяся къ Смутному времени. (Русская истор. библиот., издаваемая Археограф. комиссіею, томъ XIII. Спб. 1891, стр. 19—22).

на свѣтъ болѣе или менѣе вольныя страны. Но нигдѣ не видно, чтобы, нимало не сомнѣваясь въ существованіи «вольныхъ» странъ, нашъ бывалый старецъ хоть на минуту остановился передъ вопросомъ о томъ, не слѣдуетъ ли прибавить «воли» московскимъ людямъ: иное дѣло «вольныя» страны, а иное дѣло московское государство; въ вольныхъ странахъ «въ коей кто вѣрѣ хочетъ, въ той и пребываетъ», а въ московскомъ государствѣ можно и должно принуждать людей ко спасенію своей души батожемъ, тюрьмой и тому подобными твердыми доводами и рѣшительными мѣрами. Въ «вольныхъ» странахъ каждый можетъ учиться даже «люторской грамотѣ», а въ Москвѣ этого нельзя дѣлать подѣ страхомъ обвиненія въ ереси. «Вольныя» страны Москвѣ не указъ!

Х.

Какъ низокъ былъ уровень политическихъ понятій въ населеніи Московскаго государства XVII-го вѣка, показываютъ тогдашніе политическіе процессы. Такіе процессы вызывались обыкновенно «непригожими словами» о государѣ, говорившимися «спроста ума своего», «хмельнымъ дѣломъ». Въ первые годы царствованія Михаила въ «непригожихъ словахъ» встрѣчается иногда, правда, крайне рѣдко, нѣчто похожее на кое-какое, — хотя и весьма элементарное, — политическое содержаніе, завѣщанное Смутой. Обыватели приглашаютъ выйти за благочестиваго государя Михаила Феодоровича, а онъ спрашиваетъ: «да не живъ ли еще царь Дмитрій Ивановичъ?» Его притѣсняють царскіе воеводы, а онъ, потерявъ терпѣніе, кричитъ: «такъ не поступали и литовскіе люди». Но потомъ въ нихъ постепенно пропадаетъ и это элементарнѣйшее политическое содержаніе. Человѣкъ обвиняется въ томъ, что онъ сказалъ: «Въ меня де такова жъ борода, что у государя». Почему этотъ бѣднякъ, которому, очевидно, грозятъ «нещадные батоги», вспомнилъ о государевой бородѣ? Стольникъ и воевода Н. С. Собакинъ въ своемъ донесеніи подробно разъясняетъ эту психологическую загадку. Допрошенный имъ боярскій сынъ Сергѣевъ показалъ: «Въ прошломъ де во 135-мъ (т. е. 1627. — Г. П.) году у Антошка Плотникова на бесѣдѣ я былъ и напився де пьянъ, тюремный сторожъ Сенька учалъ меня лаять и я де ему молю: мужикъ де, про что меня лаешь? бороду де тебѣ за то выдеру! И онъ де Сенька молю: не дери де моей бороды, мужикъ де я государевъ и борода де у меня государева. А опроче де я того про г. неподобнаго слова не слыхалъ». Это подтвердили и другіе свидѣтели ¹⁾. Выходитъ, что «воровство» Сеньки со-

¹⁾ Н. Новохберскій. Слово и дѣло государевы. Т. I. 1911. Стр. 49—50.

стояло не въ томъ, что онъ дерзостно сравнилъ свою бороду съ бородой московскаго государя, а только въ томъ, что онъ объявилъ ее царской собственностью. Это, какъ видите, не заключало въ себѣ ровно ничего опаснаго для московскаго политическаго порядка. Скажу больше. Тутъ и «воровства»-то никакого не было! Возвѣщая, хотя бы и «по пьяному дѣлу», о томъ, что онъ цѣликомъ, до бороды включительно, принадлежитъ государю, алополучный Сенька показалъ лишь ясное пониманіе социальной основы московской вотчинной монархіи и свою непоколебимую вѣрность этой основѣ. Вотъ другой примѣръ: «141 г. (т.е. 1633) ноября въ 6 д. колодникъ Петръ Резанцовъ... пришедъ въ съѣзжую избу, сказалъ: ноября же де въ 5 д. ввечеру пришедъ на караулъ десятникъ стрѣлецкій Иванко Распопинъ, и почелъ де меня вязать и лаять всякою неподобною лаею, и язъ де ему сталъ говорить: за что меня лаешь, язъ де буду на тебя г. бить челомъ! И тотъ де Иванко Распопинъ показалъ мнѣ перстъ и молилъ мнѣ: вотъ де тебѣ и съ государемъ»¹⁾. Конечно, показаніе перста было въ данномъ случаѣ жестомъ довольно непочтительнымъ. Но и оно не даетъ ни малѣйшаго повода думать, что политическія понятія Иванки Распопина чѣмъ-нибудь грозили московскому политическому порядку. Приведу еще два поучительныхъ случая. На Святой недѣлѣ 157 года (т.е. 1649) «сынчишко боярскій» Иванъ Пашковъ поругался съ дьячкомъ церкви свв. Аванасія и Кирилла, Нежданомъ. Онъ крикнулъ дьячку: «Чей де ты?» И дьячекъ ему сказалъ: «Я де государевъ, и Аванасія и Кирилла церковный дьячокъ». «А дьячекъ Ивану говорилъ: а ты де чей?» И Иванъ сказалъ: «Я де х. (олопъ) государевъ, нашъ де г. ц. и в. к. А. М. в. Р. (государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Россіи) выше Аванасія и Кирилла». И дьячекъ ему сказалъ: «Г. (осударь) де ц. (арь) Богъ земной, а Аванасію и Кириллу молится». Этотъ споръ свѣтской и духовной власти кончился дракой. Разобравъ дѣло, Москва съ полнымъ безпристрастіемъ постановила: сына боярскаго бить батоги нещадно—«пей брагу да такихъ словъ не говори», и дьячка бить потому жъ²⁾. Въ 148 (1640) году мещевскіе казаки Алпатовъ, Исаевъ, Филипповъ и Никифоровъ жаловались на посадскаго чело-

¹⁾ Тамъ же, стр. 78. Странно, что по этому дѣлу отъ царя пришла грамота, предписывавшая нещадно наказывать батогами не Иванку Распопина, а стрѣльца Федку Калачникова. Между тѣмъ, изъ дѣла видно, что этотъ послѣдній былъ за нѣкоторое время до того зарѣзанъ тѣмъ самымъ Петромъ Резанцовымъ, который донесъ на Распопина. Московскіе дьяки, писавшіе грамоту отъ имени царя, ошиблись—тоже, пожалуй, «хитлыми дѣломъ».

²⁾ Тамъ же, стр. 553—554.

вѣка Блестина. Они обвиняли его въ томъ, что онъ сказалъ такое «слово»: «глупъ де князь великій, что васъ казаковъ понтъ и кормить». Блестинъ признавалъ, что онъ выразился «негораздо», но сослался на слѣдующее смягчающее обстоятельство: «Въ хмелю и безъ хмелю ко мнѣ, сиротѣ, приступаешь, сбросжу съ ума, а вѣдома та моя болѣзнь всему городу Мещевску. «Москва приказала мещевскому воеводѣ бить больного Блестина «батоги нещадно, чтобъ, на то смотря, инымъ неповадно было такъ воровать» ¹⁾).

Интересно, что къ дѣламъ о подобномъ, совершенно безобидномъ, «воровствѣ» привлекались, главнымъ образомъ, низшіе слои населенія. Изъ служилыхъ людей «непригожія рѣчи» говорили «спроста ума своего» едва ли не исключительно «сынишки боярскіе». Врядъ ли возможно предположить, что стоявшіе выше ихъ слои служилаго класса рѣже занимались «пьянымъ дѣломъ». Можетъ быть, они отличались во хмелю большей сдержанностью или не любили доносить другъ на друга? Но, какъ бы тамъ ни было, политическіе процессы въ московскомъ государствѣ XVII вѣка отнюдь не свидѣтельствуютъ о томъ, что въ немъ существовали хотя бы зародыши сколько-нибудь серьезной политической оппозиціи.

XI.

Этотъ выводъ вполне подтверждается изученіемъ довольно многочисленныхъ литературныхъ памятниковъ, относящихся къ Смутному времени. Нечего и говорить, что авторы этихъ памятниковъ смотрятъ на историческія событія съ нравственно-религіозной точки зрѣнія и видятъ въ бѣдствіяхъ Смуты божье наказаніе за грѣхи. Въ «Повѣсти о нѣкоей брани, належащей на благочестивую Россію» говорится: «Самъ бо рече Господь: «егда падая, не встанетъ ли? Или отвращаяся не обратится?» И паки: «обратится ко Мнѣ и обращуся къ вамъ», глаголетъ Господь, наказуя насъ овогда голодомъ, овогда огненными запаленіи, овогда же безбожныхъ нахоженіи, и межиусобною бранію, и прочими таковыми, понеже бо согрѣшиха отъ главы и до ногу, сирѣчь, отъ великихъ и до нижайшихъ» ²⁾. Нѣкоторые другіе авторы объясняютъ печальныя событія Смутнаго времени преимущественно грѣхами отдѣльныхъ лицъ, напр., Бориса Годунова. Но въ общемъ всѣ они держатся того взгляда на исторію, о которомъ Огюстъ Контъ сказалъ бы, что онъ принадлежитъ къ теологической фазѣ

¹⁾ Тамъ же, стр. 498—499.

²⁾ Русская историческая бібліотека, т. XIII, стр. 250.

развитія мысли ¹⁾). Конечно, нравственно-религіозная точка зрѣнія нимаю не исключаетъ политическихъ симпатій или антипатій. Замѣтны такія симпатіи и антипатіи и въ сказаніяхъ о Смутномъ времени. Такъ, напримѣръ, одни изъ нихъ хвалятъ Шуйскаго, другіе не любятъ его. Различіе отношеній къ этому царю показываетъ, что одни изъ авторовъ сказаній сочувствовали боярскимъ тенденціямъ, между тѣмъ какъ другіе пропитаны были соціально-политическими стремленіями дворянства. Но трудно согласиться съ В. А. Келтуялой, который въ авторѣ одного изъ сказаній видитъ противника самодержавія. Этотъ уважаемый изслѣдователь совершенно правъ, говоря, что указанный имъ авторъ «стоитъ за царя Шуйскаго и нападаетъ на Бориса и Лжедмитрія» ²⁾. Но нападки на Бориса доказываютъ въ данномъ случаѣ только то, что авторъ сказанія не любилъ въ немъ продолжателя враждебной боярству соціальной политики Ивана Грознаго. Что же касается самодержавія, то не надо упускать изъ виду, что, говоря о Шуйскомъ, на сторонѣ котораго онъ стоитъ всецѣло, авторъ сказанія безъ всякихъ оговорокъ называетъ этого царя «всёа Русіи самодержцемъ» и утверждаетъ, что онъ пріялъ скипетръ въ свою десницу отъ всемогущаго Бога. При этомъ онъ сообщаетъ, что «справедный и благочестивый» Шуйскій былъ прежнихъ благовѣрныхъ царей «корене» ³⁾. На свое происхожденіе отъ корня прежнихъ царей заботливо указывалъ, какъ извѣстно, самъ Шуйскій. Но понятно, что онъ дѣлалъ это вовсе не съ цѣлью умаленія своихъ самодержавныхъ правъ. Нашему автору хорошо извѣстна «запись цѣловальная, по которой самъ царь цѣловалъ крестъ»: онъ включилъ ее въ свое сказаніе. Но если бы онъ видѣлъ въ ней документъ, ограничивавшій власть новаго царя, и если бы самъ онъ былъ противникомъ самодержавія, то онъ, конечно, отнесъ бы ее къ числу тѣхъ радостей, которыя, по его словамъ, Господь даровалъ православнымъ христіанамъ. Но онъ повѣствуетъ только о трехъ радостяхъ: 1) паденіе богомерзкаго богоотступника, еретика

¹⁾ М. Козловичъ замѣчаетъ, что уже самое названіе извѣстнаго сказанія Авраамія Палицына даетъ возможность понять воззрѣнія и пріемы автора («Исторія русскаго самосознанія», изд. 3, стр. 75). Это вѣрно. Вотъ какъ озаглавилъ Палицынъ свое сказаніе: «Исторія въ память сущимъ будущимъ родомъ, да позабѣна будутъ благодаренія, еже покаже намъ мати слова Божія, всегда отъ всеа твари благословенная приснодѣлаи Марія, и како соверши обѣщаніе къ преподобному Сергію яко неотступно буду отъ обители твои». — И имѣи всака возрастъ да разумѣетъ и всаки да приложитъ ухо слышати, иже ради грѣхъ попусти Господь Богъ намъ праведное свое наказаніе и естъ конецъ до конца всеа Росіи, и како всеа словенскій языкъ возмутися и вса мѣста по Росіи огнемъ и мечемъ поидены быша». (Русск. истор. б-ка, т. XIII, стр. 473).

²⁾ Русск. исторія русской литературы. Спб. 1911. Ч. I, кн. 2, стр. 730.

³⁾ Русская историческая библиотека, т. XIII, стр. 60 и 62.

Гришки Отрепьева; 2) дождь и теплота солнечная на всеплодіе; 3) перенесеніе мощей царевича Дмитрія изъ Углича въ Москву. Объ ограниченіи самодержавія пѣтъ и рѣчи. Наконецъ, характеризуетъ правленіе Шуйскаго, который называется у него истиннымъ пастыремъ, а не наемникомъ, авторъ говоритъ, что царь этотъ «и нынѣ соблюдаетъ истинную православную вѣру христіанскую, яко зѣницу ока, и управляетъ и наставляетъ всякаго на путь спасенія, дабы по отшествіи своемъ (т. е., по смерти. Г. П.) вси были наслѣдники породы жизненныя, а не ведутъ насъ въ погибель и, паки реку, совращаетъ съ пути погибельнаго». Вотъ и все. Авторъ въ восторгѣ отъ душеспасительной политики Шуйскаго. Онъ восклицаетъ: «и о семъ во всемъ слава Богу, сотворившему насъ. Аминь» ¹⁾. Но это свидѣтельствуетъ только объ его собственномъ благочестивомъ настроеніи, а не о томъ, что онъ былъ противникомъ самодержавія.

Въ политическомъ отношеніи, пожалуй, наиболѣе содержательнымъ изъ всѣхъ сказаній, насъ здѣсь интересующихъ, является «Временникъ» дьяка Ивана Тимофеева. Дьякъ этотъ, разумѣется, тоже стоитъ на религіозно-нравственной точкѣ зрѣнія. Но у него яснѣе, чѣмъ у другихъ, выходитъ, что подъ грѣхами, за которые наказалъ Богъ Московское государство, надо, въ сущности, разумѣть ошибки въ социально-политической области. Пока не было ошибокъ, все шло хорошо; а когда онѣ были сдѣланы, земля замутилась. Въ какомъ же именно видѣ представляется Тимофееву хороший ходъ дѣлъ, прекратившійся вслѣдствіе ошибокъ? Вотъ отвѣтъ, до послѣдней степени характерный для московскаго мышленія XVII вѣка.

«И якоже Адамови прежде преступленія ему дивіи вси быша самопокорни о всемъ, еще сему подобие во временахъ послѣднихъ и наша самодержавіи во своихъ державахъ обладаху нами всѣми, отъ вѣка рабы своими... къ нимъ же быхомъ отъ всѣхъ многъ вѣкъ доселѣ непрекословни, елико по писанію быти достойтъ ко своимъ владыкомъ рабомъ повинѣмъ... тако безотвѣтни быша къ нимъ, яко рыбы безгласни, всяко со тицаніемъ кротцѣ рабское иго ношахомъ, повинующеся имъ во страхѣ подобій, честь страха ради творяще вмагѣ, яко не равну зъ Богомъ».

Что же нарушило эту московскую идиллію? Потрудитесь прочесть.

«Восхотѣша бо обдержатели ушеса своя сладцѣ преклонити къ ложнымъ шепотнымъ глаголомъ,—яко же въ ветсѣмъ прабаба всѣхъ Евва змію любезнику подаде любезиѣ своя слуха, симъ вмагѣ и огорчися, абіе подъяше бо обще малжена бесчестное и съ

¹⁾ Русская нот. библ., т. XIII, стр. 60—64.

породы изгнаніе,—лиственный же недугъ и горкій плевець тернія, посреди всего царствія израстая, умножаешься и истинствующія пшеницы класы являя гревосхода. Языки бо своими убиваху люди, яко мечи, съ любленіемъ тѣхъ послушателей возношаху бо ся зѣло надъ правдою въ неивственныхъ своихъ похвалахъ державній же; и никакоже тѣхъ отщутіина, дондеже плодъ горести той пожаша и въ снопы связаша, якоже и въ хранилища имъ своя сихъ положить, тогда сихъ вкусу добрѣ уразумѣша»¹⁾).

Итакъ, московскіе люди были вѣрными рабами своихъ «обдержателей», пока тѣ оставались добрыми господами. Но постепенно господа начали утрачивать свою доброту. Они стали преклонять «ушеса» къ разнаго рода лъстецамъ и доносчикамъ. Доносчиками посѣбно было зло, породившее Смуту. Это опять—прекрасно знакомый намъ взглядъ московскихъ людей: существованіе рабства естественно и даже угодно Богу. Но плохо то, что рабовладѣльцы не всегда добры. Когда они становятся злыми, они нарушаютъ Божью волю, и тогда Богъ наказываетъ всю страну за грѣхи ея «обдержателей». Все это весьма просто.

Французскій дворянинъ Филиппъ По,—разсужденія котораго приведены были выше,—находитъ нужнымъ изложить своимъ товарищамъ-депутатамъ все, что было узнано имъ отъ великихъ людей и отъ мудрецовъ о власти Генеральныхъ Штатовъ. Для усвоенія взглядовъ, подобныхъ тому, который встрѣчаемъ мы въ сочиненіи московскаго дьяка Ивана Тимофеева, не было никакой надобности въ помощи мудрецовъ и великихъ людей. Московскія головы могли усваивать ихъ безъ малѣйшаго напряженія.

Заслуживаетъ вниманія взглядъ Тимофеева на то, какъ слѣдуетъ писать исторію. Онъ говоритъ, что о настоящихъ,—«первосущихъ»,—царяхъ не удобно «писанми износити неподобная, иже въ жизни си аще и безмѣстно что сотвориша и погрѣшино; но развѣ что добротнѣ къ сихъ славѣ, къ чести же и къ похвалѣ, се достояше уяшнати, единою сполагати въ писаніихъ будущимъ ревнителемъ въ память»²⁾. Осуждать «обдержателей» историкъ не долженъ потому, что ихъ дурныя дѣла судить «единъ Богъ». Правда, самъ Тимофеевъ не всегда придерживается этого рецепта. Да и крайне трудно держаться его, повѣствуя о подвигахъ Ивана IV Васильевича. Но все-таки рецептъ, придуманный московскимъ дьякомъ XVII вѣка, не безъ успѣха примѣнялся у насъ въ послѣдствіи и примѣняется донынѣ многими составителями учебниковъ по русской,—а иногда и не только по русской,—исторіи...

¹⁾ Тамъ же, стр. 261—262 и 262—263.

²⁾ Тамъ же, стр. 300.

ХП.

Изъ всего сказаннаго опять никакъ не слѣдуетъ, что населеніе Московскаго государства XVII вѣка было довольно своей печальной судьбой. Въ этомъ вѣкѣ его тяглые люди часто и сильно волновались. Но мы скоро увидимъ, что въ волненіяхъ своихъ они обнаруживали такую же политическую неразвитость, какъ и въ своихъ пьяныхъ спорахъ. Царскимъ холопамъ тоже, какъ извѣстно, немного радости давала ихъ вѣковѣчная и жестокая служебная лямка. Князь Иванъ Голицынъ сказалъ однажды польскимъ посламъ: «Русскимъ людямъ служить вмѣстѣ съ королевскими людьми нельзя ради ихъ прелести,—одно лѣто побываютъ съ ними на службѣ, и у насъ на другое лѣто не останется и половины лучшихъ русскихъ людей»¹⁾. Безъ сомнѣнія, князь выразился черезчуръ сильно. Невозможно предположить, чтобы московское дворянство такъ легко могло поддаться польскому соблазну. Но не спроста же говорилъ онъ. Повидимому, съ теченіемъ времени между служилыми людьми Московскаго государства дѣйствительно стала распространяться та мысль, что служба польскому королю много легче и пріятнѣе службы московскому государю. При всемъ томъ, они были слишкомъ безсильны въ социальномъ отношеніи и слишкомъ неразвиты въ политическомъ, чтобы задумываться о перенесеніи какихъ-нибудь западныхъ «вольностей» на московскую почву. Еще при Годуновѣ худародные служилые люди говорили: «Великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ». При новой династїи, обязанной своимъ возвышеніемъ преимущественно усиліямъ дворянства, принципъ этотъ окончательно восторжествовалъ въ государственномъ управленіи, и, конечно, не московскіе служилые люди могли бы возразить что-нибудь противъ него по существу. Какъ помѣстное сословіе, дворянство слишкомъ заинтересовано было въ неизбѣжности постепенно утвердившагося на московской почвѣ восточнаго абсолютизма.

По социальному и политическому положенію своему, боярство никогда не могло сочувствовать этому принципу. Оно долго сопротивлялось его практическому осуществленію. Но боярское сопротивленіе было пассивнымъ, и въ боярской средѣ Московскаго государства тоже никогда не цвѣла политическая мысль²⁾. При

¹⁾ Соловьевъ. *Исторія Россіи*, кн. II, стр. 1381.

²⁾ Даже у лучшихъ представителей этого круга, Вассіана Косого, Бориса Бельскаго, кн. Курбскаго, у Петра владимірской бесѣды, успѣвшихъ обдѣлать дома или изгнанныхъ изъ дѣлѣтъ этого круга, чего не думала и не видѣла изъ рядовъ

выборъ новой династїи высшій боярскій слой не рѣшился выставить открыто свои политическія притязанія, удовольствовавшись закулисной интригой. Плодомъ интриги была «запись» Миханла. Но «запись» осталась клочкомъ бумаги. Она не могла вернуть невозвратное. Когда Шакловитый уговаривалъ стрѣльцовъ просить царевну Софью вѣнчаться на царство, онъ, между прочимъ, сказалъ имъ, что не надо опасаться бояръ: «это зябловое, палое дерево»¹⁾. Однако, утративъ свое вліяніе, московское боярство еще не утратило охоты имѣть его. Въ царствованіе Федора Алексѣевича его высшіе представители попытались обезпечить себѣ вліятельное положеніе въ государствѣ посредствомъ новой закулисной интриги. «Палатные бояре» выработали проектъ, согласно которому въ Новгородѣ, Казани, Астрахани, Сибири и другихъ мѣстахъ учреждались «вѣчные» царскіе намѣстники изъ «великородныхъ бояръ» съ титуломъ этихъ областей. Проектъ сулить соотвѣтственное расширеніе власти и высшимъ представителямъ духовенства. Слабый Федоръ, одной ногой уже стоявшій въ гробу, «на сіе дѣло изволилъ». Однако, эта новая закулисная интрига разрушилась, столкнувшись съ другой закулисной интригой. Патріархъ Іоакимъ уговорилъ царя не исполнять обѣщанія, даннаго «палатскимъ подустителямъ», намѣренія которыхъ грозили, по его словамъ, ослабить «самодержавство» и разорить единовластіе²⁾. Московское духовенство не пошло на боярскую приманку: оно было одной изъ самыхъ надежныхъ опоръ самодержавной власти. Правда, патріархъ преувеличилъ опасность. При московскихъ условіяхъ «палатскіе подустители» не принесли бы серьезнаго вреда «самодержавству». То, что далъ бы имъ умиравшій Федоръ, безъ труда взялъ бы назадъ одинъ изъ его наследниковъ,—особенно такой энергичный, какъ Петръ. Но совершенно вѣрно то, что институтъ несмѣняемыхъ намѣстниковъ не согласимъ ни съ абсолютизмомъ вообще, ни съ тѣмъ его видомъ, который Боденъ называлъ вотчинной монархіей, а Олеарій обозначалъ словами: *monarchia dominica et despotica*. Борясь съ «палатскими подустителями», патріархъ Іоакимъ показалъ, что онъ умѣлъ дѣлать правильные выводы изъ данныхъ исторіей посылокъ. Но намъ уже извѣстно, что, неясное и непослѣ-

братія, едва брезжитъ по временамъ невнимательная и неустановившаяся мысль объ общемъ народномъ благѣ и государственномъ порядкѣ». Ключевскій. Боярская дума.—Над. 4-ое, стр. 305.

¹⁾ Приведу эти его слова. Ключевскій какъ нельзя болѣе кстати обращаетъ вниманіе своихъ читателей на то, что они были произнесены выслужившимся дьякомъ. Тамъ же, стр. 388.

²⁾ Соловьевъ. Исторія, т. III, стр. 880—881; ср. Ключевского. Курьезы русской исторіи, т. III, стр. 104.

довательное во всѣхъ другихъ случаяхъ, политическое мышленіе московскихъ людей становилось яснымъ и послѣдовательнымъ, когда оно направлялось на защиту безграничныхъ правъ верховной власти.

ХІІІ.

Ключевскій называлъ XVII вѣкъ эпохой народныхъ мятежей въ нашей исторіи. Мятежей, дѣйствительно, было тогда много, особенно въ царствованіе Алексѣя ¹⁾. Но что же узнаемъ мы изъ нихъ о политическомъ настроеніи народной массы? «Въ этихъ мятежахъ,—отвѣчаетъ только что цитированный мною историкъ,—рѣзко вскрылось отношеніе простого народа къ власти, которое тщательно закрапивалось официальнымъ цереміаломъ и церковнымъ поученіемъ; ни тѣни не то что благоговѣнія, а и простой вѣжливости и не только къ правительству, но и къ самому носителю верховной власти» ²⁾. Съ этимъ нельзя согласиться. Событія говорятъ не то.

Въ маѣ 1648 года московскій народъ, требуя выдачи Морозова и Траханытова, заявлялъ, что онъ не жалуется на царя, а только на людей, «ворующихъ» его именемъ. Когда, во время крестнаго хода, Алексѣй Михайловичъ со слезами на глазахъ уговаривалъ своихъ возмущившихся москвичей не настаивать на обѣщанной имъ выдачѣ Морозова, въ отвѣтъ ему раздались крики: «Да здравствуетъ государь на многія лѣта! да будетъ воля Божія и государева!» Означаютъ ли такіа заявленія и такіе крики, что жители Москвы не только не питали благоговѣнія къ носителю верховной власти, но просто были невѣжливы съ нимъ? Нисколько! И во всякомъ случаѣ, эти ихъ слова означаютъ, что они относились къ царю съ полнымъ довѣріемъ. Когда религіозный человѣкъ говоритъ: «да будетъ воля Божія и государева», это показываетъ, что въ его отношеніи къ государю присутствуетъ тотъ же элементъ благоговѣнія, съ которымъ онъ относится къ Богу. Даже на западной окраинѣ, во время волненій въ Новгородѣ и Псковѣ, не-

¹⁾ Въ 1648 году мятежи въ Москвѣ, Устюгѣ, Коломнѣ, Солнечногорскѣ, Тожмѣ и др. городахъ; въ 1649 г. приготовленія къ новому мятежу захладчиковъ въ Москвѣ, во время предупредительнаго; въ 1650 г. бунты въ Псковѣ и Новгородѣ; въ 1662 г. новый мятежъ въ Москвѣ изъ-за хлѣбныхъ денегъ; наконецъ, въ 1670—71 гг. огромный мятежъ Разина на поволжскомъ юго-востоцѣ, зародившійся среди донскаго казачества, но получившій чисто социальный характеръ, когда съ нимъ связано имя же возбуждавшее движеніе простонародія противъ высшихъ классовъ. (Ключевскій. Курсъ, т. III, стр. 308—309).

²⁾ Тамъ же, стр. 309.

довольные распоряженіями начальства посадскіе люди повторяли: «государь этого не знаетъ». Отсюда опять видно, что бунтовщики, — г и л е в щ и к и, какъ ихъ тогда называли, — довѣрчиво относились къ царю. Правда, потомъ въ ихъ средѣ скоро начали раздаваться иныя рѣчи. Они стали поговаривать: «государь объ насъ не радѣетъ». Но, энергично сопротивляясь распоряженіямъ царскихъ воеводъ, «гилевщичики» обѣщались «стоять всѣмъ заодно за государя». Они продолжали смотрѣть на него, какъ на воплощеніе всего государства¹⁾. Въ грамотѣ, тайно отправленной въ Москву и поданной боярину Н. И. Романову, псковичи предъявили московскому правительству чрезвычайно умѣренные требованія: они просили, чтобы впредь воеводы и дьяки судили съ земскими старостами и съ выборными людьми по правдѣ, а не по мздѣ и посуламъ, и чтобы псковичей избавили отъ обязанности ѣздить на судъ въ Москву²⁾.

Такимъ образомъ «бунташное время» выдвигаетъ передъ нами то же самое социально-психологическое явленіе, которое мы уже имѣли случай наблюдать, изучая состояніе мысли въ высшихъ классахъ московскаго государства. Недовольные добиваются не измѣненія соціально-политическаго устройства, а только новыхъ, менѣе тяжелыхъ для даннаго общественнаго класса или слоя, приемовъ государственнаго управленія. Историки объясняютъ обиліе народныхъ волненій въ царствованіе Алексѣя Михайловича тѣмъ, что Смутное время отучило московскій народъ отъ пассивнаго подчиненія власти. По всей вѣроятности, они правы. Но если они правы, то тѣмъ болѣе замѣчательнъ тотъ фактъ, что, даже отыкнувъ пассивно подчиняться властямъ, московскій народъ отнюдь не выдвигалъ такихъ требованій, которыя хоть немного шли бы вразрѣзъ съ основами «вотчинной монархіи».

XIV.

Нѣкоторые иностранные писатели называютъ Смутное время трагедіей (*tragedia moscovitica*). Называя его такъ, они врядъ ли вполне сознавали, до какой степени оно было удачно. «Великая

¹⁾ Въ Псковѣ, въ самый разгаръ „плача“, одинъ человекъ, побывавшій, по торговымъ дѣламъ въ одномъ изъ зарубежныхъ городовъ, рассказывалъ, что „тамъ на городскихъ воротахъ прибитъ листъ, на листу написана королева (шведская. — Г. П.), какъ живая сидитъ, съ мечомъ, а внизу подъ нею, наклонясь, стоитъ праведный государь Алексѣй Михайловичъ“. (Соловьевъ, тамъ же, стр. 1545). Этотъ листъ какъ будто долженъ былъ знаменовать собою нѣчто въ родѣ вассальной зависимости, грозившей Московскому государству возмездіемъ боярской „палатки“.

²⁾ Соловьевъ, тамъ же, стр. 1544.

разруха» преисполнена трагизма. Ея трагизмъ заключается въ томъ, что народъ, недовольство котораго вызвало страшное потрясеніе московскаго соціально-политическаго строя, по тогдашнимъ условіямъ не имѣлъ объективной возможности замѣнить этотъ строй какимъ-нибудь новымъ, менѣе обременительнымъ для него порядкомъ. Это отсутствіе объективной возможности устранить старый, для всѣхъ обременительный, порядокъ и нашло свое субъективное выраженіе въ томъ, что участники волненій не выдвигали какихъ-нибудь новыхъ соціально-политическихъ требованій. По выраженію Ключевскаго, они искали личныхъ льготъ, а не сословныхъ обезпеченій. Поэтому, когда служилый классъ, посадскіе люди и отчасти чернососные сѣверные крестьяне, выведенные изъ терпѣнія «литовскими людьми» и русскими «ворами», взялись за восстановленіе соціально-политическаго порядка, они восстановили,—и непременно должны были восстановить,—его въ старомъ видѣ, т.-е. въ томъ самомъ его видѣ, недовольство которымъ и вызвало Смуту. У тогдашнихъ московскихъ людей не было другого выхода. Этотъ трагизмъ безвыходности превосходно характеризуется слѣдующимъ «бытовымъ явленіемъ».

Правительство царя Михаила отравило нѣкоего Андрея Образцова для сбора податей на Бѣло-Озеро. Тамъ еще возобновлялись иногда набѣги литовскихъ людей. Подати поступали туго, за что Образцову былъ отъ имени царя посланъ выговоръ. Но онъ не признавалъ за собой никакой вины, такъ какъ находилъ, что имъ сдѣлано было все человѣчески-возможное въ борьбѣ съ недоймой.

«Я, государь,—писалъ онъ,—посадскимъ людямъ не норовилъ и сроковъ не даю; пока не было вѣстей о литовскихъ людяхъ, то я правилъ на нихъ твои государевы всякіе доходы нещадно, побивалъ на смерть; а теперь, государь, на посадскихъ людяхъ твоихъ денегъ править нельзя, въ томъ воленъ ты, государь; а я, холопъ твой, блюдая приходу Литовскихъ людей, безпрестанно днемъ и ночью стою съ посадскими людьми по острогу и разсылаю ихъ на сторожи» ¹⁾).

Посмотрите же. Когда приходятъ литовскіе грабители, посадскіе люди ополчаются на нихъ подъ предводительствомъ своего воеводы и усердно чинятъ надъ ними промыселъ «днемъ и ночью». Имъ иначе поступить нельзя: литовскіе грабители, подкрѣпляемые московскими «ворами», отнимаютъ у нихъ имущество и самую

¹⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. II, стр. 1322.

жизнь. А когда имъ удастся прогнать литовскихъ людей и усмирить московскихъ «воровъ», мѣстный воевода открываетъ засѣданіе въ приказной избѣ и отбираетъ у нихъ, для наполненія государственной казны, только что спасенное общими усиліями имущество. При этомъ онъ показываетъ такъ много усердія на царской службѣ, что, по его собственному признанію, побиваетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на смерть. Какъ быть? Возмутиться противъ слишкомъ старательнаго служилаго человѣка? Смута показала московскимъ людямъ, что въ концѣ-концовъ это вовсе не такъ трудно, какъ они думали въ доброе старое время. Но та же Смута привела ихъ къ тому печальному убѣжденію, что, прогоняя отъ себя царскихъ воеводъ, они очень сильно рисковали сдѣлаться жертвой еще болѣе безпощадныхъ грабителей. Изъ двухъ золъ они выбирали меньшее. Однако, выбравъ меньшее зло, они находили, что, въ абсолютномъ смыслѣ, оно все-таки очень велико. И они не ошибались: бюрократическое усердіе Андреевъ Образцовыхъ не могло дать имъ ничего хорошаго. Если объективныя условія лишали ихъ возможности побороть или хотя бы только уменьшить зло собственными силами, то имъ оставалось лишь искать помощи на сторонѣ. И они искали ее въ той же Москвѣ, откуда пріѣзжали къ нимъ Андреи Образцовы. Это можетъ показаться страннымъ; но это было такъ: они надѣялись, что о подвигахъ этихъ служилыхъ людей «государь не знаетъ». Тутъ они ошибались. Такъ, напримѣръ: Москва прекрасно освѣдомлена была о человѣкоубійственныхъ подвигахъ усерднаго воеводы Образцова. Но не подлежитъ сомнѣнію, что, закрѣпощая трудящуюся массу, правительство было заинтересовано въ устраненіи такихъ злоупотребленій, вслѣдствіе которыхъ она окончательно утратила бы способность нести свое тягло. Мѣры, которыя правительство принимало въ этомъ направленіи, рѣдко достигали своей цѣли. Однако, оно принимало ихъ и тѣмъ самымъ поддерживало въ народѣ ту отрадную для него мысль, что центральная власть заботится объ его благѣ.

Въ 1620 году изъ Москвы была разослана такая грамота:

«Извѣстились мы, что въ городахъ воеводы и приказные люди наши всякія дѣла дѣлають не по нашему указу, монастырямъ, служилымъ, посадскимъ, уѣзднымъ, проѣзжимъ всякимъ людямъ чинять насильства, убытки и продажи великіе, посулы, поминки и кормы берутъ многіе. Великій государь, посовѣтовавшись съ отцомъ своимъ, приговорилъ съ боярами: послать въ города къ воеводамъ и приказнымъ людямъ наши грамоты, чтобъ они насильства и продажъ не дѣлали, посуловъ, поминковъ и кормовъ не брали... а если въ которыхъ городахъ воеводы станутъ дѣлать не по нашему указу, и будутъ на нихъ челобитчики,

то мы велѣли взять на нихъ все вдвое; да имъ же быть отъ насъ въ великой опалѣ» ¹⁾).

Достаточно было тяглымъ людямъ данной мѣстности ознакомиться съ содержаніемъ хотя бы одной подобной грамоты, чтобы вопросъ: «совершается ли это по государеву указу?» возникалъ у нихъ каждый разъ, когда царскіе слуги дѣлали то или другое обременительное для народа распоряженіе. И исполнѣ естественно, что въ каждомъ такомъ случаѣ они склонны были думать, что ихъ притѣсняютъ вопреки государеву указу.

Ошибаются изслѣдователи, полагающіе, что московское правительство XVII вѣка совсѣмъ не заботилось объ участи крѣпостныхъ крестьянъ. Оно и здѣсь держалось своей обычной политики. Неуклонно расширяя права землевладѣльцевъ на крестьянскій трудъ, оно, по мѣрѣ возможности, заботилось о томъ, чтобы крестьянство не подвергалось полному разоренію. Котошихинъ категорически говоритъ, что когда боярамъ и инымъ чинамъ давались населенныя земли, имъ предписывалось не слишкомъ обременять своихъ новыхъ подданныхъ работой и поборами, «чтобъ тѣмъ мужиковъ своихъ изъ помѣстій и изъ вотчинъ не розогнать и въ нищѣ не привести». Владѣльцамъ, не считавшимся съ этимъ предписаніемъ, правительство грозило чувствительнымъ возмездіемъ. «И у такихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ,—предоужаетъ тотъ же писатель,—помѣстья ихъ и вотчины, которыя даны будутъ отъ царя, возмутъ назадъ на царя, а что онъ съ кого ималъ какихъ поборовъ черезъ силу и грабежемъ, и то на немъ велѣтъ взять и отдать тѣмъ крестьянамъ; а впредь тому человѣку, кто такъ учинитъ, помѣстья и вотчины не будутъ даны до вѣку». Это еще не все. Государство стремилось оградить отъ обнищанія не только помѣщичьи хъ крестьянъ. У Котошихина прямо сказано: «а будетъ кто учнетъ чинить такимъ же обычаемъ надъ своими вотчинными купленными мужиками: и у него тѣхъ крестьянъ возмутъ безденежно, и отдадутъ сродственникамъ его, добрымъ людямъ, безденежно жъ, а не такимъ разорителямъ» ²⁾. На основаніи этихъ интересныхъ свидѣтельствъ можно заключить, что какъ ни плохо было положеніе крестьянъ въ Московскомъ государствѣ XVII в., но власть надъ ними ихъ владѣльцевъ еще не имѣла той полноты, какой постепенно достигла она въ теченіе «просвѣщеннаго» XVIII столѣтія. Однако, здѣсь для насъ важна лишь социально-психологическая сторона вопроса. Совершенно ясно, что крестьяне не

¹⁾ Соловьевъ, тамъ же, стр. 1324.

²⁾ Котошихинъ, назв. соч., стр. 161.

могли не знать о существованіи предписаній, подобныхъ выше-приведенному. И не менѣе ясно, какъ именно должны были вліять подобныя предписанія на ихъ психологію. Неся тяжелое иго крѣпостной зависимости, крестьяне утѣшали себя той мыслью, что у нихъ есть въ Москвѣ защитникъ, который, въ случаѣ крайней нужды, уже теперь придетъ къ нимъ на помощь, а со временемъ, можетъ быть, и совсѣмъ освободитъ ихъ. Когда Посошковъ писалъ впоследствии, что помѣщики крестьянамъ не вѣковѣчные владычцы, онъ,—самъ принадлежавшій къ крестьянскому сословию,—выражалъ ту же мысль. Мы знаемъ, что она не выходила изъ крестьянскихъ головъ вплоть до 1861 года и даже пережила его, такъ какъ «воля», данная 19 февраля, казалась имъ не «настоящей».

XV.

Грамоты, выражавшія заботу московскаго правительства о положеніи тяглою массы, составлялись очень искусно. Бюрократія еще не научилась тогда говорить такимъ русскимъ языкомъ, который не больше понятенъ нашему народу, чѣмъ китайскій. «Пишемъ мы къ вамъ,—продолжаетъ грамота, цитированная мною выше,—милосердуя о васъ, чтобъ вы, Божіею милостію и нашимъ милостивымъ призрѣніемъ, жили въ покоѣ и тишинѣ, отъ великихъ бѣдъ и скорбей поразживались, тѣсноты бы вамъ, продажи и никакихъ другихъ налоговъ не чинилось, и во всемъ бы на наше царское милосердіе были надежны». Легко представить себѣ, какое впечатлѣніе производили на народъ подобныя обращенія къ нему центральнаго правительства. Они дѣлали непоколебимымъ то его убѣжденіе, что царскіе воеводы притѣсняютъ его безъ вѣдома государя.

Въ жалованныхъ грамотахъ городамъ говорилось, что царь велѣлъ приказнымъ своимъ людямъ оборонять ихъ отъ бояръ своихъ и отъ всякихъ людей. Конечно, посадскіе люди никакъ не могли повѣрить, что приказные захотятъ добросовѣстно охранять ихъ отъ боярскихъ притѣсненій: имъ слишкомъ хорошо были извѣстны нравы «красивнаго сѣмени». Но если хорошія распоряженія центральной власти не исполнялись благодаря приказнымъ, то народъ винилъ въ этомъ только приказныхъ и тѣмъ съ большимъ упованіемъ смотрѣлъ на своего «надежу-государя». Вотъ почему, возставая противъ царскихъ слугъ, тяглое населеніе московскаго государства отнюдь не было расположено возставать противъ царя. Это замѣтилъ еще Олеа-

рій ¹⁾. И это же, пожалуй еще лучше Олсари, замѣтили «воровскіе» казаки, тогдашніе специалисты по части бунтовъ. Сами они, дѣйствительно, имѣли мало благоговѣнія къ высшему представителю центральной власти. «Скажи воеводѣ,—говорилъ Стенька Разинъ служилому человѣку, явившемуся къ нему отъ астраханскаго воеводы,—скажи воеводѣ, что я его не боюсь, не боюсь и того, кто повыше его». И онъ же хвалился, что возьметъ Москву и сожжетъ всѣ бумаги «въ верху», т. е. въ государевомъ дворцѣ. Но тотъ же Разинъ, собираясь идти вверхъ по Волгѣ, объявлялъ, что онъ идетъ только противъ бояръ; царскими стрѣльцами его сподвижники говорили: «вы бьетесь за измѣнниковъ, а не за государя, а мы бьемся за государя». Въ войскѣ Разина былъ самозванецъ, Максимъ Осиповъ, выдававшій себя за царевича Алексѣя ²⁾. Отсюда видно, какъ представляли себѣ «воровскіе» казаки отношеніе тяглой массы къ государю.

Ключевскій говоритъ, что въ эпоху Смуты самозванство сдѣлалось стереотипной формой русскаго политическаго мышленія, въ которую отливалось всякое общественное недовольство ³⁾. Указанная тактика сподвижниковъ Разина убѣждаетъ насъ въ томъ, что самозванство не перестало быть такой формой и во второй половинѣ XVII вѣка. А какую роль сыграло оно въ слѣдующемъ столѣтіи, это мы всѣ знаемъ изъ исторіи Пугачевского бунта.

Но почему же русское политическое мышленіе отлилось въ форму самозванства? Именно потому, что оно было крайне мало развито. Тяглая масса Московскаго государства, подвергавшаяся притѣсненіямъ отъ царскихъ слугъ и временами возстававшая противъ нихъ, сохраняла вѣру въ царя, какъ въ своего естественнаго защитника. Впослѣдствіи этотъ взглядъ распространился по лицу русской земли далеко за предѣлы Великороссіи. Только широкимъ распространеніемъ объясняется извѣстная чигиринская попытка южно-русскихъ «бунтарей» Стефановича и Дейча, имѣвшая мѣсто во второй половинѣ семидесятихъ годовъ XIX вѣка ⁴⁾.

¹⁾ „Правда, русскіе, въ особенности изъ простонародья, въ работѣ своей и подъ тяжкими ярмомъ, изъ любви къ властителю своему, могутъ многое перенести и перетерпѣть, но если при этомъ мѣра оказывается преизощленною, то и про нихъ можно сказать: *patientia Saepellata fit tandem furor*... въ такихъ случаяхъ дѣло кончается опаснымъ натяженіемъ, при чемъ опасность обращается во столько противъ главы государства, сколько противъ низшихъ властей“. (Описание путешествія въ Московію, стр. 200—201).

²⁾ Соловьевъ. Исторія, изд. III, стр. 303—315.

³⁾ Курскъ, III, стр. 46—47.

⁴⁾ Летомъ 1683 года какой-то чернецъ Іосифъ распространялъ на Дону „воровскія“ письма, въ одномъ изъ которыхъ, писанномъ отъ имени царя Івана Алексѣевича,

Для центральной власти, старавшейся положить известные предѣлы аппетитамъ служилаго сословія, вопросъ былъ въ томъ, чтобы не слишкомъ уменьшалась та часть прибавочнаго труда тяглыхъ людей, которая непосредственно шла на удовлетвореніе государственныхъ потребностей. Въ этомъ отношеніи его интересъ сходилъ съ интересомъ трудящейся массы, нерѣдко и довольно настоятельно требовавшей, чтобы «все было государево». Это совершенно согласно со складомъ общественныхъ отношеній въ восточныхъ деспотіяхъ, гдѣ трудящейся массѣ, осужденной на безвыходную крѣпостную зависимость, въ лучшемъ случаѣ остается только выбирать между различными родами этой зависимости, и гдѣ онъ чаще всего предпочитаетъ зависимость отъ центральной власти. Но иногда борьба съ произволомъ служилыхъ людей наводила трудящуюся массу даже въ XVII в. на ту мысль, что самоуправленіе гораздо выгоднѣе для нея, нежели бюрократическая «волокига», и тогда обнаруживалось рѣзкое противорѣчіе между желаніемъ народа, съ одной стороны, и тенденціями восточной монархіи — съ другой. Какъ ни умѣренны были бунтовавшіе исковичи въ своихъ требованіяхъ, они получили рѣзкій отказъ отъ московскаго правительства. Алексѣй Михайловичъ отвѣчалъ имъ: «Холопи наши и сироты намъ великимъ государямъ никогда не указывали, и вамъ надо было бить челомъ до нынѣшняго смятенія, а самимъ не управляться». Тиняйшій царь имѣлъ свой, совершенно опредѣленный, взглядъ на вопросъ объ участіи народа въ управленіи государствомъ. «При предкахъ нашихъ никогда не бывало,—сказалъ онъ,—чтобъ мужики съ боярами, окольными и воеводами у расправныхъ дѣлъ были, и впередъ того не будетъ»¹⁾. С скромные исковскіе челобитчики, которымъ позволено было видѣть царскія очи, могли бы возразить, что даже самый грозный изъ «предковъ» Алексѣя Михайловича,—Иванъ IV Васильевичъ,—нашелъ нужнымъ дозволить «мужикамъ» быть у расправныхъ дѣлъ. Но со времени Ивана Грознаго много воды утекло подъ московскими мостами; вотчинная монархія ушла далеко впередъ въ процессъ развитія свойственныхъ ей социально-политическихъ отношеній. И то, что въ XVI вѣкѣ допущено было

говорилося, что онъ приказываетъ казакимъ идти въ Москву, такъ какъ бояре его не слушаютъ и не воздаютъ ему достойной чести, „и другія многія непристойныя слова которыхъ нельзя и сказать, да въ патриарха и въ архіереи написаны также многія непристойныя слова“ (Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. III, стр. 931). Народная психологія, подспазывая южно-русскихъ „бунтарямъ“ XIX вѣка ихъ пріемъ агитации съ помощью фальшивой грамоты отъ цари Александра II, была въ интересующемъ насъ отношеніи какъ двѣ капли воды похожа на ту, применявшуюся къ которой агитаторы XVII столѣтія сочиняли фальшивыя грамоты отъ царя Ивана V.

1) Соловьевъ. Исторія, кн. II, стр. 1544.

кровожаднымъ тираномъ, въ XVII—показалось недопустимымъ даже тишайшему «обдержателю»: такъ мало зависѣла объективная логика вещей отъ личныхъ свойствъ государей.

XVI.

По мнѣнію Ключевскаго, въ Москвѣ «общество не представляло безразличной массы, какъ въ восточныхъ деспотіяхъ, гдѣ равенство всѣхъ покоится на общемъ безправіи. Общество расчленено, дѣлится на классы, сложившіеся еще въ удѣльные вѣка»¹⁾. Но, вопреки этому мнѣнію, ни въ одной восточной деспотіи общество не представляло безразличной массы. Въ каждой изъ нихъ оно было болѣе или менѣе расчленено; въ каждой изъ нихъ оно дѣлилось на классы. И всѣ онѣ имѣли ту общую черту, что, несмотря на расчлененіе и дѣленіе, ихъ жители уравнивались между собой своимъ безправіемъ по отношенію къ государю: богдыхану, фараону, шаху, султану и т. п. И какъ разъ эта черта свойственна была Московскому государству. Неудивительно, что восточному складу его внутреннихъ отношеній соответствовали и свойственныя восточнымъ монархіямъ политическія понятія его населенія.

Говоря о «вѣжливости» въ народныхъ движеніяхъ,—какъ это дѣлаетъ Ключевскій,—полезно выяснитъ себѣ, что, собственно, надо понимать подъ нею. Спора нѣтъ, «невѣжливо» поступили московскіе «гилевщики» въ маѣ 1648 года, схватившіе за узду лошадь царя, желая добиться отъ него отставки Леонтія Плещеева. Такъ же мало «вѣжливости» проявили и тѣ волновавшіеся тяглые люди, которые, придя въ Коломенское въ іюлѣ 1662 года, помѣшали Алексѣю Михайловичу, праздновавшему рожденіе своей дочери, дослушать обѣдню и, держа его за пуговицы, требовали, чтобы онъ расправился съ измѣнниками. Наконецъ, верхомъ «невѣжливости» было то, что въ отвѣтъ на его обѣщанія они скептически спрашивали: «чему вѣрить?» и успокоились только тогда, когда заставили царя побожиться и ударить съ ними по рукамъ. Государевы спроты, вообще, не имѣли возможности усвоить себѣ по-тогдашнему вѣжливыя придворныя манеры царскихъ холоповъ. Но это не мѣшало имъ быть самыми горячими сторонниками и самыми рѣшительными защитниками неограниченной царской власти.

Кромѣ того, слѣдуетъ принять въ соображеніе еще вотъ что. Московскіе «гилевщики» вели себя въ XVII вѣкѣ такъ же, какъ

¹⁾ Курецъ, III, стр. 66.

и «гилевщики» XVI столѣтія. Въ апрѣлѣ, 1547 года они убили родного дядю царскаго, М. В. Глинскаго, а потомъ пошли къ молодому царю въ село Воробьево требовать, чтобы онъ выдалъ имъ свою бабу, княгиню Анну Глинскую, и ея сына, которыхъ онъ пряталъ у себя въ покояхъ. Тутъ тоже очень мало «вѣжливости». Достойно замѣчанія, что эта манифестація передъ царскимъ загороднымъ дворцомъ прекращена была такими же мѣрами, какія приняты были впоследствии противъ «гилевщиковъ», приходившихъ въ Коломенское къ царю Алексѣю: по распоряженію Ивана она была разогнана вооруженною силой. Разница только въ томъ, что коломенская манифестація обошлась народу дороже, нежели воробьевская. Но тѣ же самые «гилевщики», которые держали царя Алексѣя за пуговицы и говорили, что онъ еще глушь и смотритъ изъ рта бояръ, съ искреннѣйшимъ негодованіемъ возстали бы противъ служилаго класса, если бы услышали о какихъ-нибудь попыткахъ его ограничить самодержавіе. Служилый классъ прекрасно знаетъ это. Его холопски-«вѣжливое» отношеніе къ царямъ въ значительной степени подсказывалось ему этимъ настроеніемъ народа. И этимъ же настроеніемъ объясняется то замѣчательное явленіе, что боярскія попытки взять съ царей тѣ или другія «записи», въ дѣйствительности, ни къ чему не приводили. «Надобно читать принадлежащее горожанину Псковское сказаніе о Смутномъ времени и о царствованіи Михаила Федоровича,—говоритъ Соловьевъ,—чтобы узнать все нерасположеніе горожанъ къ поступку бояръ относительно записи, обезпечивавшей интересъ боярскій» ¹⁾. А между тѣмъ, именно, горожане-то и волновались, именно, они-то и показали себя «невѣжливыми» въ «бунташное время» конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ XVII вѣка.

Что касается «благоговѣнія», то извѣстно, что оно на разныхъ ступеняхъ культурнаго развитія принимаетъ разные виды. Такъ, оно не мѣшаетъ варварамъ очень «невѣжливо» обращаться со своими божками въ минуты раздраженія. Однако, изъ того, что раздраженный варваръ иногда сбѣчетъ своего божка, вовсе не слѣдуетъ, что онъ считаетъ себя способнымъ обходиться безъ его помощи. Напротивъ, раздраженіе варвара вызывается, именно, тѣмъ, что онъ не видитъ никакой возможности защититъ себя безъ помощи божка: побой имѣютъ цѣлью возбудить добрую волю этого послѣдняго.

«Бунташное» время нисколько не поколебало,—ни въ посадахъ, ни въ деревняхъ,—традиціоннаго отношенія московскаго

¹⁾ Тамъ же, кн. II, стр. 1298.

народа къ верховной власти. Чтобы поколебать его, недостаточно было распространявшихся между «гилевниками» слуховъ о томъ, что царь по своей слабости или неопытности мирволить служилымъ людямъ. Какъ увидимъ ниже, оно немного заколебалось подъ вліяніемъ раскола. Но очень немного. Въ сущности, оно и тогда совсѣмъ не намѣнило своей природы.

Трудищееся населеніе Франціи, возставая противъ ненавистнаго ему соляного налога, кричало: «Vive le roi sans gabelle! (да здравствуетъ король безъ соляной подати!)». Въ теченіе долгаго времени оно, страдая отъ нестерпимой парижской «валокиты» и возмущаясь ею, утѣшалось тѣмъ соображеніемъ, что «дурень не король, а его министры». И пока оно утѣшало себя такими соображеніями, могло, пожалуй, казаться, что во Франціи трудищійся людъ смотритъ на верховную власть тѣми же самыми глазами, какими онъ смотритъ на нее въ Московскомъ государствѣ. Дѣйствительно, и тутъ и тамъ его представление о ней складывалось изъ одинаковыхъ психологическихъ элементовъ. Но, вслѣдствіе уже извѣстныхъ намъ различій въ социальномъ составѣ и въ социально-политическомъ строеніи этихъ двухъ государствъ, одинаковые психологическіе элементы сочетались во Франціи и въ Московской Руси въ такія политическія представленія, которыя оставались различными даже тогда, когда, на первый взглядъ, казались одинаковыми. Излюбленные московскіе люди, сѣзжавшіеся на Земскій Соборъ, никогда не возвышались до того *distinguo*, которое такъ часто встрѣчается въ рѣчахъ депутатовъ французскихъ Генеральныхъ Штатовъ. Они не говорили, что иное дѣло усердный холопъ, а иное дѣло вѣрный подданный. Сообразно съ этимъ, и французской трудищейся массѣ было несравненно легче доразвиться до пониманія того, что когда дурны министры, то въ этомъ надо винить если не короля, какъ личность, то абсолютную монархію, какъ учрежденіе. На этотъ счетъ не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія событія конца XVIII вѣка.

Глава VII.

Поворотъ къ Западу.

I.

Въ теченіе столѣтія, слѣдовавшаго за Смутой, внутреннія отношенія Московскаго государства все болѣе и болѣе принимали тотъ характеръ, которымъ отличались великія деспотіи Востока. Такой ходъ развитія общественнаго бытія непременно долженъ былъ отразиться на ходѣ развитія общественнаго сознанія. И мы, въ самомъ дѣлѣ, убѣдились, что политическія понятія московскихъ людей того времени получили яркій восточный оттѣнокъ. Но въ теченіе того же времени совершался сначала весьма медленный, а затѣмъ все болѣе быстрый поворотъ Московскаго государства къ Западу ¹⁾. Этотъ поворотъ тоже не могъ не отразиться на ходѣ развитія русской общественной мысли. Извѣстно, что борьба противоположныхъ вліяній въ области умственнаго развитія данной страны всегда вноситъ въ эту область болѣе или менѣе значительный элементъ драматизма. Мы увидимъ сейчасъ, что исторія общественной мысли Московской Руси XVII вѣка не лишена этого элемента. Но для того, чтобы лучше выяснить себѣ общественно-историческія условія той борьбы двухъ противоположныхъ вліяній, которая совершалась въ умственной области, полезно будетъ еще разъ остановиться на вопросѣ о томъ, почему Московская Русь стала поворачивать къ Западу какъ разъ въ такое время, когда она, по характеру своихъ внутреннихъ отношеній, болѣе чѣмъ когда-нибудь сближалась и продолжала сближаться съ Востокомъ, т.-е. когда она, казалось бы, должна была все менѣе и менѣе интересоваться Западомъ.

Недавно этотъ важный вопросъ вновь былъ поднятъ,—хотя и въ иной формулировкѣ,—нашимъ извѣстнымъ историкомъ М. Н. Покровскимъ. Онъ утверждаетъ, что многіе изъ его предшественни-

¹⁾ „Русь трогалась съ востока на западъ“... (Соловьевъ. Исторія, кн. III, стр. 798).

ковъ держались неумѣстной въ данномъ случаѣ педагогической точки зрѣнія: «Россія начала учиться у Запада, потому что со-анала, наконецъ, пользу просвѣщенія. Русскіе стали ѣздить за границу (при этомъ всегда рассказывалось нѣсколько анекдотовъ, показывающихъ, какіе они тогда были смѣшные), иностранцы стали ѣздить въ Москву—такъ какъ рѣчь шла о просвѣщеніи, то изъ иностранцевъ на первый планъ выдвигались врачи, аптекаря, художники и техники всякаго рода; мало-по-малу началось «культурное взаимодействие», благополучно приведшее при Петрѣ къ тому, что московскіе дикари, сбривъ волосы, естественно росшіе у нихъ на подбородкѣ, увеличили запасъ волосъ на головѣ большой искусственной накладкой, въ видѣ кудряваго, волнистаго парика. Въ то же время они построили флотъ и завели сначала элементарныя школы, а потомъ и Академію наукъ, послѣ чего въ Россію стали пріѣзжать не только аптекаря и врачи, но и свѣтила европейской науки»¹⁾.

Заранѣе предупреждая тотъ упрекъ, что онъ вдается въ карикатуру, М. Н. Покровскій совѣтуетъ своимъ читателямъ заняться изученіемъ многочисленныхъ писаній покойнаго Брикнера, въ сочиненіяхъ котораго «обширный—и иногда очень цѣнный—фактический матеріалъ объединенъ, именно, съ этой точки зрѣнія». Онъ прибавляетъ, что даже Соловьевъ «не очень далеко ушелъ отъ этого наивнаго школярства».

Остановимся пока на этомъ предварительномъ критическомъ замѣчаніи М. Н. Покровскаго. Какъ слѣдуетъ назвать тотъ взглядъ, согласно которому одна страна начинаетъ учиться у другой по той простой причинѣ, что убѣждается въ пользѣ просвѣщенія? Это—типичный взглядъ просвѣтителей XVIII вѣка, взглядъ историческаго идеализма. Выходитъ, стало быть, что многіе писатели, изслѣдовавшіе вопросъ объ европеизаціи Россіи, были идеалистами. Это совершенно справедливо. Справедливо, въ частности, и замѣчаніе объ А. Брикнерѣ: онъ до конца дней своихъ держался идеалистической точки зрѣнія, и можно сказать, что у него она становилась подчасъ точкой зрѣнія «наивнаго школярства»²⁾. Впрочемъ, мы увидимъ, что, опи-

¹⁾ М. Н. Покровскій. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ. Томъ III, стр. 76—77.

²⁾ Вотъ, примѣръ. Брикнеръ совершенно правъ, когда говоритъ, что послѣ татарскаго нашествія русскія общественно-политическія отношенія стали принимать восточный характеръ («Orientalischer Charakter des Staats»). Однако, онъ совсѣмъ неправильно обозначаетъ это сближеніе словомъ «татаризація» («Tatarisierung»). Татары назывались у него «степными рыцарями» («Steppenritzer»), т.-е. покаями. Стало бы, если бы Россія «татаризовалась», то занятія жителей и ихъ взаимныя отношенія все

сывая ходъ европеизаціи Россіи, самъ Брикнеръ не всегда въ состояніи былъ оставаться послѣдовательнымъ идеалистомъ. Соловьевъ же,—часто тоже платившій обильную дань историческому идеализму,—именно, въ вопросѣ объ европеизаціи Россіи, вопреки мнѣнію М. Н. Покровскаго, очень далеко ушелъ отъ «наивнаго школярства» просвѣтителей.

Онъ писалъ: «Русскій народъ, послѣ осьмивѣкового движенія на Востокъ, круто началъ поворачивать на Западъ; поворота, новаго пути для народной жизни, требовало банкротство экономическое и нравственное»¹⁾. Уже эти строки недвусмысленно показываютъ, что наиболѣе глубокой причины поворота русскаго народа отъ Востока на Западъ Соловьевъ искалъ въ его экономическихъ нуждахъ. Стараться объяснить экономическими нуждами даннаго народа важнѣйшія,—поворотныя,—эпохи его исторіи не значитъ грѣшнить историческимъ идеализмомъ. Конечно, онъ указывалъ также и на нравственное банкротство Московскаго государства. Но вѣдь его невозможно отрицать. А, кромѣ того, замѣтьте, что «банкротство экономическое» отмѣчается Соловьевымъ прежде банкротства нравственнаго. Мы имѣемъ право заключить отсюда, что въ своемъ изслѣдованіи процесса европеизаціи Россіи онъ былъ близокъ къ тому пониманію исторіи, согласно которому не сознаніе опредѣляетъ собою бытіе, а бытіе опредѣляетъ собою сознаніе. По всей вѣроятности, онъ самъ не давалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, въ какой мѣрѣ приблизился онъ къ этому пониманію. Да и нѣтъ у насъ основанія думать, чтобы онъ былъ

богѣе и богѣе походилъ бы въ ней на тѣ, которыя свойственны кочевымъ народамъ. Между тѣмъ мы видимъ совсѣмъ другое. Правда, сѣверо-восточная Русь заимствовала у татаръ нѣкоторые слова и нѣкоторые обычаи. Но это заимствованіе осталось поверхностнымъ. Не быту покуда не уподобился внутренній бытъ возникнутаго государства, а быту болышихъ земледѣльческихъ деспотій Востока. Эти деспотіи тоже страдали отъ «степныхъ рыцарей» и тоже кое-что заимствовали у нихъ по части «культуры». Но несомнѣнно, что подъ вліяніемъ столкновень со «степными рыцарями» во всѣхъ восточныхъ деспотіяхъ все болѣе и болѣе развивались такіе социально-политическія отношенія, которыя все болѣе и болѣе удалялись отъ социально-политическихъ отношеній, свойственныхъ кочевникамъ. Брикнеръ не замѣтилъ этого обстоятельства, именно, потому, что хотя онъ и стремился объяснить историческій процессъ ходомъ развитія «культуры», но въ своемъ общемъ взглядѣ на движущую причину культурнаго развитія остался чистокровнымъ идеалистомъ. Онъ рассуждалъ такъ: татары были непродвѣнными народами; благодаря ихъ нашествію Русь стала менѣе просвѣщенной, чѣмъ была прежде. Значитъ, она «татаризовалась». Съ точки зрѣнія историческаго материализма, о которомъ Брикнеръ, повидимому, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, вліяніе кочевниковъ на ходъ развитія внутреннихъ отношеній у земледѣльческихъ народовъ представляется гораздо богѣе сложнымъ.

¹⁾ Исторія Россіи, кн. 3, стр. 803.

знакомъ съ теоріей историческаго матеріализма. Но все-таки несправедливо обвинять его въ идеализмъ тамъ, гдѣ онъ, хотя бы и бессознательно, покидалъ идеализмъ и приближался къ материалистической точкѣ зрѣнія.

II.

Правда, М. Н. Покровский самъ признаетъ, что скоро русскіе историки перестали довольствоваться уподобленіемъ Московской Руси гимназическому классу и увидѣли себя вынужденными «искать конкретных, осязательныхъ корней европеизма въ московской почвѣ». Но и эти поиски онъ считаетъ весьма неудачными. «Объективная необходимость переворота впервые была продемонстрирована, какъ необходимость, военно-финансовая. Россія должна была стать Европой потому, что иначе она не могла бы выдержать конкуренціи съ европейскими государствами: такъ можно вкратцѣ резюмировать новую схему. Внимательный читатель уже уловить, что въ этой схемѣ осталось отъ чичеринско-соловьевской метафизики. Заранѣе предполагалось, что Россія для чего-то должна существовать, что въ этомъ одна изъ цѣлей мірового процесса. Но пока планъ этого послѣдняго намъ не извѣстенъ, и есть даже большія основанія сомнѣваться въ самомъ существованіи этого плана, объясненіе виситъ въ воздухѣ. Оно напоминаетъ извѣстную тавтологію. Россія уцѣлѣла, потому что сумѣла стать Европой, а Европой она стала для того, чтобы уцѣлѣть: опіумъ усыпляетъ, потому что онъ обладаетъ усыпительной силой, а не будь въ немъ этой усыпительной силы, онъ не былъ бы опіумомъ»¹⁾.

Признаюсь, это разсужденіе почтеннаго ученаго кажется мнѣ мало убѣдительнымъ. Онъ вполне справедливо полагаетъ, что у насъ есть большія основанія сомнѣваться въ существованіи какого-то плана мірового процесса. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что «виситъ въ воздухѣ» объясненіе европеизаціи Россіи указаніемъ на военно-финансовую необходимость. Этого мало. Вовсе не тавтологія была той логической ошибкой, которая угрожала въ данномъ случаѣ историкамъ. Изъ того, какъ изображаетъ дѣло самъ М. Н. Покровский, очевидно, что имъ угрожало такъ называемый порочный кругъ (*circulus vitiosus*). Въ этой логической ошибкѣ—существенно отличной отъ тавтологіи—мы имѣли бы право упрекнуть ихъ, если бы разсуждали такъ: «Россія уцѣлѣла, потому что сумѣла стать Европой, а Европой она стала потому, что уцѣлѣла». Но вѣдь, по словамъ на-

¹⁾ Тамъ же, стр. 78.

шего автора, они рассуждали совсѣмъ иначе. Они говорили: «Россія уцѣлѣла, потому что сумѣла стать Европой, а Европой она стала для того, чтобы уцѣлѣть». Два предложенія, соединенныя здѣсь между собою частицей *а*, такъ же далеки, по своему содержанію, отъ порочнаго круга, какъ, напримѣръ, два слѣдующихъ: Джіованни уцѣлѣлъ, потому что покинулъ Мессину раньше землетрясенія, а покинулъ онъ ее для того, чтобы уцѣлѣть. Другими словами: Джіованни предвидѣлъ катастрофу и, опасаясь гибели, удалился изъ Мессины. Если я скажу такъ, то читатель будетъ имѣть право спросить меня: въ самомъ ли дѣлѣ Джіованни предвидѣлъ землетрясеніе? и могъ ли онъ предвидѣть его при данныхъ условіяхъ? Это будутъ *questiones facti*, рѣшеніе которыхъ потребуетъ подробнаго изученія предмета. Можетъ быть, изученіе обнаружитъ мою ошибку; можетъ быть, окажется, что Джіованни покинулъ Мессину съ другою цѣлью, и что, вообще, въ то время, когда онъ покидалъ ее, невозможно было предвидѣть катастрофу. Но если бы даже я и ошибся по отношенію къ факту, то читатель не имѣлъ бы ни малѣйшаго права сказать, что я погрѣшилъ противъ логики. Не погрѣшили противъ нея и тѣ историки, которые объясняли европеизацію Россіи военно-финансовой необходимостью. Здѣсь тоже можно поставить только вопросы о фактахъ: была ли налицо названная необходимость? И достаточно ли было ея наличности, чтобы Московская Русь повернула къ Западу?

Мы сейчасъ займемся этими вопросами. Но предварительно слѣдуетъ замѣтить еще вотъ что.

По словамъ М. Н. Покровскаго, Соловьевъ вмѣстѣ съ Чичеринымъ искалъ спасенія отъ «наивнаго школярства» въ «туманной метафизикѣ». И, безъ сомнѣнія, вдался бы въ «туманную метафизику» тотъ историкъ, который сказалъ бы, что существованіе Россіи составляетъ одну изъ цѣлей мірового процесса. Но Соловьевъ этого не говорилъ. Онъ указывалъ лишь на то, что Московская Русь усваивала западно-европейскую технику, желая отстоять свое существованіе. Въ этомъ я не вижу ни метафизики вообще, ни туманной метафизики въ особенности. Конечно, и тутъ возможно сомнѣніе насчетъ фактовъ. Можно спросить: точно ли находила Московская Русь нужнымъ отстаивать свое существованіе? Но этотъ вопросъ очень просто рѣшается, помимо общихъ соображеній, ссылкой на всѣмъ извѣстныя обстоятельства. Достаточно вспомнить эпоху Смуты, встати сказать, очень близкую къ тому времени, когда начался интересующій насъ здѣсь процессъ европеизаціи Россіи. Вотъ что писали, напримѣръ, ратные и земскіе люди Нижняго Новгорода въ грамотѣ къ другимъ городамъ:

«По Христову слову, встали многіе лжехристи, и въ ихъ прелести смялась вся Земля наша, встала междоусобная брань въ Россійскомъ государствѣ, и длится немалое время. Усмотря между нами такую рознь, хищники нашего спасенія, Польскіе и Литовскіе люди, умыслили Московское государство разорить, и Богъ ихъ злокозненному замыслу попустилъ совершиться. Видя такую ихъ неправду, всѣ города Московскаго государства, сославшись другъ съ другомъ, утвердились крестнымъ цѣлованіемъ—быть намъ всѣмъ православнымъ христіанамъ въ любви и соединеніи, прежняго междоусобія не начинать, Московское государство отъ враговъ очищать» и т. д. ¹⁾).

Люди, писавшіе и разсылавшіе эту грамоту, были, какъ видимъ, твердо убѣждены въ томъ, «что Россія для чего-то д о л ж н а существовать», какъ независимое государство. И нетрудно догадаться—для чего именно. Для того, чтобы ея жители,—т.-е., между прочимъ, тѣ самые, которые писали подобныя грамоты, разсылали ихъ или сочувственно внимали имъ,—не терпѣли притѣсненій отъ чужестранцевъ и не подвергались разоренію со стороны своихъ собственныхъ «воровъ». А разъ у нихъ было такое убѣжденіе, подсказанное какъ нельзя болѣе естественнымъ желаніемъ жить, то намъ нѣтъ ни малѣйшей надобности апеллировать къ «цѣлямъ мірового процесса»,—въ самомъ дѣлѣ, гораздо болѣе тѣмъ сомнительнымъ,—для того, чтобы выяснить значеніе военно-финансовой необходимости въ ходѣ культурнаго развитія Россіи. Всего вѣроятнѣе, что у огромнаго большинства московскихъ людей,—даже тѣхъ классовъ, успіями которыхъ было восстановлено Московское государство,—убѣжденіе въ необходимости существованія этого государства становилось яснымъ только въ исключительныхъ случаяхъ, а въ обыкновенное время оставалось за порогомъ сознанія. Но у меньшинства ихъ,—у тѣхъ, которые управляли страной,—указанное убѣжденіе не могло не быть яснымъ даже въ обыкновенное время: вѣдь ихъ дѣло заключалось, именно, въ томъ, чтобы бороться съ опасностями, извнѣ или изнутри грозившими государству.

III.

Мы знаемъ, что уже Иванъ III приглашалъ въ Россію иностранныхъ мастеровъ. Если бы мы сказали, что онъ поступалъ такъ изъ любви къ просвѣщенію, то мы сдѣлали бы ту методологическую ошибку, которую осмѣиваетъ М. Н. Покровскій. Но мы

¹⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. 2, стр. 1012.

такъ не скажемъ, потому что мы знаемъ отъ русскихъ историковъ, какими «конкретными, осязательными» пуждами вызвана была любовь великаго князя къ просвѣщенію. Благодаря русскимъ историкамъ, намъ извѣстно, напримѣръ, что сначала Иванъ III поручилъ постройку Успенскаго собора въ Москвѣ мѣстнымъ каменщикамъ, но тѣ оказались неискусными, и зданіе рухнуло, когда начали сводить своды. Тогда, по совѣту своей жены Софьи, великій князь обратился въ Венецію. Пріѣхавшій оттуда Аристотель Фіоравенти (или Фіораванти) удачно закончилъ постройку собора. Это ясно показываетъ намъ, что итальянскій мастеръ вызванъ былъ въ Москву не вслѣдствіе неопредѣленной любви ея жителей къ просвѣщенію, а вслѣдствіе того, что ея правители встрѣтились съ «конкретной, осязательной» потребностью. Впадали ли въ метафизику изслѣдователи, указывавшіе на такую потребность для объясненія того, что московскіе великіе князья стали обращаться къ иностранцамъ? Единственный возможный отвѣтъ гласитъ: въ этомъ случаѣ методъ ихъ былъ прямо противоположенъ метафизическому.

Далѣе. Фіоравенти не только построилъ Успенскій соборъ; онъ чеканилъ въ Москвѣ монету и лилъ пушки. Этой его дѣятельностью опять удовлетворялись такіе государственныя потребности, въ указаніи на которыя нѣтъ ровно ничего метафизическаго. Тутъ все какъ нельзя болѣе «конкретно» и «осязательно». Московскому государству нужны были каменные постройки и пушки; ему нужна была монета; наконецъ, его «обдержатели» испытывали по временамъ нужду въ медицинской помощи. И вотъ московское правительство вызываетъ изъ-за границы каменщиковъ «хитрыхъ»; лекарей «добрыхъ»; мастеровъ, умѣющихъ «къ городамъ приступать и изъ пушекъ стрѣлять», и т. п. Для обращенія къ иностраннымъ мастерамъ необходимо было только одно предварительное условіе: правительство должно было убѣдиться въ томъ, что заграничные мастера «хитрѣе», а лекаря «добрѣе» московскихъ. Въ этомъ же ему совсѣмъ нетрудно было убѣдиться; по этой части оно получало отъ жизни много наглядныхъ уроковъ, за которые оно особенно дорого платило въ случаяхъ, относившихся къ военному дѣлу. Въ царствованіе Грознаго Московская Русь одержала рядъ очень важныхъ побѣдъ на Востокъ и Юго-Востокъ. Но когда Иванъ IV обратился противъ своихъ западныхъ сосѣдей, онъ самъ оказался побѣжденнымъ. Трудно ли было ему понять, что его пораженія причинены были превосходствомъ западной военной техники надъ московской? Я этого не думаю.

Польскій король Сигизмундъ-Августъ писалъ англійской ко-

ролевъ Елизаветѣ: «Московский государь ежедневно увеличиваетъ свое могущество приобритеніемъ предметовъ, которые привозятся въ Нарву, ибо сюда привозятся не только товары, но и оружіе, до сихъ поръ ему неизвѣстное; привозятъ не только произведенія художествъ, но приѣзжаютъ и сами художники, посредствомъ которыхъ онъ приобриаетъ средства побѣждать всѣхъ. Вашему величеству не безизвѣстны силы этого врага и власть, какою онъ пользуется надъ своими подданными. До сихъ поръ мы могли побѣждать его только потому, что онъ былъ чуждъ образованности, не зналъ искусствъ. Но если нарвская навигація будетъ продолжаться, то что будетъ ему неизвѣстно?»

Скажемъ ли мы, что, питая и выражая подобныя опасенія, Сигизмундъ-Августъ вдавался въ «туманную метафизику»? Мы скажемъ наоборотъ: онъ показалъ себя сообразительнымъ практикомъ. Но мы прибавимъ, что по этой части московскіе государи не уступали ему въ сообразительности. Если онъ опасался, что, усвоивъ западную технику, они сдѣлаются слишкомъ могущественными, то они, съ своей стороны, поняли, что усвоеніе этой техники было необходимо для увеличенія степени ихъ могущества. Вотъ на это и указывали Соловьевъ и другіе историки того же направленія. И поскольку они указывали на это, они были какъ нельзя болѣе далеки отъ метафизики.

Что военная «необходимость» вызывала мысль о преобразованіяхъ еще до того времени, когда власть досталась Петру, это очень хорошо видно изъ наказа, даннаго кн. В. В. Голицыну въ царствованіе Федора Алексѣевича и приводимаго тѣмъ же Соловьевымъ: «Вѣдомо великому государю учинилось, что въ мимошедшихъ воинскихъ браняхъ, будучи на бояхъ съ государевыми ратными людьми, непріатели показали новыя въ ратныхъ дѣлахъ вымыслы, которыми желали чинить поиски надъ государевыми ратными людьми; для этихъ-то новомышленныхъ непріятельскихъ хитростей надобно сдѣлать въ государскихъ ратяхъ разсмотрѣніе и лучшее устроеніе, чтобы имѣть имъ въ воинскія времена противъ непріателей пристойную осторожность и охраненіе, и чтобъ прежде бывшее воинское устроеніе, которое показалось на бояхъ неприбыльно, перемѣнить на лучшее, а которыя и прежняго устроенія дѣла на бояхъ съ непріателями имѣются пристойны,—и тѣмъ быть безъ перемѣны». ¹⁾

Въ то время, когда былъ писанъ этотъ наказъ, московскіе люди должны были хорошо знать, что, собственно, западные «непріатели» могли научить ихъ чему-нибудь новому въ дѣлѣ

¹⁾ Исторія Россіи, кн. 3, стр. 876.

войны. И они внимательно смотрѣли на Западъ. Но вотъ обстоятельства привели ихъ въ столкновение съ Китаемъ, и въ октябрѣ 1687-го года окольникій Ѳ. Головинъ, ведшій съ китайцами переговоры объ Албазинѣ, получилъ, между прочимъ, такое приказаніе: «Развѣдать подлинно и разсмотрѣть, каковы китайскіе люди къ войнѣ, какой у нихъ бой, въ какомъ числѣ, какимъ ополченіемъ и строемъ ходятъ, и воинскіе промыслы чинятъ полевыми ль боями или водяными путями или приступами и осадами городовъ и крѣпостей, и къ чему больше охочи и привычны, и на какой народъ въ воинскихъ поведеніяхъ похожи» ¹⁾. Едва ли возможно было внимательнѣе относиться къ тогдашней «военной необходимости».

Въ виду несомнѣннаго значенія военной «необходимости», какъ источника преобразованій Московской Руси, приобретаешь огромную научную цѣнность та мысль Ключевского, что реформа Петра, по своему первоначальному замыслу, направлялась, собственно, къ перестройкѣ военныхъ силъ и къ расширенію финансовыхъ средствъ государства и лишь постепенно расширила свою программу, при чемъ «взбаломутила всю застоявшуюся плѣсень русской жизни, взволновала всѣ классы общества» ²⁾. При яркомъ свѣтѣ этой мысли становится очевиднымъ, что Петровская реформа, съ точки зрѣнія историческаго идеализма, представлявшаяся чрезвычайно счастливой случайностью, отъ начала до конца направлялась объективной логикой социальнo-политической жизни. Съ «метафизикой» эта мысль не имѣетъ ничего общаго.

IV.

Въ грамотѣ, данной извѣстному Адаму Олеарію въ 1639-мъ году отъ имени царя Михаила, мы читаемъ: «Вѣдомо намъ учинилось, что ты гораздо наученъ и навыченъ въ астроломіи, и географусъ, и небеснаго бѣгу, и землемѣрію и инымъ многихъ надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ: а намъ, великому государю, таковъ мастеръ годенъ». Если принять въ соображеніе, что уже за два года до этого официальнаго призванія важности наукъ «астроломіи» и «географусъ», по указу того же государя, было переведено съ латинскаго сочиненіе по космографіи, то у насъ какъ будто получится доводъ въ пользу того мнѣнія, что московскіе правители вызывали западныхъ мастеровъ, повинуюсь отвлеченной любви къ просвѣщенію. Однако, на самомъ дѣлѣ это было

¹⁾ Соловьевъ. Исторія, кн. 3, стр. 1029.

²⁾ Курскъ русской исторіи, ч. IV, стр. 291—292.

не такъ. Иностранныхъ мастеровъ вызывали потому, что они были «годны» великимъ государямъ для удовлетворенія извѣстныхъ практическихъ нуждъ; а когда ближе познакомились съ ними, то стали соображать, что они «хитрые» московскихъ потому, что обладаютъ извѣстными научными свѣдѣніями. Соображали это московскіе «обдержатели» крайне медленно, туго, да и о наукахъ имѣли такое темное представленіе, что сильно искажали ихъ названія. Но все-таки кое-какъ соображали, и потому начинали поговаривать объ «астроломіи» и заставляли переводить космографію. Отсюда еще очень далеко было до принятія серьезныхъ мѣръ для распространенія въ Московскомъ государствѣ естественно-научныхъ познаній¹⁾. Но это намъ сейчасъ неинтересно. Здѣсь для насъ,—какъ и въ соображеніяхъ Ключевскаго о реформѣ Петра Великаго,—важно указаніе на то, что не сознаніе опредѣлило собою бытіе, а бытіе опредѣлило собою сознаніе: извѣстныя «конкретныя» нужды заставили московскихъ правителей обратиться къ иностраннымъ мастерамъ, а болѣе близкое знакомство съ этими послѣдними убѣдило,—если убѣдило,—ихъ, что Московскому государству нужны также и теоретическія свѣдѣнія. Этимъ указаніемъ мы обязаны такимъ исследователямъ, какъ Соловьевъ. Зачѣмъ же попрекать ихъ «метафизикой» тамъ, гдѣ они поворачиваются къ ней спиной?

А если ужъ попрекать «метафизикой» за указаніе на военно-финансовую необходимость, то слѣдуетъ направить этотъ упрекъ также по адресу, по крайней мѣрѣ, одного изъ двухъ основоположниковъ историческаго матеріализма, именно Фридриха Энгельса. Вотъ что говорилъ онъ о вліяніи Крымской войны на внутреннюю жизнь нашего отечества:

«Война доказала, что Россія, даже съ чисто военной точки зрѣнія, нуждается въ желѣзныхъ дорогахъ и крупной промышленности. Правительство принялось поэтому заботиться о размноженіи класса капиталистовъ... Новая крупная буржуазія старательно выращивалась въ тепличной атмосферѣ желѣзнодорожныхъ привилегій, покровительственнаго тарифа и всякихъ другихъ преимуществъ. Всѣмъ этимъ какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, была произведена политѣйшая социальная революція, при которой не могло замереть разъ начавшееся умственное движеніе. Появленіе молодой буржуазіи отразилось въ либерально-

¹⁾ При Михаилѣ было официально признано, что великому государю „годенъ“ мастеръ, знакомый съ „астроломіей“. А на Стоглавомъ соборѣ царь отвѣтъ „астроломію“ въ числу „составовъ и мудростей еретическихъ“. Московская Обломовка все-таки шла впередъ, хотя и крайне медленно.

конституціонномъ движеніи; возникновеніе пролетаріата—въ движеніи, обыкновенно называемомъ нигилизмомъ».

Энгельсъ употребляетъ здѣсь какъ разъ тотъ методологическій приѣмъ, которымъ пользовались Соловьевъ, Ключевскій и другіе русскіе изслѣдователи, стараясь найти социологическое объясненіе реформы Петра I.

Историческій процессъ несравненно лучше объясняется матеріализмомъ, нежели идеализмомъ. Чтобы выразиться точнѣе, надо сказать, что научное объясненіе историческаго процесса становится возможнымъ только тогда, когда изслѣдователи сознательно или безсознательно переходятъ на почву матеріализма. Однако, поле зрѣнія историческаго матеріалиста не ограничивается одной экономикой. Въ него не только входитъ, но непременно должна входить вся та «надстройка», которая, возникая на экономической основѣ, всегда имѣетъ болѣе или менѣе сильное обратное вліяніе на нее. Если бы матеріалистъ не захотѣлъ принимать во вниманіе это обратное вліяніе, то онъ тѣмъ самымъ измѣнилъ бы своему собственному методу: устранить изъ своего поля зрѣнія «надстройку» вовсе не значитъ объяснить ея происхожденіе изъ экономической основы и ея обратное воздѣйствіе на эту послѣднюю.

V.

Намъ неизвѣстны такія цивилизованныя общества, которыя не приходили бы въ соприкосновеніе со своими сосѣдями. Для каждаго такого общества существуетъ извѣстная историческая среда, неизбѣжно вліяющая на его развитіе. И для каждаго общества среда эта различна. Этимъ вносится элементъ разнообразія въ ходъ историческаго движенія. И этимъ въ значительной степени объясняется то, что нѣтъ и не можетъ быть двухъ обществъ, процессъ развитія которыхъ былъ бы совершенно одинаковъ. Воздѣйствіе одного общества на другое,—«взаимодѣйствіе» между ними,—не выдумка «туманныхъ метафизиковъ», а простой историческій фактъ. Для социолога вопросъ заключается не въ томъ, существуетъ ли оно,—это стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія,—а въ томъ, по какимъ путямъ оно, прежде всего, направляется. Послѣдовательные идеалисты, считавшіе «миѣніе» главной движущей силой общественнаго развитія, были по-своему совершенно правы, думая, что одно общество воздѣйствуетъ на другое, прежде всего, посредствомъ своихъ идей («просвѣщенія»). Послѣдовательные матеріалисты нисколько не отрицаютъ идейнаго взаимодѣйствія между народами. Но, по ихъ научному убѣжденію, путь для него подготовляется тѣми международными сношеніями, которыя обусловлива-

ются матеріальными нуждами народовъ. Матеріальныя нужды побуждаютъ ихъ ко взаимному обмѣну продуктовъ своей хозяйственной дѣятельности. Этіологія показываетъ, что такой обмѣнъ возникаетъ уже на очень низкихъ стадіяхъ хозяйственнаго развитія. Но, кромѣ о б м ѣ н а, — который самъ въ теченіе нѣкотораго времени весьма нерѣдко сливается съ разбоемъ, — матеріальныя нужды вызываютъ военныя столкновенія между обществами (племенами, городами, народами) ¹⁾. Этими столкновеніями со временемъ порождается извѣстная военная организація. Ея характеръ зависитъ отъ степени экономическаго развитія, достигнутой даннымъ обществомъ. Разъ возникнувъ, она отълекаетъ ту или другую долю общественнаго труда отъ его первоначальнаго назначенія: производства продуктовъ для непосредственнаго удовлетворенія потребностей членовъ общества, а также для производства средствъ производства. Если данное общество вступаетъ въ соприкосновеніе съ народами, стоящими на болѣе высокой ступени экономическаго развитія и потому обладающими болѣе совершенной военной техникой, то, подъ страхомъ окончательнаго пораженія и потери независимости, ему приходится усваивать себѣ эту болѣе совершенную военную технику. Возможность подобнаго усвоенія, а также болѣе или менѣе своеобразный ходъ и быстрота его процесса опредѣляются экономикой отсталаго общества и выросшими на ея основѣ социально-политическими отношеніями. Но болѣе совершенная военная техника возникаетъ на болѣе высокой ступени экономическаго развитія. Поэтому, если усвоеніе имѣетъ мѣсто, то политическіе представители отсталой страны видятъ себя вынужденными позаботиться о насажденіи въ ней такихъ производствъ и о введеніи такихъ учреждений, въ которыхъ она вовсе не имѣла бы нужды или имѣла бы значительно меньшую нужду при другой исторической обстановкѣ. Иначе сказать, экономическая политика отсталаго государства не получила бы такого вида, не будь у него сосѣдей, обладающихъ, вслѣдствіе болѣе высокаго экономическаго развитія, болѣе могучей военной техникой. Правители начинаютъ заводить фабрики, принимаютъ мѣры для развитія торговли и ремеслъ, словомъ, спо-

¹⁾ Хотите ли Вы со своими сосѣдями? — спросилъ однажды Стэнли представителей одного изъ племенъ экваторіальной Африки. — „Нѣтъ“, отвѣчали ему: „но иногда наши ребята идутъ на охоту къ сосѣдній дѣсь. Иногда наши сосѣди заходятъ въ нашу. И тогда мы деремся, пока не побѣдимъ они, или не побѣдимъ мы. (Stanley. Dans les Ténébres de l'Afrique. Paris 1890, t. 2, p. 91). „Bei африканскія войны преследуютъ одну изъ двухъ цѣлей: похищеніе скота или захватъ плѣнниковъ“ (Burton. Voyage aux grands lacs de l'Afrique Orientale. Paris 1862, p. 666). Плѣнники работаютъ на своихъ повелителей на качествѣ рабовъ или продаются.

собствуютъ росту производительныхъ силъ страны. Такимъ образомъ военная потребность данного общества, выросшая на данной экономической основѣ, при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ оказываетъ значительно увеличенное вліяніе на дальнѣйшее развитіе названной основы. Это хорошо видно уже на примѣрѣ нѣкоторыхъ западныхъ государствъ. Потерпѣвъ жестокаго пораженія въ борьбѣ съ Франціей, которую обновила революціонная буря, правительство Пруссіи предприняло цѣлый рядъ реформъ, много содѣйствовавшихъ дальнѣйшему экономическому развитію этой страны. И то же самое, только въ гораздо болѣе степеніи, видно на примѣрѣ Московской Руси ¹⁾.

Въ подобныхъ случаяхъ правительство отсталой страны неизбежно играетъ болѣе или менѣе прогрессивную роль, и эта его роль обезпечиваетъ ему на извѣстное время сочувствіе передовыхъ умовъ его страны. Только прогрессивнымъ значеніемъ Петровской реформы объясняется восторженный взглядъ Бѣлинскаго на Петра, какъ на «божество», воззавшее насъ къ жизни. Разладъ между передовыми умами отсталой страны и ея правительствомъ начинается лишь послѣ того,—и иногда довольно долго послѣ того,—какъ это послѣднее окончательно отказывается отъ прогрессивной роли. Цѣлый періодъ въ исторіи русской общественной мысли останется непонятнымъ для насъ, если мы не отдадимъ себѣ отчета въ этой діалектикѣ исторіи.

М. Н. Покровский недоволенъ тѣмъ, что историки, указывавшіе на военно-финансовую необходимость, какъ на причину Петровской реформы, не обратили надлежащаго вниманія на состояніе народнаго хозяйства въ Москвѣ XVII вѣка. Этотъ упрекъ далеко не лишенъ основанія. Надо признать, что до сихъ поръ русскіе, да и не одни русскіе, историки недостаточно внимательно изучали развитіе экономическихъ отношеній. До сихъ поръ въ ихъ разсужденіяхъ слишкомъ часто обнаруживается достойный край-

¹⁾ „Петръ нуждался въ деньгахъ и долженъ былъ изыскивать новые источники государственныхъ доходовъ. Забота о поновленіи государственной казны постояннымъ бременемъ лежала на немъ и привела Петра къ той мысли, что поднять финансы страны возможно только путемъ коренныхъ улучшеній народнаго хозяйства. Путь къ такимъ улучшеніямъ Петръ видѣлъ въ развитіи національной промышленности и торговли. Къ развитію торговли и промышленности онъ и направлялъ всю свою экономическую политику“. (Лекціи по русской исторіи С. Ф. Платонова, стр. 488). Кстати, М. Н. Покровский приписываетъ историческимъ идеалистамъ то изображеніе, что „такъ какъ рѣчь шла о просвѣщеніи, то изъ иностранцевъ на первый планъ выдвигались врачи, аптекари, художники и техники всякаго рода“ (*курсье мой*). Это „такъ какъ... то“ меня удивляетъ. Историческимъ идеализмомъ выдвигается на первый планъ не техника, не медицина, не аптека, а „мишье“ людей, т.-е. изъ общее міросозерцаніе. Аптека и техника очень сильно отдаютъ матеріализмомъ.

ного сожалѣнія недостатку точныхъ политико-экономическихъ знаній. М. Н. Покровский безусловно правъ, полагая, что нельзя понять Петровскую реформу, не ознакомившись предварительно съ экономикой Московскаго государства XVII столѣтія. Но и самъ онъ врядъ ли вполне точно характеризуетъ это состояніе. Вотъ примѣръ.

Онъ пишетъ: «Первые цари дома Романовыхъ монополизировали въ своихъ рукахъ, въ сущности, все наиболѣе цѣнные предметы сбыта. «Царь—первый купецъ въ своемъ государствѣ», говоритъ долго прожившій въ Россіи Коллинсъ. Перечень царскихъ монополій даетъ намъ любопытную картину концентрации русскаго вывоза, создавшей почву, на которой вырасталъ туземный торговый капитализмъ» ¹⁾. Картина эта, въ самомъ дѣлѣ, очень любопытна. Но она отнюдь не свидѣтельствуетъ о цвѣтущемъ состояніи московскаго «торговаго капитализма». То обстоятельство, что царь былъ первымъ купцомъ въ своемъ государствѣ, указываетъ на низкую степень экономического развитія страны и на близость ея общественныхъ отношеній къ общественнымъ отношеніямъ восточныхъ деспотій ²⁾. Въ древнемъ Египтѣ первымъ купцомъ тоже являлся глава государства. Экономическая неразвитость Московской Руси XVII вѣка недостаточно отгѣнена М. Н. Покровскимъ ³⁾. Онъ правъ говоря, что «торговый капитализмъ XVII вѣка имѣлъ громадное вліяніе и на внѣшнюю и на внутреннюю политику Московскаго государства» ⁴⁾. Но онъ

¹⁾ Покровский. Русская Исторія, т. III, стр. 91.

²⁾ Экономическая отсталость Московскаго государства, ставившая русскихъ торговцевъ въ весьма невыгодное отношеніе къ иностранцамъ, обусловила собою, какъ мы это увидимъ ниже, упрощеніе націоналистическаго отгѣнка во взглядахъ московскаго торговаго сословія.

³⁾ Онъ самъ справедливо замѣчаетъ, что изъ этого случая еще ничего не доказываетъ приводимое г. Туфаномъ-Барановскимъ замѣчаніе Кильбургера о любви всего русскаго, отъ высшихъ до низшихъ, къ торговлѣ. (Тамъ же, стр. 79). Онъ могъ бы прибавить, что, по свидѣтельству иностранныхъ путешественниковъ, китайскіе горожане всегда очень любили торговлю. «Они — настояще, дѣйствительные, приобщенные торговцы», говоритъ о нихъ Эрцбискупъ Кольххоузенъ: «во всемъ обстоительствѣ жизни, — даже въ такихъ, которыми менѣе всего относятся къ торговлѣ — они, если можно такъ выразиться, думаютъ на деньги»... (цитировано у Элизе и Онеанжа Ренжо: *L'Empire du Milieu*, стр. 520 — 521). Навѣрно, однако, что страсть къ торговлѣ не помѣшала китайцамъ далеко отстать отъ Западной Европы по части «торговаго капитализма». Кильбургеръ утверждалъ, что московскія законы были въ большинствѣ случаевъ тѣмъ малы и узки, что продавцы съ трудомъ поворачивались въ нихъ. Такое же было до послѣдняго времени и большинство законовъ къ страстно любящей торговлю Китаю. Какъ ясно доказываетъ сама по себѣ «любовь къ торговлѣ», видно изъ того, что ею отличаются нѣкоторыя африканскія племена, едва достигшія средней ступени варварства.

⁴⁾ Покровский. Тамъ же, III, стр. 101.

вряд ли обратилъ достаточное вниманіе на тѣ социальна-политическія отношенія, при которыхъ имѣло мѣсто это вліяніе ¹⁾. И только потому, что онъ не обратилъ на нихъ достаточнаго вниманія, онъ увидѣлъ нѣчто «метафизическое» въ извѣстномъ уже намъ указаніи на финансовую необходимость. На самомъ дѣлѣ совершенно понятно, что эта необходимость сыграла огромную роль въ дальнѣйшемъ развитіи той страны, въ которой государь былъ первымъ купцомъ. Царскія монополіи сами служили средствомъ удовлетворенія тѣхъ финансовыхъ потребностей московскаго государства, которыя, въ свою очередь, порождались его военными нуждами. Такимъ образомъ, «торговый капитализмъ» московскаго правительства находился въ тѣсной причинной зависимости отъ «военно-финансовой необходимости», и противопоставлять его ей нѣтъ основанія ²⁾.

VI.

Неоспоримо, что та же военно-финансовая необходимость опредѣлила собою тотъ родъ просвѣтительнаго вліянія, который взялъ верхъ въ Московскомъ государствѣ.

Въ прежнее время русскіе книжники довольствовались сознаніемъ своей вѣрности православной церкви: «не ученъ діалектикѣ, риторикѣ и философій, но разумъ Христовъ въ себѣ имѣю». Однако, въ XVII вѣкѣ московскіе блюстители православія столкнулись съ вопросомъ о критеріи, съ помощью котораго можно было бы отличать людей, имѣющихъ въ себѣ «разумъ Христовъ». Они увидѣли, что обряды московской церкви во многомъ отличаются отъ греческихъ. На это не однажды съ укоромъ указывали представители греческой церкви. Незадолго до вступленія Ни-

¹⁾ Какъ возникло было это вліяніе, видно изъ слѣдующаго. Когда голландецъ Андрей Виниусъ получилъ (въ 1632 г.) концессию на устройство заводовъ близъ Тулы, то для обезпеченія заводовъ рабочими къ нему приписана была цѣлая дворцовая волость. На Западѣ фабрично-заводская промышленность возникла при совершенно иныхъ производственныхъ отношеніяхъ. Замѣчу кстати, что тульскіе заводы были основаны передъ самой войной съ Польшей, а ихъ основатель обязался поставлять московскому правительству по удѣленному цѣнамъ пушки, ядра, ружья и, вообще, всякое жалѣю. Отсюда видно, какую цѣлу преслѣдовало правительство, поддерживавъ предпріятіе Виниуса.

²⁾ Царскія торговныя монополіи не только порождены были экономической отсталостью Московскаго государства, но и сами поддерживали эту отсталость. Псковскій діаконъ жаловался на то, что въ 1636 г. у псковичей было отнято право торговли льномъ: „и гости московскій прислали велѣно ему купити на государя по указной цѣнѣ московской; много отъ этого было убытку монастырямъ и всякимъ людямъ, деньги — корезки худыя, цѣна невозможная, пушки нелюбимыя, во всемъ скорби великая, вражда неслыханная и всей землѣ сѣвера, никто не смѣетъ ни купити, ни продать“. Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. 2, стр. 1340.

кона на патриарший престолъ монахи греческихъ монастырей на Афонѣ объявили ересью московское двуперстіе, сожгли московскія богослужебныя книги и въ избыткѣ религіознаго рвенія хотѣли даже сжечь того монаха,—серба Дамаскина,—у котораго нашлись эти книги. Мало того. Въ славянскомъ текстѣ молитвъ и богослужебныхъ книгъ обнаружались несходства съ греческимъ текстомъ. Чтобы рѣшить, допустимы ли эти отклоненія, и разобратъ въ вопросѣ о церковныхъ обрядахъ, нужно было обратиться къ богословію, опиравшемуся, какъ на вспомогательныя науки, на «діалектику, риторику и философію». Словомъ, нужно было учиться ¹⁾. Сознаніе нужды въ просвѣщеніи должно было подкрѣпляться дѣйствіемъ исторической обстановки того времени. Въ XVII вѣкѣ православное Московское государство приняло дѣятельное участіе въ борьбѣ юго-западной Руси съ католической Польшей. Если ратные люди боролись оружіемъ, то православному духовенству нельзя было избѣжать идейной борьбы съ католицизмомъ. Борьба эта давно уже началась въ Западной Руси, и хотя москвитяне мало интересовались тонкостями западно-русской православной аргументаціи, но въ половинѣ XVII вѣка имъ уже невозможно было сохранить полное равнодушіе къ нимъ. Наконецъ, если московскіе пастыри хотѣли предохранить свое духовное стадо отъ «ересей», носителями которыхъ являлись иностранцы, вызывавшіеся въ Москву правительствомъ, то и здѣсь имъ нельзя было обойтись безъ «діалектики, риторики и философіи». И вотъ мы видимъ, что одновременно съ западно-европейскими пушечными мастерами и «рудознатцами» Москва зоветъ къ себѣ ученыхъ грековъ и западно-руссовъ, которымъ она отдаетъ въ науку своихъ молодыхъ людей. Уже въ 30-хъ годахъ XVII вѣка патриархъ Филаретъ устроилъ при Чудовомъ монастырѣ школу, получившую названіе патриаршей. Въ концѣ 40-хъ годовъ бояринъ Ртищевъ завелъ при Андреевскомъ монастырѣ училище, отданное имъ въ завѣдываніе западно-русскихъ ученыхъ иноковъ. Въ 1679 году учреждено училище, названное Еллинно-греческимъ, потомъ переименованное въ Славяно-латинскую, а еще позже—въ Славяно-греко-латинскую академію. Въ этой академіи преподавали грамматику, пѣстику, риторику, діалектику, философію, богословіе, церковное и граждан-

¹⁾ Уже знакомый намъ галикій митрополитъ Пажей Лигардъ говорилъ, что назиданіе христоименитого русскаго царства ересью,—т. е. движеніе, известное подъ именемъ раскола,—вызвано было отсутствіемъ народныхъ училищъ и библиотекъ. Онъ прибавлялъ, что если бы его спросили: «какіе столпы церкви и государства?», то онъ отвѣтилъ бы: «во-первыхъ, училища, во-вторыхъ, училища и, въ-третьихъ, училища». Крайнее нежеланіе московскаго духовенства признано было еще на Стоглавомъ соборѣ.

ское право. Проектъ устава для нея написанъ былъ знаменитымъ въ лѣтописяхъ московскаго просвѣщенія западно-русскомъ Симеономъ Полоцкимъ.

Между греческими просвѣтителями, съ одной стороны, и западно-русскими—съ другой, тотчасъ возникли несогласія и соперничество. При устройствѣ школъ много спорили о томъ, къ какому типу онѣ должны приближаться: къ греческому или же къ западно-русскому.

Другими словами: въ дѣлѣ школьнаго образованія, направленномъ на удовлетвореніе нравственно-религіозныхъ цѣлей, тоже происходила борьба восточнаго (греческаго) вліянія съ западнымъ (кіевскимъ). Но эта борьба двухъ вліяній, совершавшаяся въ одной и той же области идей, имѣетъ ничтожное историческое значеніе въ сравненіи со взаимной борьбой двухъ вліяній, исходившихъ изъ двухъ, вполне различныхъ по своей природѣ, отраслей знанія: технической—съ одной стороны, и литературно-богословской—съ другой. Хотя московскому духовенству до крайности нужно было пополнить запасъ своихъ свѣдѣній, но въ тогдашней исторической обстановкѣ даже посредственный пушечный мастеръ или рудознатецъ быть несравненно важнѣе для Москвы, нежели самый ученый богословъ или самый пышный «витія» ¹⁾. Москва, какъ видно, сама сознавала это «кіевскіе ученые,—говоритъ Ключевскій,—вознаграждались умѣреннѣе нѣмецкихъ наемныхъ офицеровъ ²⁾. Понятно, почему у насъ въ концѣ-концовъ одержало рѣшительную побѣду не греческое и не кіевское вліяніе, а вліяніе тѣхъ западныхъ странъ, христіанскихъ жителей которыхъ Москва въ своей простотѣ искренно считала «нехристіанами».

Соціологическая причина этой побѣды «еретическаго» вліянія надъ православнымъ прекрасно выяснена Соловьевымъ.

«Прежде всего нужно было выйти изъ экономической несостоятельности, нужно было разбогатѣть и усилиться,—разбогатѣть посредствомъ торговли, промысловъ; нужно было море,—пробиться къ морю нужно было съ оружіемъ въ рукахъ; нужно было свести старые счета, освободиться отъ татарской дани, которую

¹⁾ Въ одной изъ своихъ проповѣдей Епифаній Славинцевій восклицалъ, обращаясь къ православнымъ слушателямъ: «Раздережь жестокое сердце нашихъ важеніе, ветхую грѣхъ нашихъ расторгнемъ катанетъ, неплотную ума нашего потрясемъ землю, и азоскрадныя душъ нашихъ, грѣхами умерщвленныя, отвержемъ страсти, да отъ смерти духовной свободимся», и т. д. Это было, можетъ быть, превосходно въ смыслѣ тогдашней риторикѣ, но съ точки зрѣнія государственныхъ потребностей это, какъ-было, не стоило хорошей пиццали.

²⁾ Курскъ, ч. III, стр. 356.

платили въ Крымъ подь именемъ поминковъ,—нужно было, следовательно, выучиться ратному искусству, нужно было выучиться строить корабли и плавать на нихъ, строить крѣпости. Чтобы поднять торговлю и богатство, нужно было выучиться прокладывать дороги, прорывать каналы,—нужно было выучиться всякимъ искусствамъ и ремесламъ» ¹⁾.

По поводу этихъ строкъ мнѣ опять хочется сказать, что Соловьева нельзя относить безъ важныхъ оговорокъ къ числу историческихъ идеалистовъ и туманныхъ «метафизиковъ». Но довольно объ этомъ.

¹⁾ Соловьевъ. Тамъ же, кн. III, стр. 805.

Глава VIII.

ПЕРВЫЕ ЗАПАДНИКИ И ПРОСВѢТИТЕЛИ.

Кн. Н. А. Хворостининъ.—В. А. Ординъ-Нащокинъ.

1. Кн. И. А. Хворостининъ.

1.

Если въ Московскомъ государствѣ побѣдило вліяніе «не-христей», то и въ этомъ послѣднемъ были свои важные отгѣнки: польское вліяніе сильно отличалось, по всему своему характеру, отъ «нѣмецкаго». При Петрѣ «нѣмецкое» вліяніе вытѣснило польское; но въ эпоху, непосредственно предшествовавшую Петровской реформѣ, польское вліяніе было въ Москвѣ довольно сильно. Въ 1671 году, въ письмѣ къ царю одинъ изъ западно-руссозъ (Л. Барановичъ) говорилъ, что «снизкитъ царскаго пресвѣтлаго величества польскаго языка не гнушается, но чтуть книги лиція въ сладость». Въ слѣдующемъ году была сдѣлана, правда, кончившаяся неудачей, попытка организовать въ Москвѣ продажу польскихъ книгъ ¹⁾. Царь Федоръ Алексѣевичъ владѣлъ польскимъ языкомъ. Въ домахъ московской знати появилась польская утварь.

«Лицкій» языкъ, «ляцкія» книги и «ляцкія» издѣлія прокладывали путь,—правда, весьма узкій: чуть замѣтную тропинку,—«ляцкимъ» идеямъ. Намъ извѣстно сообщеніе Маскѣвича о томъ, какъ упорно защищали москвичи въ разговорахъ съ нимъ особенности своего политическаго строя. Говоря вообще, польское вліяніе никогда не могло поколебать убѣжденіе московскихъ людей XVII вѣка въ преимуществахъ восточно-русскаго политическаго порядка и общественнаго быта. Но нѣтъ правила безъ исключеній. Близкія сношенія съ поляками въ эпоху Смуты имѣли то послѣдствіе, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые отдѣльные москвичи стали

¹⁾ Милюкова, назв. соч.

отрицательно относиться и къ названному быту, и къ названному порядку ¹⁾). Къ числу этихъ рѣдкихъ, но тѣмъ болѣе интересныхъ исключеній принадлежалъ кн. Н. А. Хворостининъ изъ рода ярославскихъ князей.

Князь Иванъ Андреевичъ находился при дворѣ перваго Лжедмитрія въ должности кравчаго. Согласно нѣкоторымъ источникамъ, онъ состоялъ въ позорной связи съ самозванцемъ. Говорятъ также, что онъ уже въ то время показалъ себя надменнымъ. Не останавливаясь на этихъ обвиненіяхъ, отмѣтимъ, что польское влияніе вызвало у него до извѣстной степени свободное отношеніе къ религіознымъ понятіямъ московскихъ людей. Указъ, «сказанный» ему впоследствии отъ великихъ государей (царя Михаила и патріарха Филарета), упрекалъ его въ томъ, что онъ еще «при Разстригѣ заразился ересью. Невозможно рѣшить теперь, какъ далеко шло въ то время религіозное свободомысліе Хворостинина. Можетъ быть, между поляками, во множествѣ съѣхавшимися тогда въ столицу восточной Руси, просто нашлись люди, сумѣвшіе объяснить молодому и, по общему признанію, очень способному человѣку, что глубоко ошибались православные москвичи, принимая католиковъ за «нехристей». Ему достаточно было проникнуться такимъ убѣжденіемъ, чтобы прослыть между своими соотечественниками еретикомъ. «При Разстригѣ» подобная ересь была не только не опасна, а, пожалуй, даже выгодна въ смыслѣ придворной карьеры. Но при Шуйскомъ она навлекла на Хворостинина гоненіе: его сослали на покаяніе въ Іосифовъ монастырь. Неизвѣстно, какъ долго оставался онъ тамъ. Повидимому, его скоро возвратили въ Москву, такъ какъ, по его собственнымъ словамъ, онъ былъ очевидцемъ столкновенія патріарха Гермогена съ боярскимъ правительствомъ. Въ началѣ 1613 года онъ служилъ воеводою во Мценскѣ и въ этомъ своемъ званіи долженъ былъ «промышлять» надъ непріятелемъ. Въ слѣдующемъ году мы видимъ его воеводою сторожевого полка въ Новосилѣ. Во время нашествія на Москву

¹⁾ Московскіе люди ставили себя гораздо выше иностранцевъ. Но въ XVII вѣкѣ столкновенія съ Западомъ подорвали это самоуваженіе. Не одніи Хворостининъ презрительно отзывались о своихъ соотечественникахъ. Въ 1634 г. Василій Пашайловъ, сына воеводы Пашайлова, командованнаго вмѣстѣ съ Шеннымъ московскою ратью подъ Смоленскомъ, обвиняли въ томъ, что онъ, восхваляя литовскаго короля, говорилъ: «Какъ противъ такого великаго государя конарха нашему московскому князю биться?» Въ томъ же былъ обвиненъ Гаврила Бакланъ, который, «будучи въ Можайскѣ, хвалилъ литовскаго короля и литовскихъ людей передъ русскими, называя послѣднихъ «князьями» (Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. II, стр. 1207—1208). Интересно, что москвичи задумались надъ своимъ «княжествомъ» именно послѣдствіемъ неудачъ въ войнѣ съ сосѣднимъ западнымъ государствомъ.

Владислава съ малороссійскимъ гетманомъ Сагайдачнымъ, онъ «отсидѣлся отъ черкасъ» въ Переяславѣ, за что получили отъ царя серебряный кубокъ и шубу въ 160 рублей. Въ то время онъ былъ уже столыникомъ. Но въ немъ, какъ видно, продолжали дѣйствовать польскія дрожжи: онъ не позабылъ своей «ереси». Кромѣ того, онъ попрежнему производилъ на своихъ современниковъ впечатлѣніе рѣзкаго, «надменнаго», человѣка. Въ этомъ смыслѣ о немъ отзывается его дальній родственникъ, князь С. И. Шаховской. По словамъ Шаховского, Хворостининъ былъ «фарисейскою гордостью надменъ». Отъ того же современника мы узнаемъ о спорѣ, который онъ велъ съ Хворостининымъ. Предметомъ спора былъ шестой вселенскій соборъ, и Хворостининъ говорилъ тономъ, сильно обидѣвшимъ его собесѣдника. Кн. С. И. Шаховской писалъ ему: «Укорялъ меня еси вчерашняго дня въ дому своемъ, величаяся въ рабѣхъ своихъ и превозношася многимъ велерѣчіемъ и гордяся, реку, фарисейски, мняся превыше всѣхъ человѣкъ ученіемъ божественныхъ догматъ превзыти. Наше же убожество грубо и несмысленно нарековалъ еси и отнюдь чужа ученію священнаго и отцепеданнаго писанія, и за малое мое иѣкое реченіе препирахся еси гнѣвно и лютѣ свирѣпствова». По этому поводу Шаховской разсудительно замѣчаетъ, что «нѣсть полезно благовѣрну мужу тщеславіемъ побѣжденну быти или звѣрски яритися на друга». Къ этому онъ прибавляетъ, что Хворостининъ «измлада обыкохъ въ таковѣ велехвальнѣ обычаѣ быти». Интересно, что онъ называетъ «главнымъ потаковникомъ» дурныхъ склонностей Хворостинина иѣкоего Заблоцкаго, который только что перешелъ въ православіе и, по весьма вѣроятному предположенію проф. С. Ѳ. Платонова, былъ польскаго происхожденія ¹⁾).

2.

Отъ вниманія московскаго правительства не ускользнула своеобразность Хворостинина. Оно стало преслѣдовать его, «вынимая» у него «латинскіе» образа и книги, т.-е. говоря по-нынѣшнему, дѣлая у него обыски. Но въ то время его «ересь» уже приняла, если иѣрить указу, довольно широкіе размѣры. Онъ не только самъ пересталъ ходить въ церковь, но «билъ и мучилъ» тѣхъ своихъ людей, которые ходили туда (вольнодумецъ сохранилъ въ себѣ боярское самодурство!). Онъ говорилъ теперь «хульныя» слова

¹⁾ Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутныхъ временахъ XVII вѣка, какъ историческій источникъ. Изд. 2-е. Сиб. 1913. Стр. 232—237.

объ угодникахъ и отрицать воскресеніе мертвыхъ. Это какъ будто означаетъ, что Хворостининъ пришелъ къ отрицанію, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой части христіанскаго ученія. Но какъ долженъ былъ почувствовать себя, придя къ подобному отрицанію, человѣкъ, воспитанный въ такой средѣ, въ глазахъ которой значеніе нравственности опредѣлялось прежде всего той санкціей, которую она получаетъ отъ религіи? Когда религія служить опорой нравственности, тогда религіозныя сомнѣнія часто вызываютъ скептическое отношеніе къ нравственнымъ правиламъ. Нравственность, не научившаяся ходить на собственныхъ ногахъ, начинаетъ хромать, когда лишается религіозныхъ костылей. На основаніи указа, «сказаннаго» Хворостинину, можно заключить, что, переставъ чаять воскресенія мертвыхъ, онъ запилъ горькую. Можетъ быть, на самомъ дѣлѣ онъ и не сдѣлался такимъ пьяницей, какимъ выставляетъ его указъ. Впослѣдствіи онъ утверждалъ, что пьянство было противно праву его. Но ничего психологически-невозможнаго не заключаетъ въ себѣ и то предположеніе, что, когда почва заколебалась у него подъ ногами, вольнодумный потомокъ ярославскихъ князей временно очень подружился съ бутылкой¹⁾. Это тѣмъ болѣе возможно, что при своихъ новыхъ взглядахъ онъ чувствовалъ себя совсѣмъ одинокимъ. Критическая работа его мысли не ограничилась областью религіи. Уже и прежде смотрѣвшій на своихъ соотечественниковъ сверху внизъ, онъ сталъ теперь отзываться о нихъ самымъ презрительнымъ образомъ. Упрекая ихъ въ неразумномъ отношеніи къ вопросамъ вѣры, онъ прибавлялъ, что они сѣютъ землю рожью, а живутъ ложью, и писалъ по ихъ адресу «многія укоризненные слова на виршѣ», т. е. стихами. Изъ этого видно, что хотя, можетъ быть, Хворостининъ по временамъ и злоупотре-

¹⁾ Впрочемъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что само по себѣ пьянство не считалось „на Москвѣ“ большимъ порокомъ („вино есть пещеріе Руси пити“). Авторъ указа обвиняетъ Хворостинина не столько въ томъ, что онъ «безпрестанно пилъ», сколько въ томъ, что въ 1622 г. онъ «пилъ безъ пресмыну» всю Страстную недѣлю и былъ пьянъ наканунѣ Свѣтлаго воскресенія. Этотъ грѣхъ онъ ставитъ рядомъ съ тѣмъ его грѣхомъ, что онъ не пошелъ къ заутрени и къ обѣдѣ и разговѣлся раньше, чѣмъ слѣдовало. Интересно, что противъ Никона выставлялись обвиненія, очень похожія на тѣ, которыми указъ великихъ государей выдвинулъ противъ Хворостинина. Въ царствованіе Федора Алексѣевича на бывшаго патріарха доносили, что онъ «по преставленіи царя Алексѣя во весь Великій постъ пилъ до-пьяна и, занемавшись, всакихъ людей мучилъ безвинно»... А вотъ обвиненіе, относящееся, повидимому, къ области половой нравственности: «Пріѣзжала къ нему дѣвица 20 лѣтъ съ братомъ малымъ ребенкомъ для леченія, и Никонъ ее запилъ до-пьяна, отчего она умерла» (Соловьевъ, Ист. Рос., кн. III, стр. 819). Что это? Одна изъ ходячихъ формъ доноса, или же нравственная неудовлетворительность, въ самомъ дѣлѣ, выражалась тогда, между прочимъ, въ поступкахъ, подобныхъ тѣмъ, на которые указывали такіе доносы?

блать крѣпкими напитками, но это не мѣшало ему предъявлять къ своимъ ближнимъ, а, вѣроятно, и къ самому себѣ серьезные нравственныя требованія. Стало быть, если почва и колебалась у него подъ ногами, то не въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь заходила о важнѣйшихъ вопросахъ нравственности. Авторы указа выставляютъ противъ него еще тотъ упрекъ, что онъ называлъ московскаго царя деспотомъ русскимъ. Они видятъ въ этомъ умаленіе царскаго титула ¹⁾. Но возможно, что тутъ было вѣчто болѣе серьезное, нежели желаніе «умалить титулъ». Если въ спорахъ съ Маскѣвичемъ жители Москвы обыкновенно высказывались за свой царизмъ, то, уже тогда не вполне похожій на остальныхъ москвичей и склонявшійся къ польскимъ понятіямъ, князь Иванъ Андреевичъ могъ, наоборотъ, предпочитать шляхетскую свободу и, не позволяя себѣ почти ребяческой выходки умаленія царскаго титула, укоризненно называть деспотизмомъ московское самодержавіе. Въ такомъ отношеніи къ московской политической дѣйствительности авторы указа, — да, безъ сомнѣнія, и не только они, — видѣли «гордость и безмѣрство». Но, разъ начавшись въ головѣ московскаго человѣка, работа критической мысли неизбежно должна была дѣлать крайне затруднительнымъ для него «пріобщеніе» со своими, чуждыми «ереси» соотечественниками. А люди, чуждые «ереси», и составляли въ тогдашней Москвѣ общественную среду. Поэтому Хворостинину оставалось или томиться одиночествомъ, или покинуть предѣлы Московскаго государства: о сомнительномъ утѣшеніи съ помощью бутылки я здѣсь не говорю. Указъ приписываетъ Хворостинину намѣреніе отъѣхать въ Литву. Если оно, дѣйствительно, было у него, то въ лицѣ кн. Хворостинина мы имѣемъ передъ собою перваго московскаго человѣка, которому пришло въ голову покинуть свою страну вслѣдствіе разлада съ окружающей его общественной средою. Курбскій тоже бѣжалъ за предѣлы Московскаго государства. Но онъ бѣжалъ не потому, чтобы лишился нравственной возможности имѣть «пріобщеніе» съ близкими ему по общественному положенію москвичами. У него, навѣрно, было весьма тѣсное «пріобщеніе» съ очень многими изъ тогдашнихъ бояръ: Иванъ IV нисколько не обманывался на этотъ счетъ. Курбскій не могъ чувствовать себя нравственно одинокимъ «на Москвѣ», несмотря на свою принадлежность къ общественному слою, осужденному исторіей на политическую гибель. Не то съ

¹⁾ «Да въ тѣхъ же шесѣхъ написано государево именозваніе не по достоинству: государя названъ деспотомъ русскимъ; но деспота слышитъ греческою рѣчью — владыка или владѣтель, а не царь и самодержецъ, а ты, князь Иванъ, не иноземецъ, московскій природный человекъ, и тебѣ такъ про государское именозваніе писать было не пристойно». Соловьевъ, кн. II, стр. 1373.

Ив. Хворостининъ. Хотя, находясь подъ вліяніемъ польскихъ понятій, онъ не одобрялъ московскаго деспотизма, но собирався,—если собирався,—отѣхать въ Литву онъ врядъ ли потому, что боялся преслѣдованій за свое политическое вольномысліе. Какъ мы сейчасъ увидимъ, собственно политическіе вопросы очень мало привлекали къ себѣ его вниманіе. Онъ просто слишкомъ тяготился жизнью между людьми, сдѣлавшимися совершенно чуждыми ему по своему міросозерцанію. «Это былъ,—говоритъ о немъ Ключевскій,—своеобразный русскій вольнодумецъ на католической подкладкѣ, проникнуійся глубокой антипатіей къ византійско-церковной черствой обрядности и ко всей русской жизни, ея пропитанной,—отдаленный духовный предокъ Чаадаева»¹⁾.

Ключевскій не совѣтъ правъ. Но если бы онъ и былъ правъ, то слѣдуетъ принять во вниманіе, что пессимизмъ Чаадаева является лишь однимъ изъ наиболѣе яркихъ образчиковъ той безнадежности, которая овладѣвала нашими западниками, когда они чувствовали себя совершенно безсильными въ борьбѣ съ русскимъ застоємъ, и которая проникала подчасъ въ сердца даже самыхъ бодрыхъ и энергичныхъ между ними.

3.

Въ Литву Хворостининъ не уѣхалъ. Въ концѣ 1622 или въ началѣ 1623 года его опять сослали «подъ начальъ»,—на этотъ разъ въ Кирилловъ монастырь, гдѣ онъ долженъ былъ жить подъ надзоромъ «добраго» старца. Патріархъ приказывалъ, «чтобъ у него безъ келейнаго правила не было ни одного дни и церковнаго бѣ пѣнія николи не отбывалъ». Въ Кирилловѣ,—какъ прежде въ Іосифовѣ,—монастырѣ нашъ вольнодумецъ оставался недолго. Его освободили въ январѣ 1624 г., взявъ съ него подписку объ отреченіи отъ «ереси». Черезъ годъ съ небольшимъ, 28 февраля 1625 г., онъ умеръ. Но умеръ уже не Иваномъ, а Іосифомъ, такъ какъ незадолго до смерти сдѣлался монахомъ Троице-Сергіева монастыря, въ которомъ его и похоронили. Послѣ него остались сочиненія, въ своемъ родѣ весьма интересныя. Одно изъ нихъ представляетъ собою сказаніе о Смутномъ времени и озаглавлено такъ: «Словеса дней и царей и святителей московскихъ, еже есть въ Россіи. Списано вкратцѣ, предложеніе историческо, написано бѣ ко исправленію и ко прочтанію благочестіе любящихъ, составлено Иваномъ дуксомъ. Сіе.

¹⁾ Курскъ, т. III, стр. 312.

князь Иванова слогу Андреевича Хворостиннина»¹⁾. То обстоятельство, что «Словеса» предназначались для читателей, любящих благочестіе, вызываетъ вопросъ, какого же рода благочестіе имѣлъ въ виду авторъ, смущавшій современниковъ своей «ересью». Оказывается, что въ этомъ сочиненіи мы имѣемъ дѣло съ самымъ зауряднымъ благочестіемъ тогдашнихъ московскихъ людей. Хворостиннинъ радуется тому, что русская земля, въ языче тѣхъ бывшая самой нечестивой изъ всѣхъ, стала, наоборотъ, самой благочестивой послѣ принятія христіанства. Онъ говоритъ: «И во нѣхъ бо странахъ аще и мнози быша благочестиви же и праведни, но мнози бѣяху и нечестиви и невѣрни, съ ними живуще и еретическая мудрствующе,—въ Русѣй же земли не токмо веси и села мнози свѣдоми, но и грады мнози суть единого пастыря Христа единая овчата суть, и вси единомудрствующе и вси славяще святую Троицу»²⁾. «Словеса» заключаютъ въ себѣ весьма почтительные отзывы о московскихъ святыняхъ и восторженные похвалы по адресу патріарха Гермогена, отъ котораго авторъ пострадалъ, по его словамъ, очень сильно. Если къ этому прибавить, что въ «Словесахъ» Филаретъ называется не патріархомъ, а ростовскимъ митрополитомъ, то представится вполне достовѣрной та догадка проф. Платонова, согласно которой они написаны до поставленія Филарета на патріаршество. Но такъ какъ Хворостиннинъ упоминаетъ въ нихъ о своей службѣ рязанскимъ воеводой, относящейся къ 1618 г. и къ началу слѣдующаго, то опять приходится предположить, вмѣстѣ съ проф. Платоновымъ, что «Словеса» писаны въ первой половинѣ 1619 г. и имѣли цѣлью самооправданіе Хворостиннина. «Въ этомъ году возвратился изъ Польши Филаретъ Никитичъ и сталъ патріархомъ,—говоритъ только что названный изслѣдователь.—О «владѣтельномъ» и о «пальчивомъ» его характерѣ въ Москвѣ, конечно, знали, и Хворостиннинъ могъ опасаться отъ него гоненій за свое прошлое. Явиться въ глазахъ Филарета православнымъ человѣкомъ и патріотомъ было для него весьма важно. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что Хворостиннинъ избралъ для этого литературный путь»³⁾. Если это такъ, то заурядное благочестіе, пропитывающее собою «Словеса», должно быть признано весьма цѣлесообразнымъ. Но въ такомъ случаѣ спрашивается: былъ ли искрененъ Хворостиннинъ, выдавая себя въ своемъ сочиненіи за православнаго человѣка и патріота? При рѣшеніи этого вопроса

¹⁾ Оно напечатано въ часто цитированномъ мною выше XIII т. Русской Исторической Библіотеки, изд. археографической комиссіи, стр. 525—557.

²⁾ Истор. библ., XIII, стр. 530.

³⁾ Платоновъ, назв. соч., стр. 256—257.

необходимо помнить, что въ другомъ своемъ литературномъ трудѣ, съ которымъ мы сейчасъ ознакомимся, Хворостининъ называлъ лишними всякаго основанія обвиненія его въ «ереси». Это его утвержденіе не можетъ быть принято въ буквальномъ смыслѣ, поскольку оно относится къ тому періоду его жизни, который начался послѣ написанія «Словесъ», и въ теченіе котораго онъ, по выраженію проф. Платонова, не скрывалъ своихъ «еретическихъ» взглядовъ. Но и въ теченіе этого періода (1621—1622 гг.) его отступленія отъ православной вѣры, можетъ быть, не достигали такихъ большихъ размѣровъ, какіе они приняли въ глазахъ современниковъ. Что же касается вольнодумства, обнаруженнаго Хворостининимъ «при Разстригѣ», то, какъ сказано выше, оно могло ограничиваться простымъ отрицаніемъ стараго московскаго взгляда на католиковъ, какъ на нехристей, и соответствующимъ такому отрицанію уважительнымъ отношеніемъ къ католическимъ образамъ и къ католическому богослуженію. Если мы допустимъ все это,—а на такое допущеніе мы, повидимому, имѣемъ полное право,—то выйдетъ, что хотя, конечно, Хворостининъ сильно подчеркнул и даже преувеличилъ въ «Словесахъ» свое благочестивое настроеніе, но все-таки онъ былъ въ нихъ далекъ отъ того лицемѣрія, въ которомъ его можно заподозрѣть при недостаточно критическомъ отношеніи къ дѣлу. Какъ бы тамъ ни было, «Словеса» содержатъ въ себѣ много если не прямыхъ, то косвенныхъ данныхъ для характеристики образа мыслей этого выдающагося человѣка.

4.

Выше я замѣтилъ, что сказанія московскихъ людей XVII вѣка о Смутномъ времени свидѣтельствуютъ объ очень низкомъ уровнѣ политическаго развитія ихъ авторовъ. Это замѣчаніе надо распространить также и на «Словеса» Хворостинина. Хотя, подчинившись польскому вліянію, онъ не могъ оставаться сторонникомъ московскаго политическаго порядка, но его повѣсть о Смутномъ времени не носитъ на себѣ слѣдовъ серьезныхъ размышленій о политикѣ. Повѣствованіе о вступленіи Шуйскаго на престолъ давало ему, казалось бы, самый подходящий поводъ выразить,—если не ясно, то хотя бы съ помощью намека,—свой взглядъ на вопросъ объ ограниченіи царской власти. Онъ не воспользовался этимъ поводомъ. Присяга, принесенная Шуйскимъ, вызываетъ у него такое восклицаніе: «И тако всему міру клятва потребу творити всѣмъ въ царствіи его живущимъ! О бѣда! о скорбь! единого ради малаго времени житія сего свѣтомъ льстится царь и клятву возводитъ на

главу свою, никто не отъ человекъ того отъ него требуя, но самовольнѣ клитѣмъ падався. О, властолюбецъ сый, а не боголюбецъ!»¹⁾. Это восклицаніе перестанетъ быть для насъ непонятнымъ только при томъ предположеніи, что увлекавшійся западными обычаями Хворостининъ разбирался въ политикѣ не многимъ лучше защитниковъ стараго образа жизни. Вѣдь и послѣ него на Руси былъ немало западникоѣ, остававшихся дѣтьми въ политическихъ вѣпросахъ.

Не слѣдуетъ думать, что, претерпѣвъ отъ Шуйскаго гоненія, онъ склоненъ былъ осуждать его во что бы то ни стало. Вѣдь хвалилъ же онъ Гермогена, котораго считалъ главнымъ виновникомъ своихъ несчастій. Можно возразить, пожалуй, что въ царствованіе Михаила и при патріархѣ Филаретѣ нападки на Шуйскаго не грозили Хворостинину никакой опасностью, тогда какъ напасть на Гермогена значило не достигнуть той цѣли, ради которой и написаны были «Словеса», т.-е. самооправданія. Но я уже сказалъ, что, признавая апологетическій характеръ этого сочиненія, я отказываюсь признать его автора лицомъ бромъ.

Интересная подробность. Родовитый потомокъ ярославскихъ князей рѣзко осуждаетъ поведеніе бояръ во время междоусобицы²⁾.

Наконецъ, напомнимъ еще вотъ что. Уже въ «Словесахъ»,— т.-е., согласно предположенію проф. Платонова, въ первой половинѣ 1619 года,—Хворостининъ къ числу дурныхъ сторонъ царствованія Бориса Годунова относитъ то, что онъ своей политикой «ненавидѣніе и дѣсть въ рабѣхъ сотвори, и возведе работныхъ на свободныхъ»³⁾.

Этотъ отзывъ потому заслуживаетъ вниманія, что въ другомъ сочиненіи («Изложеніе на іретикѣ»), которое Хворостининъ написалъ по старой памяти «на виришъ», вѣроятно, уже послѣ поступленія своего въ монахи, онъ говоритъ, что пострадалъ вслѣдствіе холопскихъ доносовъ.

Но и рабы мои быша мнѣ сопостаты,
Разрушили дупи моей полаты,
Крѣпость і огражденіе отъяша
І оклеветаніе на мя совѣщаша.
Злы бо ихъ зѣло беззаконныя злобы,
Творили на мя смертныя гробы,
Зла бо быша ихъ порода,
Аки асиидекаго рода.

¹⁾ Русская Истор. Библ., т. XIII, стр. 542.

²⁾ Тамъ же, стр. 553.

³⁾ Тамъ же, стр. 532.

Пущали на мя свои яды,
Творили измѣнныя ряды,
Вопчѣ на мя приносили
И злочестемъ меня обносили ¹⁾.

Дайте вѣру этой жалобѣ, и передъ вами встанетъ слѣдующее бытовое явленіе. Довольно знатный московскій служилый чело-вѣкъ, склонившись къ западнымъ обычаямъ, высказываетъ,—и, по свидѣтельству князя Шаховского, высказываетъ рѣзко, раздражи-тельно,—смѣлые по тому времени религіозные взгляды. Сообразно этимъ своимъ смѣлымъ взглядамъ, онъ не ходитъ въ церковь и вообще отвергаетъ византійскую обрядность, составлявшую въ гла-захъ московскихъ людей самую сущность благочестія. И не только самъ не ходитъ въ церковь, не только самъ отвергаетъ обрядность: онъ хочетъ, чтобы и «рабы» его и рестали отождествлять религію съ обрядностью. А такъ какъ нашъ западникъ остается рабовла-дѣльцемъ, то холопамъ своимъ онъ внушаетъ религіозное вольно-мысліе посредствомъ приказаній и даже побоевъ. Съ своей сто-роны, холопы слѣдуютъ обычаю, установившемуся въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ, со временъ Годунова: они спѣшатъ донести на своего господина, котораго ссылаютъ за ересь въ монастырь, гдѣ старательно «истязаютъ въ вѣрѣ». Частью вслѣдствіе «истязаній», а частью вслѣдствіе того, что вліяніе Запада не очень глубоко про-никло въ его душу, господинъ возвращается въ лоно православія и даже поступаетъ въ монахи. Но несмотря на овладѣвшее имъ те-перь православно-благочестивое настроеніе, онъ, простившій, мо-жетъ быть, всѣ прегрѣшенія всѣмъ своимъ ближнимъ свободнаго состоянія, не можетъ забыть измѣну своихъ «рабовъ». Рожденный полемистомъ, онъ не устаетъ язвить ихъ «двоестрочнымъ согла-сіемъ». Разсказавъ о томъ, какъ они «обносили» его своимъ «зло-честіемъ», онъ восклицаетъ:

Владыка Господи! Ты имъ суди
І съ ними мя разсуди,
Ты вѣси мое чувство,
Ты зриши ихъ буйство.
Хлѣбы мои же вскормиша,
І благость моя на зло ихъ обратиша.
Слава быша въ руцѣ Господня ²⁾
Краше сладчайшаго крина ³⁾.

¹⁾ См. «Вновь открытыя волеия, сочиненія XVII в. противъ еретиковъ». Спб., 1907, стр. 79—80. Сочиненія эти открыты проф. В. И. Саввою и напечатаны подъ его редакціей и съ его предисловіемъ.

²⁾ Кажется, слѣдуетъ читать: Господина.—Г. П.

³⁾ Тамъ же, стр. 80.

5.

Больше всего печалитъ князя-инока то, что онъ считаетъ не-благодарностью «рабовъ»: онъ ихъ вскормилъ своимъ хлѣбомъ и былъ добръ съ ними, а они на него донесли. Былое свободомысліе Хворостинина не открыло передъ нимъ той истины, что не владѣльцы «кормить» своихъ «рабовъ», а, наоборотъ, «рабы»—своихъ владѣльцевъ. Но до сознанія этой истины далеко не доходили и польскіе шляхтичи, своимъ вліяніемъ расположившіе его къ свободомыслію. Вѣроятно, въ своемъ иночествѣ Хворостининъ вспоминалъ, какъ онъ пытался привить своимъ «рабамъ» просвѣщен-ный взглядъ на религію, и какъ его попытки,—надо надѣяться, не всегда имѣвшія боевой характеръ,—кончились неудачей. Онъ пришелъ къ тому твердому убѣжденію, что и дѣлать не слѣ-довало такихъ попытокъ.

Не сыте злата предъ свиніями,
Да не осквернятъ своими ногами.

А потомъ онъ снова и снова возвращается къ намѣнѣ «рабовъ» и опять хулитъ ихъ «на виригѣ»:

Отъ рабъ пріяхъ многи налоги,
Сотворили на мя злыя прілоги.
Не помянули Христова слова,
І не избѣгнулъ азъ отъ нихъ злаго лова.

Чтобы объяснить дурное поведеніе «рабовъ», нашъ дуксъ Иванъ пишетъ цѣлый психологическій очеркъ. И подъ его перомъ «рабская» психологія пріобрѣтаетъ непривлекательный видъ.

Они не боятся небснаго Бога,
Иже всемъ даетъ добра многа.
Словеса ихъ вѣрна, аки паучина,
И злоба ихъ—злая паучина.
Азъ быхъ единъ надъ ними,
Надъ измѣнники своими,
Господиномъ имъ поставленъ
И отъ Бога паче ихъ прославленъ.
Но быша ми зѣльныя врази
И осквернили клятвою душевныя прази
Ради часовня своей воли,
Хотяше отбѣгнути господскія неволи.

Надо думать, что «рабы» подтвердили свое обвиненіе Хворо-стинина въ ереси присягою. Убѣжденный съ своей стороны въ томъ, что это обвиненіе было несправедливо, Хворостининъ есте-

ственно считалъ ихъ присягу клятвopеcтyплeнiемъ. Поэтому онъ и говоритъ, что они осквернили свои души, и что словеса ихъ вѣрны, «какъ паучина». Но почему же они рѣшились осквернить свои души? По словамъ Хворостинина, они были недовольны тѣмъ, что онъ былъ поставленъ надъ ними Господиномъ, т.-е. тяготились своей холопской зависимоcтью. Донося на него, они надѣялись «отбѣгнyти господскія неволнѣ», т.-е. получить отъ правительства свободу. Нельзя не признать, что это—весьма вѣроятное объясненiе. Въ социально-политической обстановкѣ, созданной экономической отсталостью Московскаго государства, недовольство трудящагося класса своимъ положенiемъ должно было перѣдно выражаться въ отталкивающихъ дѣйствiяхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя клеймилъ двоестрочнымъ соглаcиемъ кн. Хворостининъ. Кто понимаетъ психологию демократическихъ элементовъ кнѣжной нашей «черной сотни», тотъ знаетъ, что эти элементы тоже ведутъ классовую борьбу, но, по своей крайней неразвитости, ведутъ ее низкимъ, совсѣмъ нецѣлесообразнымъ и отвратительнымъ способомъ. Мы видимъ теперь, въ какихъ историческихъ условiяхъ коренится указанная психология ¹⁾.

Возраженiя Хворостинина противъ «иретиковъ» сами по себѣ мало интересны. Но изложены они, согласно темпераменту автора, рѣзко, и порой въ нихъ блещетъ остроумiе. Такъ, напримѣръ, упрекнувъ римскую церковь въ томъ, что она за деньги продаетъ спасенiе, онъ проницательно спрашиваетъ, почему она не продаетъ отпущенiя грѣховъ самому бѣсу.

Къ римскому папѣ онъ обращается съ такимъ увѣщанiемъ:

О прегордый папо! откинь свои блуды,
Нижѣ являй тѣ свои всему мiру студы.
Гдѣ же Петръ повелѣ паствы раззырять
І изъ благочестивыми злочестивыхъ породнять?
Почтожь отъ блудницъ данн збираеши?
І имъ блудитися явно повелѣваеши?
Чего ради празднуеши праздники съ жидами,
Христоубійцами, Божіими врагами?
Клятва апостоловъ тебе погубитъ
І святыми ихъ заповѣдми будешь убить.
І евангельскаго реченiя чего ради не прочитаеши? ²⁾

Это—довольно прѣсно. И еще болѣе прѣснымъ становится

¹⁾ Въ другихъ мѣстахъ я уже говорилъ, что старинный московскій терминъ «черная сотня» получилъ у насъ теперь неудачное прижизненiе. Но при всеуниверсальности этого термина къ нему вынуждены прибѣгать даже тѣ, которые его не одобряютъ.

²⁾ Тамъ же, стр. 60—62.

бѣдный «духъ», когда, вопреки своему темпераменту, беретъ на себя роль благочестиваго проповѣдника православія. Напримѣръ:

Кто православныя вѣры отступаетъ,
Паки со святымъ жребіи не вступаетъ.
Таковаго бываетъ душа мѣртва,
И самъ есть гнусная грѣховная жертва.

Гордое сознаніе своего превосходства надъ окружающей его средой и горькое сожалѣніе объ ея темнотѣ не покинули Хворостинина до конца дней. Они пробиваются наружу даже чрезъ его прѣсно-благочестивыя разглагольствованія объ истинной вѣрѣ, такъ что невольно спрашиваешь себя: не было ли для него постриженіе своего рода замѣной неудавшагося отъѣзда за границу; средствомъ удалиться отъ общественной среды, состоявшей изъ людей, которые землю сѣяли рожью, а жили ложью? И не попалъ ли онъ изъ огня да въ полымя?

II. В. А. Ординъ-Нащокинъ.

Князь Н. А. Хворостининъ только мечталъ о томъ, чтобы покинуть Московское государство, а В. А. Нащокинъ въ самомъ дѣлѣ бѣжалъ за границу.

Это случилось уже при Алексѣѣ Михайловичѣ, — въ февралѣ 1660 года. Сынъ знаменитаго московскаго дипломата Аванасія Лаврентьевича, Воинъ Ординъ-Нащокинъ былъ посланъ къ своему отцу съ важнымъ порученіемъ и воспользовался этимъ для «измѣны». Это было такъ неожиданно и такъ не согласовалось съ общественнымъ положеніемъ молодого бѣглеца, что благочестивые москвичи могли объяснить себѣ этотъ казусъ только пронеками несконнаго врага человѣческаго рода. Алексѣй Михайловичъ положительно утверждалъ въ письмѣ къ Ордину-Нащокину-отцу, что дѣло приключилось, благодаря вмѣшательству «самого сатаны и даже всѣхъ силъ бѣсовскихъ», отторгнувшихъ отъ отца «сего добраго агнца яростнымъ и смраднымъ своимъ дуновеніемъ». Однако, историки объясняютъ дѣло проще. Вотъ что говорить о немъ С. М. Соловьевъ.

«Воинъ уже давно былъ извѣстенъ, какъ умный и распорядительный молодой человѣкъ, во время отсутствія отца занималъ его мѣсто въ Царевичевъ-Дмитріевъ городѣ, велъ заграничную переписку, пересылалъ вѣсти къ отцу и въ Москву къ самому царю. Но среди этой дѣятельности у молодого человѣка было другое на умѣ и на сердцѣ: самъ отецъ давно уже приучилъ его съ благоговѣніемъ смотрѣть на западъ постоянными выходками своими противъ порядковъ московскихъ, постоянными толками,

что въ другихъ государствахъ иначе дѣлается и лучше дѣлается. Желая дать сыну образованіе, отецъ окружилъ его пѣвными поляками, и эти учителя постарались съ своей стороны усилить въ немъ страсть къ чужеземцамъ, нелюбве къ своему, воспламенили его разсказами о польской «волѣ». Въ описываемое время онъ ѣздилъ въ Москву, гдѣ стошнило ему окончательно, и вотъ, получивъ отъ государя порученія къ отцу, вмѣсто Ливоніи, онъ поѣхалъ за границу, въ Данцигъ къ польскому королю, который отправилъ его сначала къ императору, а потомъ во Францію»¹⁾.

Аввасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ порицалъ московскіе порядки и говорилъ, что въ другихъ государствахъ иначе дѣлается и лучше дѣлается. Онъ уже зналъ цѣну западной цивилизаціи. Но онъ полагалъ, что, дѣлая заимствованія у Запада, московскіе люди могутъ и должны сохранить въ его существенныхъ чертахъ свой старый образъ жизни. А Воинъ Нащокинъ уже до крайности тяготился старымъ московскимъ бытомъ. Онъ задыхался въ Москвѣ, испытывалъ въ ней «окончательную» тошноту. С. М. Соловьевъ какъ будто винитъ въ этомъ польскихъ учителей, которые якобы постарались усилить въ своемъ ученикѣ страсть къ чужеземцамъ и воспламенить его разсказами о польской свободѣ. Но польскимъ учителямъ молодого Нащокина не было надобности сознательно внушать ему отвращеніе «къ своему» быту. Тогдашніе московскіе порядки и обычаи говорили сами за себя. Отзывчивому и пылкому молодому человѣку достаточно было увлечься нарисованной передъ нимъ картиной западно-европейской цивилизаціи, чтобы почувствовать жестокіе приступы «тошноты». И тогда желаніе уѣхать за границу становилось вполне естественнымъ.

Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ настойчиво добиваться выдачи бѣглеца. Онъ наказывалъ старику Нащокину всячески промышлять о своемъ сынѣ, «чтобъ его, поймавъ, привести къ нему, за это сулить и давать пять, шесть и десять тысячъ рублей; а если его такимъ образомъ промышлять нельзя, и если Аввасію надобно, то сына его извести бы тамъ, потому что онъ отъ великаго государя къ отцу отпущенъ былъ со многими указами о дѣлахъ и съ вѣдомостями». Лицу, съ которымъ былъ отправленъ этотъ наказъ А. Л. Нащокину, тишайшій царь совѣтовалъ «о небытіи его (молодого Нащокина.—Г. П.) на свѣтѣ говорить (съ его отцомъ.—Г. П.) не прежде, какъ выслушавъ отцовскія рѣчи, и говорить, примѣрившись къ нимъ»²⁾.

¹⁾ С. М. Соловьевъ. «Исторія Россіи», т. III, стр. 67.

²⁾ Соловьевъ, тамъ же, стр. 69.

И не знаю, какъ, именно, переданы были огорченному А. Л. Ордину-Нащокину «тишайшіе» царскіе совѣты, и согласился ли онъ способствовать,—если представится казенная «надобность»,—всѣтѣю на свѣтъ своего сына. Думаю, что не всякій отецъ пошелъ бы на это даже въ тогдашней Москвѣ.

Людей, подобныхъ кн. Нв. Хворостинину и Вонну Нащокину, «топили» въ Москвѣ и тонуло за рубежъ. Но имъ трудно было приспособиться и къ западно-европейской жизни. Ихъ бѣда, большая, неизбѣжная бѣда, заключалась въ томъ, что они были иностранцами по обѣ стороны московскаго рубежа. Къ тому же и денежныя дѣла русскихъ бѣглецовъ должны были приходиться изъ разстройства полѣтѣтѣе разрыва старыхъ связей: не всякій получалъ помѣстья въ Литуѣ. Вынужденное бѣдѣтѣе и томительная неопредѣленность положенія заставляли ихъ поклониться тому, что прежде сжигалось ими. Молодой Ординъ-Нащокинъ раскаялся въ своей «измѣнѣ» и былъ прощенъ. Въ концѣ августа 1665 года ему послана была грамота, въ которой отъ имени царя говорилось: «Челобитѣе твое принять, милостиво прощаемъ и обнадеживаемъ цѣлу и безъ навету нашимъ высокимъ милосердіемъ... свободну быти». Однако, жить онъ долженъ былъ въ отцовскихъ деревняхъ. Да и тамъ его скоро потревожили. Въ сентябрѣ 1666 года онъ былъ сосланъ «подъ крѣпкій началъ» въ тотъ же Кирилловъ монастырь, который за сорокъ лѣтъ до того видѣлъ въ своихъ стѣнахъ «дука Ивана». Монастырскія власти обязаны были слѣдить, чтобы онъ каждый день посѣщалъ церковь. Неизвѣстно, «истязали» ли его въ вѣрѣ, какъ истязали Хворостинина, но въ январѣ слѣдующаго года Алексѣй Михайловичъ указалъ Вонну Нащокина изъ-подъ начала освободить и отпустить изъ Москвѣ. Это было сдѣлано имъ въ виду заслугъ Аванасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина по заключенію Андрусовскаго перемирія съ Польшей. Однако, когда заслуженный «посольскихъ дѣлъ оберегатель» попытался снова открыть для своего сына дипломатическую карьеру, это ему не удалось: Вонна вернули въ деревню, впрочемъ, опять, не навсегда. Въ концѣ-концовъ бывший эмигрантъ попалъ на должность воеводы въ одномъ изъ провинціальныхъ захолустій ¹⁾.

Къ сожалѣнію, мы никогда не узнаемъ, что передумалъ и перечувствовалъ онъ, прося помилованія и переселяясь—по своей волѣ и по приказанію начальства—изъ-за границы въ Москву, изъ Москвы въ отцовскую деревню, изъ деревни въ монастырь, изъ мона-

¹⁾ См. записку г. Виталія Эйгорна: «Страница изъ біографіи Вонны Ордина-Нащокина» изъ февральской книжки «Вѣстника Европы» за 1897 г., стр. 883—887.

А. Л. Ординъ-Нащокинъ.

стыря сначала опять въ деревню, а потомъ на воеводство. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ, по тому времени на редкость образованный, человѣкъ пережилъ длинную и мучительную душевную драму. На него можно смотрѣть, какъ на одну изъ самыхъ первыхъ жертвъ поворота Москвы отъ Востока къ Западу. «Тошнота», испытанная имъ въ Москвѣ и побудившая его бѣжать за границу, есть то тяжелое настроеніе, пережить которое пришлось впоследствии многимъ и многимъ русскимъ западникамъ. Можно сказать, что въ XIX столѣтіи даровитый профессоръ В. С. Печерникъ бѣжалъ изъ Москвы по дорогѣ, впервые проложенной въ XVII вѣкѣ В. А. Ординымъ-Нащокинымъ ¹⁾. Только В. С. Печерникъ и ужерь за границей...

¹⁾ Пусть читатель извинитъ меня изъ того, что я забыла впередъ, но мнѣ сами собой приходятъ на память слѣдующія строки изъ писема В. С. Печерника отъ 23 марта 1837 г. къ гр. Строганову, бывшему тогда почетнымъ Московскаго учебнаго округа: «...Вы признали меня въ Москву... ахъ, графъ! Сколько пла Вы мнѣ сдѣлали, сами того не желая! Когда я увидѣлъ эту грубо-животную жизнь, эти униженные существа... этихъ людей, на челѣ которыхъ напрасно было бы искать отпечатка нѣхъ Создателя; когда я увидѣлъ все это, и погибъ!.. Я говорилъ себѣ: ...ты будешь вынужденъ спуститься въ уровень этихъ людей, которыхъ ты теперь презираешь; ты будешь вальтасъ въ грядъ ихъ общества, и ты станешь, какъ она, благонамѣренныя старыя профессора, насмѣшками денегами, крестниками и всякою мерзостью! Тогда мойя сердцемъ охватитъ глубокое отчаяніе, беззачетная тоска. Мысль о самоубійствѣ, какъ черное облако, послѣдъ надъ моею умою...» Какъ видите, Печерникъ въ Москвѣ тогда окончательно «тошнелъ».

Глава IX.

ПЕРВЫЕ ЗАПАДНИКИ И ПРОСВѢТИТЕЛИ.

(Продолженіе).

Г. К. Котошихинъ.—Ю. Крижаничъ.

I. Г. К. Котошихинъ.

1.

Нѣсколько лѣтъ послѣ В. А. Нащокина,—въ концѣ 1664 г.,—бѣжалъ за границу дякъ посольскаго приказа Григорій Карповичъ Котошихинъ на котораго мнѣ приходилось ссылаться выше, говоря о «записи», взятой съ Михаила при его избраніи на престолъ, и о нѣкоторой заботливости Московскаго правительства по отношенію къ крѣпостнымъ крестьянамъ. Было бы натяжкой относить побѣгъ Котошихина всецѣло на счетъ идеальныхъ побужденій. Уже въ іюлѣ 1663 г. нѣкто Эберсъ, пріѣхавшій въ Москву по порученію шведскаго правительства, получилъ отъ Котошихина нѣкоторыя дипломатическія свѣдѣнія, хранившіяся въ тайнѣ. За эту услугу онъ вознаградилъ его деньгами (40 руб.). Такимъ образомъ передъ нами неоспоримый фактъ государственной измѣны. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ московскіе славянофилы жестоко порицали Котошихина за его поступокъ. И само собою разумѣется, что западники тоже никакъ не могли одобрить его измѣну. Однако, не говоря уже о томъ, что, по справедливому замѣчанію нѣкоторыхъ изслѣдователей, московское приказное сословіе вообще отличалось сомнительной нравственностью и охотно продавало свои услуги, не слѣдуетъ забывать, что Эберсъ въ донесеніи шведскому королю характеризовалъ Котошихина какъ человѣка, бывшаго, несмотря на русское происхожденіе, добрымъ шведомъ по своимъ симпатіямъ. Это похоже на то, что Эберсъ не смотрѣлъ на него просто, какъ на шпіона, руководившагося одними корыстными расчетами. Заслуживаетъ вниманія и тотъ фактъ, что еще раньше Котошихинъ былъ знакомъ съ ивангородскимъ (нарвскимъ) купцомъ Кузьмой Овчинниковымъ, состоявшимъ въ шведскомъ подданствѣ. Впослѣдствіи, уже бѣжавъ за границу, Григорій Кар-

понять, по его собственнымъ словамъ, увидѣть, что Овчинниковъ былъ «своимъ мужественнымъ духомъ преклоненъ къ службѣ его королевскаго величества». Нѣтъ основанія думать, что «преклоненіе» Овчинникова къ шведской службѣ возникло уже послѣ побѣга Котошихина. Вѣроятно, оно было налицо уже во время первой встрѣчи шведско-подданнаго россиянина съ московскимъ подьячимъ. А такъ какъ у Овчинникова не было никакой надобности скрывать свои шведскія симпатіи, то, можетъ быть, его-то вліяніе и способствовало тому, что у самого Котошихина явилось «преклоненіе» оказывать услуги шведамъ. Возможно, разумѣется, что Котошихинъ «преклонился» и подъ непосредственнымъ вліяніемъ шведскихъ дипломатовъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло уже начиная съ 1659 года. Наконецъ, вспомнимъ, что какъ разъ во время дипломатическихъ сношеній его со шведами съ нимъ случилась непріятность, осязательная даже для толстой московской кожи того времени. За невинную описку въ государевомъ титулѣ его наказали батогами. Въ то время, когда уже начался хотя бы и робкій, медленный поворотъ къ Западу, батоги могли способствовать пробужденію въ нѣкоторыхъ московскихъ головахъ критической мысли. Какъ нарочно, въ томъ же самомъ 1660 году, когда бѣдный подьячій отвѣдалъ московскихъ батогахъ, его два раза посылали съ дипломатическими бумагами въ Ревель, къ шведскому посольству. Наблюдая сравнительно мягкіе нравы шведовъ, Котошихинъ, спина котораго, навѣрно, еще хорошо помнила тогда твердость московскихъ батогахъ, могъ прійти къ заключеніямъ, не выгоднымъ для своей родины. Въ половинѣ слѣдующаго года онъ опять сносился со шведами, принимая участіе въ заключеніи Кардисскаго мира. По возвращеніи въ Москву, онъ испыталъ новую непріятность. Въ его отсутствіе у него отняли домъ со всѣми пожитками. «Все это сдѣлано,—говоритъ онъ въ своей автобіографической запискѣ ¹⁾—за вину моего отца, который былъ назначенъ въ одномъ московскомъ монастырѣ и терпѣлъ гоненія отъ думнаго дворянина Прокофья Елизарова, ложно обвиняго отца моего въ томъ, что будто онъ расточилъ ввѣренную ему казну монастырскую, что, впрочемъ, не подтвердилось, ибо по учиненіи розыска оказалось въ недочетѣ на отца моемъ только пять алтынь... несмотря на то, мнѣ, когда я вернулся изъ Кардиса, не возвратили моего имуществва, сколько я ни просилъ и ни заботился о томъ». Подобныя пропущенія тоже способны были навести на размышленія, не весьма лестныя для московскихъ порядковъ. Вскорѣ послѣ

¹⁾ «О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича». Изд. III. Спб. 1894. Стр. XVIII—XIX.

этого Котошихина опять отправили гонцомъ, и опять къ шведамъ. Тѣ приняли его очень хорошо и подарили ему два серебряныхъ бокала цѣною въ 304 далера. Не Богъ знаетъ, какіе цѣнные подарки! Но извѣстно, что лучше маленькій домъ, нежели большая болѣзнь. Въ Швеціи Котошихина награждали серебряными бокалами, хотя и не чрезвычайно цѣнными, а въ Москвѣ били батогами и разоряли. Впослѣдствіи самъ онъ утверждалъ, что желаніе поступить на шведскую службу возникло у него во время этого путешествія въ Стокгольмъ. Разъ явилось у него это желаніе, то выдача имъ государственныхъ тайнъ Эберсу могла быть въ самомъ дѣлѣ выраженіемъ искреннихъ симпатій его къ Швеціи. Повторяю, измѣна остается измѣной; но указываемыя мною обстоятельства проливаютъ свѣтъ на условія, вызвавшія склонность къ ней.

Обстоятельство, непосредственно предшествовавшее побѣгу Котошихина изъ Россіи, тоже заслуживаетъ большаго вниманія. Въ то время (1664 г.) Россія вела, какъ извѣстно, войну съ Польшею. Котошихинъ долженъ былъ состоять при войскахъ подъ начальствомъ царскихъ воеводъ. По доброму старому московскому обычаю, воеводы жестоко ссорились между собою и писали другъ на друга доносы въ Москву. Князь Юрій Долгорукій «уленчивалъ» Котошихина, чтобы тотъ поддержалъ доносъ его на князя Якова Черкаскаго. По той или по другой причинѣ Котошихинъ отказался сдѣлать это, чѣмъ, конечно, навлекъ на себя неудовольствіе князя Юрія. Тогда у него и сложилось окончательно намѣреніе покинуть родину. Вотъ какъ рассказываетъ онъ объ этомъ.

«Былъ въ такомъ затруднительномъ положеніи, сожалѣя о томъ, что не возвратился въ Москву съ княземъ Яковомъ, а еще болѣе горюя о худой удачѣ мѣй на службѣ царской, въ которой за вѣрность и усердіе награжденъ былъ при безвинномъ поруганіи моего отца, лишеніемъ дома и всего моего благосостоянія, и принимая во вниманіе, что если бы я вернулся къ Долгорукову въ армію, то меня, по всей вѣроятности, ожидали бы тамъ его злоба, истязанія и пытки, за неисполненіе мною его желанія повредить князю Якову, я рѣшился покинуть мое отечество, гдѣ не оставалось для меня никакой надежды» ¹⁾.

Черезъ Польшу Котошихинъ достигъ Швеціи, гдѣ былъ принятъ на государственную службу. Шведы сумѣли оцѣнить его вы-

¹⁾ Тамъ же, стр. XX—XXI. Забудьте, что о бѣгахъ онъ не упоминаетъ. Должно быть, ему стыдно было признаться шведамъ въ томъ, что на его долю выпало такое наказаніе.

дающіяся способности. Но не повезло ему и въ Швеціи. Въ августѣ 1667 г. онъ имѣлъ несчастіе подраться со своимъ пьянымъ домохозяиномъ, ревновавшимъ его къ своей женѣ. Котошихинъ смертельно ранитъ книжаломъ своего противника, за что и былъ казненъ. Шведскій его біографъ, Баркгузенъ, категорически говоритъ, что его преступленіе было непреднамеренное. Онъ называетъ Котошихина мужемъ несравненнаго ума (*ingenio incomparabili*) ¹⁾.

Въ своемъ презрительномъ отношеніи къ измѣннику славянофилы забывали спросить себя: почему же этотъ «мужъ несравненнаго ума» не ужился въ Москвѣ? Почему Москва не нашла приложенія для его богатыхъ способностей?

2.

Написанное Котошихинимъ сочиненіе о Россіи содержитъ въ себѣ много важнѣйшихъ данныхъ для характеристики Московскаго государства XVII вѣка. Съ точки зрѣнія исторіи русской общественной мысли, оно очень важно, какъ человѣческій документъ, свидѣтельствующій о томъ впечатлѣніи, которое производила допетровская Москва на способнаго русскаго человѣка, измѣннаго нѣкоторое понятіе о западно-европейской общественной жизни и не стоявшаго на высокихъ ступеняхъ общественной іерархіи.

Князь Ив. Хворостининъ упрекалъ московскихъ людей въ недостаткѣ правдивости. Котошихинъ осуждаетъ грубость ихъ «натуры», при чемъ объясняетъ ее отсутствіемъ въ нихъ «богобоязливости». Сообщивъ о томъ, что въ день погребенія московскихъ царей правительство освобождало изъ тюремъ преступниковъ, онъ восклицаетъ:

«Горе тогда людямъ, будущимъ при томъ погребеніи, потому что погребеніе бываетъ въ ночи, а народу бываетъ многое множество Московскихъ и прѣзжихъ изъ городовъ и изъ уѣздовъ; а Московскихъ людей натура не богобоязливая, съ мужеска пола и женска по улицамъ грабятъ платье и убиваютъ до смерти; и сыщется того дни, какъ бываетъ царю погребеніе, мертвыхъ людей убитыхъ и зарѣзанныхъ болши ста человѣкъ» ²⁾.

Живописень знаменитый отзывъ Котошихина о тѣхъ боярахъ, которые получали свое высокое званіе «не по разуму ихъ, но по

¹⁾ О Россіи и т. д., предисловіе, стр. XXV.

²⁾ О Россіи и т. д., стр. 23.

великой породѣ». Засѣдая въ государственной Думѣ, такіе бояре молчали, «брады свои уставя», потому что ничего не понимали въ дѣлахъ и часто были «грамотѣ не ученые и не студерованные» ¹⁾.

Котошихину трудно было помириться съ тѣмъ, что московскіе люди не учатся. Онъ хотѣлъ бы, чтобы учились не только мужчины, но и женщины. Рассказывая о приѣмѣ въ Москвѣ пословъ польскаго короля Яна-Казимира, онъ отмѣчаетъ, что они не были допущены къ царицѣ подъ предлогомъ ея болѣзни, хотя она была въ то время здорова. По этому случаю онъ ставитъ вопросъ: для чего такъ творять? Отвѣтъ гласитъ:

«Московского государства женской полѣ грамотѣ не ученые, и не обычай тому есть, а породнымъ разумомъ простоваты, и на отговоры несмыслены и стыдливы» ²⁾. Несмысленность и неумѣстная «стыдливость» московскаго женскаго пола заставляютъ нашего автора задуматься о томъ, откуда берутся эти непривлекательныя свойства. Онъ объясняетъ ихъ затворничествомъ московскихъ женщинъ высшаго круга: «Понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родственниковъ, чужіе люди никто ихъ, и они людей видѣти не могутъ—и потому мочно дознатца, отчегобы имъ быти гораздо разумнымъ и смѣлымъ. Такъ же какъ и замужъ выйдутъ, и ихъ потомужь люди видають мало». Неудивительно, значить, что царицѣ не совсѣмъ удобно было принимать польскихъ пословъ: «и толко бѣ царь въ то время учинилъ такъ, что Полскимъ посломъ велѣлъ бы быть у царицы своей на посолствѣ, а она бѣ выслушавъ посолство собою стѣбта не учинила бѣ никакого, и оттого пришло бѣ самому царю въ стыдѣ» ³⁾.

Въ предисловіи къ первому изданію книги Котошихина только что приведенное соображеніе его отмѣчено, какъ погрѣшность. «Не недостатокъ образованія, а освященный древностію обычай былъ,—сказано тамъ,—причиною, что царственные лица женскаго пола уклонялись отъ придворныхъ и другихъ публичныхъ обрядовъ, до временъ Петра Великаго». Въ доказательство авторъ предисловія ссылается на царевну Софію Алексѣевну, «объ умѣ которой не только Русскіе, но и иностранцы отзывались съ особенной похвалою» ⁴⁾. Но, во-первыхъ, у Котошихина рѣчь идетъ не столько объ умѣ московскихъ женщинъ, сколько объ ихъ образованіи. Во-вторыхъ, всѣмъ вѣдомо, что царевна Софія

¹⁾ Тамъ же, стр. 26—27.

²⁾ Тамъ же, стр. 63.

³⁾ Тамъ же, та же стр.

⁴⁾ Стр. XXV.

была рѣдкимъ исключеніемъ изъ общаго правила. Да и это исключеніе явилось лишь послѣ отъѣзда Котошихина за границу.

Принимая участіе въ посольствахъ, даровитый подьячій, должно быть, не разъ испытывалъ смущеніе и досаду при видѣ того, какъ дурно вели себя московскіе послы. Онъ пишетъ, что на сѣздахъ съ представителями иностранныхъ государствъ они говорили по наказамъ, какіе давались имъ изъ Москвы. Эти ихъ рѣчи записывались подьячими. Но къ тому, что было говорено на самомъ дѣлѣ, прибавлялось много другого, выставлявшаго посольскій «разумъ на обманство» съ цѣлью достать у царя честь и жалованье. И опять Котошихинъ ставитъ вопросъ: «для чего такъ творять?» И опять у него выходитъ, что творять главнымъ образомъ по своему необразованію.

«Россійскаго государства люди порою своею спесивы и необычайны ко всякому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ наученія никакого добраго не имѣютъ и не приемятъ, кромѣ спесивства и безстыдства и ненависти и неправды; и ненаученіемъ своимъ говорятъ многіе рѣчи къ противности, или скоростію своею къ подвижности, а потомъ въ тѣхъ своихъ словахъ временемъ запрутся и превращають на иные мысли; а что они какихъ словъ говоря запираются, и тое вину возлагають на переводчиковъ, будто измѣною толмачать» ¹⁾).

Котошихинъ писалъ свою книгу для освѣдомленія о Россіи иностранцевъ. И временами у него возникала боязнь, что его сообщенія о недостаткахъ московской жизни будутъ недовѣрчиво встрѣчены западными читателями. Тогда онъ начиналъ увѣрять ихъ въ своей правдивости. Вотъ, напримѣръ, сказавъ о необразованности московскихъ пословъ, онъ оговаривается:

«Благоразумный читателю! чтучи сего писанія, не удивляйся. Правда есть тому всему; понеже для науки и обычая в-ныне государства дѣтей своихъ не посылають, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣры и обычай, и вольность благую, начали бѣ свою вѣру отмѣнить и приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродичемъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили» ²⁾).

3

Молодые люди, посланные Борисомъ Годуновымъ для науки за границу, остались тамъ навсегда. Котошихинъ, навѣрно, слышалъ объ этомъ. Кромѣ того, онъ и по собственному опыту зналъ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 58.

²⁾ Тамъ же, та же стр.

какъ трудно выносить московскіе батоги, получивъ нѣкоторое понятіе о западной «вольности». Уже Курбскій упрекалъ московскаго царя въ томъ, что онъ лишилъ своихъ подданныхъ права свободного выѣзда за границу. Не нравится отсутствіе такого права и Котошихину. Онъ пишетъ:

«И о побѣдѣ Московскихъ людей, кромѣ тѣхъ, которые посылаются по указу царскому и для торговли съ проѣзжими, ни для какихъ дѣлъ ѣхати никому не позволено. А хотя торговые люди ѣздятъ для торговли въ наше государство, и по нимъ по знатныхъ нарочитыхъ людехъ собирають поручные записи, за крѣпкими поруками, что имъ съ товарами своими и съ животами въ нашихъ государствахъ не останиса, а возвратитися назадъ со всемъ. А который бы человекъ, князь или бояринъ, или кто-нибудь, самъ, или сына, или брата своего, послать для какого-нибудь дѣла въ иное государство безъ вѣдомости, не бивъ челомъ государю, и такому бѣ человеку за такое дѣло поставлено было въ измѣну, и вотчины и помѣстья и животы взяты бѣ были на царя; и ежели бѣ кто самъ поѣхалъ, а послѣ его остались сродственники, и ихъ бы пытали, не вѣдали ль они мысль сродственника своего; или бѣ кто послать сына, или брата, или племянника, и его потомужь пытали бѣ, для чего онъ послать въ иное государство, не напроваживаючи ль какихъ военныхъ людей на Московское государство, хотя государствомъ завладѣти, или для какого иного воровскаго умышленія по чьему наученію»¹⁾.

Измѣна измѣной, а фактъ тотъ, что Котошихинъ далъ вполне вѣрную, — хотя, конечно, безотрадную, — картину московскаго быта. Я думаю, что славянофилы хорошо сознавали это, и что въ особенности поэтому они такъ раздражительно отзывались о Котошихинѣ. Въ столь любезномъ славянофиламъ Московскомъ государствѣ не было даже намекъ на «вольность». Надо полагать, что если бы Котошихинъ написалъ программу нужныхъ Московскому государству реформъ, то на одномъ изъ самыхъ первыхъ ея мѣстъ онъ поставилъ бы болѣе или менѣе полную свободу передвиженія. Это требованіе было бы, пожалуй, крайнимъ предѣломъ его политическаго свободомыслія. Собственно въ политической области его критическая мысль, — какъ и мысль Хворостинина, — работала вло, почти цѣлкомъ сохраняя свою московскую неповоротливость. Разумѣется, онъ не одобрялъ жестокостей Ивана IV, котораго онъ называетъ не Грознымъ, а Гордымъ. По его словамъ, Иванъ Гордый правилъ своимъ государствомъ «въ ярости и во

¹⁾ Тамъ же, стр. 58—59.

злѣбѣ силѣ тиранскимъ обычаемъ» ¹⁾). Но «гордаго» царя Ивана осуждали за его тиранство очень многіе изъ тѣхъ московскихъ людей, которые равно ничего не имѣли противъ восточной, — «вотчинной», — монархіи. Стрѣки, посвященные Котошихинымъ судѣбѣ «записи», взятой съ Михаила, отнюдь не свидѣтельствуютъ объ ясности его политическаго мышленія. Онъ довольствуется тѣмъ сообщеніемъ, что при восшествіи Алексѣя ограничительная запись не была возобновлена въ виду его «тихаго» нрава. Онъ не спрашиваетъ себя, даетъ ли тихій нравъ неограниченнаго правителя достаточную гарантію управляемымъ. Кромѣ того, онъ не находитъ нужнымъ выяснить, что значитъ, — съ точки зрѣнія взаимныхъ политическихъ обязательствъ главы государства и его подданныхъ, — «обратить» царя на царство. Онъ цѣнитъ «вольность благую». Но онъ еще не понималъ, что она должна быть обезпечена опредѣленными политическими учрежденіями.

Наконецъ, вотъ еще одно проявленіе неопоротливости его политическаго мышленія. Желая объяснить, почему царь Алексѣй называется самодержцемъ, онъ указываетъ на то, что съ него не было взято ограничительной записи. Между тѣмъ, самъ же онъ говоритъ, что царь Михаилъ, давшій «запись», тоже писался самодержцемъ. Казалось бы, ему нетрудно было замѣтить, что если это такъ, то «писмо» не имѣло никакого отношенія къ происхожденію указаннаго титула. Но Котошихинъ мало интересовался вопросами этого рода.

Если онъ плохо понималъ значеніе опредѣленныхъ политическихъ нормъ, то онъ очень хорошо видѣлъ, что московская неволя страшно мѣшаетъ развитію производительныхъ силъ страны: тутъ онъ былъ настоящимъ западникомъ. «А въ Московскомъ государствѣ, — пишетъ онъ, — золота и серебра не родится, хотя въ Кривкахъ пишутъ, что русская земля на золото и на серебро урожайная, однако, сыскати не могутъ, а когда и сыщутъ, и то малое, и къ такому дѣлу Московскіе люди не промышлены; а иныхъ государствъ люди тѣ мѣста, гдѣ родится золото и серебро, смыскали бѣ, а не хотятъ къ тому дѣлу пристать, для того, что много потеряютъ на заводъ денегъ, а какъ они свой разумъ окажутъ, и потомъ ихъ ни во что промыслъ и заводъ поставятъ и отъ дѣла отлучатъ» ²⁾.

Такъ вѣдь оно и было. Когда московское правительство признавало за благо «отписать на царя» имущество того или другого обывателя, этотъ послѣдній лишень былъ всякой законной воз-

¹⁾ Тамъ же, стр. 1.

²⁾ Тамъ же, стр. 111.

возможности отстоять его. И, конечно, это не могло способствовать ни развитію предпріимчивости въ московскомъ населеніи, ни привлеченію въ страну чужеземныхъ капиталовъ.

А. Н. Пыпинъ справедливо замѣтилъ, что ошибочно изображать Котошихина какимъ-то единичнымъ и злонамѣреннымъ отрицателемъ благоустроеннаго московскаго порядка. По части отрицательнаго отношенія къ этому порядку у даровитаго подьячаго были свои предшественники. Въ предыдущей главѣ читатель познакомился съ двумя предшественниками Котошихина.

II. Юрій Крижаничъ.

1.

Хворостининъ, Ординъ-Нащокинъ и Котошихинъ являются представителями западнаго,—въ тогдашней Москвѣ еще только зарождавшагося,—направленія русской общественной мысли. Въ лицѣ Юрія Крижанича мы имѣемъ дѣло съ не менѣе новымъ тогда славянофильскимъ, точнѣе,—панславистскимъ, направленіемъ. Не слѣдуетъ однако, думать, что панславизмъ Крижанича имѣетъ много общаго съ нашимъ позднѣйшимъ панславизмомъ или славянофильствомъ.

Крижаничъ не былъ природнымъ жителемъ московскаго государства¹⁾. Онъ пришелъ,—по его выраженію,—жить подъ крыломъ милости русскаго царя, руководимый своей горячей любовью къ славянскому племени. Ему хотѣлось поселиться среди того народа, который одинъ изъ всѣхъ отраслей великаго славянскаго племени былъ не «подверженъ» чужеземцамъ: «ляховъ» онъ считалъ уже совершенно подчинившимися иностранному вліянію. Въ Москвѣ онъ собирался составить грамматику и лексиконъ славянскаго языка, а также написать русскую исторію. Наконецъ, онъ надѣялся, какъ видно, попасть ко двору и, благодаря своимъ обширнымъ и разнообразнымъ знаніямъ, сдѣлаться царскимъ совѣтникомъ. Онъ много писалъ; но для насъ здѣсь важно его незаконченное сочиненіе, посвященное политикѣ (Политичныя Думы)²⁾.

¹⁾ Онъ родился (въ 1617 г.) въ Хорватіи; учился въ католической духовной семинаріи въ Вѣнѣ; въ 1646—50 гг. жилъ въ Московскомъ государствѣ, въ 1660 г. опять пріѣхалъ туда, а въ слѣдующее время сосланъ въ Tobolskъ, гдѣ пробылъ до 1676 г., умеръ послѣ 1680 г.

²⁾ Оно было открыто и, въ нѣсколько сокращенныхъ видѣ, издано П. Безсоновымъ въ приложеніи къ нѣсколькимъ номерамъ «Русской Бесѣды» за 1859 годъ.

Трудно сказать, въ какомъ видѣ представлялась Крижаничу русская жизнь до его пріѣзда въ Москву. Но мы ясно видимъ, что его московскія впечатлѣнія были не изъ пріятныхъ.

Неутомимый защитникъ славянства и непримиримый противникъ «нѣмцевъ», онъ горько упрекалъ иностранныхъ путешественниковъ въ томъ, что они писали о московскомъ народѣ «срамныя солганныя повѣсти». Но при этомъ онъ самъ былъ вынужденъ признать, что не все ложь въ «срамныхъ повѣстяхъ». Вотъ печальный примѣръ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не устарѣвшій. «Да бы ты, Борисе, весь широкій свѣтъ кругомъ обшелъ, нигдѣ не бы нашелъ тако мерзкаго, гнуснаго и страшнаго пьянства, яко здѣсь на Руси» ¹⁾. Непріятно поразили Крижанича москвичи также своею «неумѣтельностью», «обманливостью» и вытекающей изъ нея недовѣрчивостью ²⁾. Вообще, весьма много «несподобій» замѣтилъ онъ въ людяхъ московскаго государства. Но нашъ панславистъ утѣшалъ себя тѣмъ соображеніемъ, что замѣченные имъ крупныя недостатки московскаго народа происходятъ не отъ «уроженія» и не отъ вѣры,—какъ это утверждаютъ, по его словамъ, инородцы,—а отъ «злаго законоставія». О «русакахъ» говорятъ, что они не дѣлають ничего хорошаго иначе, какъ изъ-подъ палки; «нѣмцы» объясняютъ это скотской природой «русаковъ» ³⁾. Крижаничъ съ жаромъ восклицаетъ по этому поводу, что «то есть сама (т. е. одна.—Г. П.) ложь». Если многіе «русаки» поступаютъ хорошо не изъ любви къ добру, а изъ страха наказанія, то причина этого лежитъ въ московскомъ «крутомъ владаніи», вѣдѣствіе котораго сама жизнь становится имъ «мерзкой». Попади въ такія условія нѣмецкій или любой другой

¹⁾ Въ указанномъ сочиненіи Крижаничъ мѣстами излагаетъ свои мысли въ формѣ діалога между Борисомъ,—знателемъ Московскаго государства, мало свидущимъ въ наукахъ,—и Херономъ, славяниномъ, отличающемся значительнымъ образованіемъ и выражающимъ взгляды автора.

²⁾ «Разумъ наши туны и руки неумѣтельны». Впрочемъ, это послѣднее замѣчаніе относится у него ко всему славянству. Русскіе, поляки и весь «словенскій» народъ не вѣдутъ «дѣлаеаго торгованія» ни на сушѣ, ни на морѣ. «Сами ариѳметикомъ не учятся наши торговцы. Зато инородцы торговцы легко насъ прехитряють и обманяють (обманываютъ) нещадно во всяко время». (Крижаничъ пишетъ на славянскомъ нарѣчіи, представляющемъ собою странную, порой малоовнятную смесь изъ словъ и формъ разныхъ славянскихъ языковъ).

³⁾ Безъ сомнѣнія, Крижаничъ имѣетъ здѣсь въ виду слѣдующія слова Омерія: «Подобно тому, какъ русскіе по природѣ жестокосерды и какъ бы рождены для рабства, изъ и приходится держать постоянно подъ жестокими и суровыми ярмомъ и принужденіемъ и постоянно поспѣвать къ работѣ, пребывая въ побояхъ и бичахъ». («Описаніе», стр. 194—195).

народъ,—у него возникнутъ подобные же или еще худшіе недостатки. Главнымъ источникомъ злыхъ въ Московскомъ государствѣ служить, по мнѣнію Крижанича, именно «крутое владаніе». При умѣренномъ «владаніи» государство это было бы вдвое болѣе населеннымъ. «Крутое владаніе» болѣе препятствуетъ умноженію населенія, нежели стихійныя бѣдствія ¹⁾. Эти мысли Крижанича о послѣдствіяхъ «крутого владанія» напоминаютъ извѣстный афоризмъ Монтескье: «*Les pays sont cultivés non en raison de leur fertilité, mais en raison de leur liberté*». Крижаничъ, по всей вѣроятности, вполне согласился бы въ этомъ случаѣ съ авторомъ «*Esprit des lois*»; хотя, какъ это понятно само собою, онъ не могъ бы сойтись съ нимъ въ опредѣленіи понятія свободы.

Непріятно поразило Крижанича отсутствіе правосудія въ Московскомъ государствѣ. Онъ объяснялъ его тѣмъ, что служба приказныхъ очень плохо оплачивалась. Но, понимая причину зла, онъ все же не могъ помириться съ нимъ. По его словамъ, положеніе было таково, что каждый представитель учреждений, на обязанности которыхъ лежала охрана собственности, какъ будто говорилъ ворами: «воруйте, братцы, слободню, разбійте, крадите, и мнѣ дѣль (долю) приносите: и все вамъ будетъ просто (прощено)». Въ виду этого Крижаничъ удивлялся не тому, что въ Москвѣ было много воровъ и разбойниковъ, а тому, что тамъ еще могли жить «люди праведны».

Убѣдившись въ томъ, что самая главная бѣда «русаковъ» заключается въ свойственномъ ихъ государствѣ «крутомъ владаніи» и «зломъ законоставіи», Крижаничъ намѣтилъ цѣлую программу реформъ.

Ключевскій сказалъ, что, читая выработанный имъ проектъ преобразованій, невольно воскликнешь: «Да это программа Петра Великаго, даже съ ея недостатками и противорѣчіями» ²⁾. Это и такъ, и очень не такъ. Программа Крижанича, въ самомъ дѣлѣ, во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ программу Петра. Подобно Петру, онъ придавалъ огромное значеніе развитію производительныхъ силъ страны. Онъ твердилъ, что въ бѣдной странѣ бѣденъ и государь. Мало того, онъ хотѣлъ, чтобы правительство было внимательно къ низшему слою населенія: «гдѣ бо суть черныяки многи и богаты, тамо и краль и властели да бояры есуть (т.-е. суть) богаты и сильны». Это замѣчаніе ученаго хорвата напоминаетъ слова основателя физиократической школы въ политиче-

¹⁾ «Моръ, глады, и война, не чинятъ долгия пустоши: во по протеченію мала годовъ, опять ся земля наполнитъ жителемъ».

²⁾ Курскъ, ч. III, стр. 325—326.

ской экономии Франсуа Кенэ: «*rauvres pausans, rauvre gouашне; rauvre gouашне, rauvre гоі*». Такую же мысль мы встрѣтимъ въ книгѣ современника Петра, крестьянина Посошкова «О скудости и богатствѣ». Наличие этой мысли въ книгѣ Посошкова дала нѣкоторымъ нашимъ писателямъ мнимое основаніе хвастливо утверждать, что въ Россіи предвосхищено было одно изъ величайшихъ открытій западно-европейской экономической науки. Говорить такіе пустяки можно было только при полномъ незнаніи исторіи политической экономіи и экономической политики западно-европейскихъ государствъ. То «открытіе», что государь бѣденъ тамъ, гдѣ бѣдно трудящееся населеніе страны, сдѣлано было «инородными» гораздо раньше, нежели его усвоили себѣ славянскіе писатели. И не подлежитъ сомнѣнію, что у «инородныхъ» оно стало извѣстно теоретикамъ уже послѣ того, какъ къ нему пришли люди практики: именно тѣ, обязанностью и интересомъ которыхъ было наполненіе казеннаго ящика. Самъ Крижаничъ слѣдующимъ образомъ поясняетъ, почему правительство должно заботиться о благосостояніи трудящейся массы: «краль¹⁾, властели и бояры, тако имавуть справлять черняковъ, да будутъ могли всегда что отъ нихъ взять». Тутъ ясно, что и для него дѣло не столько въ «чернякахъ», сколько въ возможности «взять»²⁾. Впослѣдствіи теорема: «бѣдность трудящейся массы обусловливаетъ собой бѣдность страны» перестала соответствовать экономической дѣйствительности. Соціалисты справедливо говорили, что матеріальное положеніе трудящейся массы хуже всего какъ разъ въ богатыхъ странахъ. И мы увидимъ, что самому Крижаничу пришлось отмѣтить въ своей книгѣ это мнимо парадоксальное явленіе. Но въ его время развитіе капитализма только еще начинало опровергать, самымъ ходомъ своимъ, указанную теорему. Поэтому ее признавали и повторяли въ Западной Европѣ очень многіе теоретики и практики. У нихъ заимствовали ее и «сербиницъ» Юрій Иваницъ, какъ называли Крижанича московскіе люди. Но какъ бы

1) Государя Крижаничъ вездѣ называетъ *кральемъ*, считая это названіе гораздо болѣе почетнымъ, нежели — *царь*.

2) Осенью 1726 г. Меншиковъ, Остерманъ, Макаровъ и Волковъ, въ отвѣтъ на вопросы, поставленные членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, подали записку, гдѣ, между другими мѣтніями, мы находимъ слѣдующее: «Если армія такъ нужна, что безъ нея государству стоять невозможно, то и о крестьянахъ надобно имѣть попеченіе, потому что солдаты съ крестьянствомъ связаны, какъ дуна съ тѣломъ, и когда крестьянина не будетъ, то не будетъ и солдата» (Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. IV, стр. 887). Отсюда какъ нельзя болѣе ясно видно, почему заботились бюрократы, — когда въ самомъ дѣлѣ заботились, — о «чернякахъ».

тамъ ни было, онъ настоятельно совѣтовалъ развивать производительныя силы московской земли и въ этомъ отношеніи дѣйствительно сходилъ съ Петромъ. На вопросъ, какое государство можно назвать богатымъ, онъ отвѣчалъ, что богато то, въ которомъ много золота, серебра и иныхъ рудъ; еще богаче то, которое изобилуетъ матеріалами для одежды и «вещми въ ѣденію и къ питію пригожими»; всѣхъ же богаче и сильнѣе то, гдѣ развито «всяко рукодѣліе», гдѣ процвѣтаетъ морская торговля. Это мы видимъ въ Англичанской и въ Брабанской землѣ (т. е. въ Нидерландахъ.—Г. Н.). Тутъ съ нимъ вполне сошелся бы Петръ, ѣздившій учиться въ Голландію.

2.

Но дальше начинается важное различіе. Между тѣмъ какъ Петръ любилъ «инородныхъ» и привлекалъ ихъ въ свое государство, Крижаничъ ихъ терпѣть не могъ: онъ проповѣдывалъ «гостогонство»,—иначе «ксенеласію»,—и «запертіе рубежей». Онъ утверждалъ, что нашему народу выгоденъ и нуженъ «предобный законъ», воспрепятствующій подданнымъ московскаго государя снискаться по чужимъ землямъ, а «всякимъ инородникомъ прехажать и разглядать нашихъ державъ». Онъ до такой степени дорожилъ «запертіемъ», что относилъ его къ числу «основательныхъ столповъ и подпоръ» Московской Руси, на ряду съ православной вѣрой, самодержавіемъ, нераздѣльностью государства и народной независимостью. Въ этомъ отношеніи Крижаничъ сильно отстаивалъ не только отъ Котошихина, но и отъ Курбскаго, который, какъ помнитъ читатель, ставилъ въ вину Ивану IV, между прочимъ, это самое «запертіе рубежей». Склонность Крижанича къ «запертію» находится въ примомъ и рѣзкомъ противорѣчіи съ его заботами о развитіи производительныхъ силъ страны, ради котораго онъ совѣтовалъ вызывать въ Россію изъ-за границы, хотя бы и за большую плату, хорошихъ ремесленниковъ для обученія русскихъ людей. Точно такъ же взгляды Крижанича на крупную торговлю, какъ на одно изъ необходимыхъ условій развитія народнаго богатства, довольно плохо уживался съ другимъ его взглядомъ, согласно которому торговцы являются «бездѣльниками и хлѣбогубцами», вслѣдствіе чего правительство имѣетъ право меньше церемониться съ ними, нежели съ какимъ бы то ни было другимъ классомъ населенія. Подобныя противорѣчія, очень странныя въ такомъ образованномъ человѣкѣ, отчасти объясняются, пожалуй, тѣмъ, что его главное сочиненіе дошло до насъ не вполне

обработаннымъ. Занимаясь окончательной его отдѣлкой, Крижаничъ, можетъ быть, сумѣлъ бы изложить свои взгляды въ такомъ видѣ, что они перестали бы казаться намъ несогласными или, по крайней мѣрѣ, очень трудно согласимыми между собой ¹⁾. Но если это и такъ, то, во всякомъ случаѣ, «запертіе» и крайне рѣзкіе отзывы о торговцахъ дѣлаютъ сомнительнымъ полное тождество программы Крижанича съ программой Петра. Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, — и это, конечно, самое главное, — что Крижаничъ со-всѣмъ не такъ, какъ Петръ, относился къ важнѣйшимъ особенностямъ московскаго общественнаго быта.

Онъ писалъ, что король есть Божій намѣстникъ и «живое законодавіе»; что его власть не ограничена, а дѣйствія не подлежатъ суду человѣческому; наконецъ, что король имѣетъ право собственности на все находящееся въ его государствѣ. Встрѣчаясь у него съ такими взглядами, начинаешь думать, что противъ его политическаго ученія ничего не возразилъ бы самъ Иванъ Грозный. Но очень скоро убѣждаешься, что самодержавіе Грознаго представлялось Крижаничу злѣйшей тираніей, а этотъ убѣжденный сторонникъ самодержавія былъ непримиримымъ врагомъ тираніи. На вопросъ москвитянина Бориса: «что есть тирани?» западный славянинъ Хервой со страстью отвѣчаетъ въ одномъ изъ его діалоговъ: «тиранъ есть разбойникъ народный, не боясь суда, ни муки. Есть катъ безъ судца и закона. Есть человѣкъ, кій есть заверголь (отвергъ) человѣчество. Есть чертъ въ тѣло видно облеченъ. Могель бо бы одною своею рѣчію неконечно добро учинить... а не хочетъ. А нашимъ языкомъ тирани слыветъ людодерещъ». Тирани — волкъ, а король долженъ быть пастыремъ. Честь короля выше всѣхъ видовъ чести «подъ небомъ», а тиранство есть самая большая «королевская срамота». Крижаничъ указывалъ на Грознаго, какъ на самаго жестокаго «людодерца», дѣйствія котораго вызвали къ небу о «помощи» ²⁾. Нашъ «сербиниъ» былъ увѣренъ, что пресѣченіе династїи Рюрика явилось Божиимъ наказаніемъ за «людодерство» царя Ивана Васильевича. Конечно, такое рѣшительное порицаніе жестокостей Ивана IV само по себѣ еще

¹⁾ Я допускаю также возможность разбѣить указанныя противорѣчія Крижанича тѣмъ предположеніемъ, что его терминъ не всегда точно соответствовалъ его мысли. Такъ, «запертіе рубешевъ» могло, въ концѣ-концовъ, означать у него лишь крайне неудачно выраженное убѣжденіе въ необходимости некровопролитнаго тарифа для развитія національной промышленности. Это послѣднее убѣжденіе у него дѣйствительно было. Для примѣра укажу на раздѣлъ 2: «Объ ремеслахъ», въ приложеніи къ № 1 «Русской Бесѣды» 1859 г., стр. 34, гдѣ Крижаничъ разсуждаетъ, какъ разсуждалъ впоследствии Фридрихъ Листъ.

²⁾ Онъ «еще былъ зачальный въ сему кругу гладыиъ».

не представляло бы чего-нибудь оригинального. Мы видѣли, что всѣ московскія попытки брать съ государей записи вызваны были желаніемъ предупредить повтореніе такихъ жестокостей. Но Крижаничъ не ограничивался ненавистью къ «людодерству». Его понятіе о неограниченной власти государя существенно отличалось отъ ходячаго взгляда на нее жителей Московскаго государства. Недаромъ онъ говорилъ, что царская доброта «при злыхъ законехъ не ко-рыстна». Въ высшей степени замѣчательно, что этотъ рѣшитель-ный защитникъ самодержавія, утверждавшій, что даже ненавист-ное ему «людодерство» лучше охлократіи ¹⁾, считалъ нужнымъ положить извѣстные предѣлы для «кралеской» власти. Онъ гово-рилъ, что «всеконечная область» (т.-е. безпредѣльная власть) супротивна божьему и уроженному законоставію, т.-е. законамъ бога и природы. Богъ даетъ власть на созиданіе, а не на разоре-ніе. А природа «повѣдаеть» намъ, что «не кралества зарадь кралевъ, но крали зарадь кралестовъ есуть поставлены». — «И сія рѣчи не груститъ ми ся множе кратъ повторять: а бо бы ю морали крали (т.-е. се должны были бы короли) много кратъ въ мысли обращать».

Согласно ученію сербенина Юрія, кралевская власть имѣетъ тройное происхожденіе. Она можетъ быть получена по наслѣд-ству, завоевана или вручена данному лицу народомъ ²⁾. Такъ какъ очевидно, что завоеватель властвуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока завоеванные не станутъ сильнѣе его, то, въ сущности, остается только два законныхъ источника власти. Но по наслѣдству никто не можетъ передать больше того, чѣмъ самъ имѣетъ. Волѣд-ствіе этого кралевская власть не можетъ законно выходить за предѣлы, которые ставятъ ей «избиральники». Эти же послѣдніе не могли дать кралю право по своему произволу дѣлать добро или зло: «продать, отчужить, спустошить, разорить». И хотя разъ выбранный государь не подлежитъ человѣческому суду, но онъ все-таки грѣшитъ противъ Бога и природы, когда нарушаетъ естественныя права своихъ подданныхъ. Это напоминаетъ то, — думаю, уже вполнѣ хорошо извѣстное читателямъ — различеніе, которое дѣлалъ Боденъ между «вотчинной монархіей» и монар-хіей европейской.

Правда, каждый по-своему истолковываетъ волю Бога и при-роды; поэтому ссылка на нее всегда оставляетъ неопредѣленнымъ

¹⁾ Т.-е. что тиранія одного лица все-таки лучше тираніи народа.

²⁾ Лѣтописный рассказъ о призваніи князей представляется Крижаничу главной «басней». Онъ рассуждаетъ такъ: князей признали будто бы потому, что страдали отъ междоусобій. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же признали не одного князя, а цѣлыхъ трехъ? Славяне не могли сдѣлать такую глупость.

какъ разъ то, что требуется опредѣлить. Но мысль Крижанича удачно дополняется ходомъ его разсужденій.

Онъ приводитъ, передавая ихъ своимъ самодѣльнымъ славянскимъ языкомъ, слова, сказанныя израильтянамъ пророкомъ Самуиломъ: «Вашіе сыны хочетъ краль емаѣ: и творить себѣ копнниковъ, и предотечъ, и войводѣ: вашіе нивы, и винограды хочетъ емаѣ: и давать слугамъ своимъ: вашіе рабы и рабыни и скотъ емаѣ: и поставлять въ дѣло свое. Вашіе сѣтны и стада обдесятинить¹⁾: и давать слугамъ своимъ. И вы будете ему рабы». Слова эти легко могутъ быть истолкованы, какъ доводъ отъ Писанія въ пользу деспотизма. Но у нашего автора они приобрѣтають совершенно другое значеніе.

«Израильтяны,—говоритъ онъ,—тогда бяху запросили крали отъ Бога, недовольны будучъ Самуиломъ судьемъ и пророкомъ, мужемъ святымъ, коего имъ Богъ быше наставилъ. За то разсерженъ Господь естъ заповѣдалъ пронзѣявить имъ тяготы, которыя имаше чинить краль». Нѣкоторыя изъ дѣйствій, перечисленныхъ Самуиломъ, какъ возможные дѣйствія будущаго короля, кажутся Крижаничу явно неправильными, напр., отнятіе у подданныхъ принадлежащихъ имъ нивъ, виноградниковъ и скота. Онъ ссылается на Ахава, который, по разсказу Библии, тщетно пытался купить у Навота его виноградникъ. Если бы израильскій краль имѣлъ право отнимать у подданныхъ ихъ имущество, то онъ силой отобралъ бы поправившійся ему виноградникъ, послѣ того, какъ Навотъ отказался добровольно уступить его. Но Ахавъ этого не сдѣлалъ, «забо тоя области (власти) не имаше»: по совѣту жены онъ сталъ судиться съ Навотомъ, выставивъ противъ него лже-свидѣтелей.

Разсказавъ о поступкѣ Ахава, Крижаничъ дипломатично прибавляетъ, что ему неизвѣстно, какъ поступили бы въ подобномъ случаѣ нынѣшніе крали. Конечно, онъ не могъ не знать, что московскіе государи не вели судебныхъ споровъ со своими «холопами» и сиротами, а безцеремонно отписывали на себя ихъ имущество, если только находили это почему-либо полезнымъ или просто пріятнымъ. Но онъ счелъ благоразумнымъ умолчать объ этомъ. Зато съ турецкимъ султаномъ и съ персидскимъ шахомъ,—короче, съ восточными деспотами,—онъ не находилъ нужнымъ стѣсняться. О нихъ у него прямо сказано, что они грабятъ своихъ подданныхъ. И не только грабятъ подданныхъ: они и дѣтей своихъ убиваютъ «будто по закону», приказывая считать это праведнымъ. Мы не должны подражать имъ, утверждаетъ сербенинъ.

¹⁾ Т.-е. взымать съ нихъ подать, известную подъ именемъ десетины.

Все это было написано *ad usum delphini* и все это значить, что нашему автору хотѣлось бы европеизовать Московское государство, заставивъ его отказаться отъ обычаевъ и, — что гораздо важнѣе, — отъ учреждений, свойственныхъ восточнымъ деспотіямъ.

3.

Безъ всякаго сомнѣнія, идеаломъ для Крижанича служило французское королевство. Онъ прямо говоритъ, что самымъ славнымъ и счастливымъ изъ всѣхъ является то государство, въ которомъ не только развиты ремесла и торговля, но «и добры суть законы: якоже видимъ быть во Франскомъ краѣлеству»¹⁾. Велѣдствіе этого своего пристрастія къ французскому политическому строю онъ истолковывалъ законы Бога и природы въ томъ же смыслѣ, въ какомъ прежде него истолковывалъ ихъ Боденъ. Петръ Великій не призналъ бы такого толкованія. Онъ всѣми силами души стоялъ за «вотчинную монархію», или, — чтобы употребить здѣсь выраженіе Крижанича, — за «крутое владаніе»²⁾.

Программа реформъ Крижанича изложена имъ въ воображаемомъ обращеніи московскаго царя къ жителямъ своей страны. Прежде всего царь заявляетъ, что въ его землѣ до сихъ поръ не было «добрыхъ законовъ», и что онъ желаетъ восполнить этотъ недостатокъ. «Хочемъ, — говоритъ онъ, — всякому стану и ряду людей дать сподобныя слободины: тако да всѣ будутъ своимъ жребіемъ и станомъ довольны».

По словамъ царя, онъ пересмотрѣлъ «законоставіе» разныхъ государствъ, — греческаго, французскаго, испанскаго, нѣмецкаго, польскаго, — и, выбравъ оттуда годные законы, рѣшилъ «щедро подаровать» ихъ своимъ подданнымъ. Прежде, чѣмъ говорить о содержаніи этихъ годныхъ законовъ, обратимъ вниманіе на формальную сторону законодательной утопіи Крижанича.

¹⁾ Приложение къ № 1 «Рус. В.» на указ. годъ, стр. 7. Курскъ нантъ.

²⁾ «Въ основнѣ теоріи Іоанна Грознаго, если отбросить ее отъ личныхъ и временныхъ вліяній, лежали давнія преданія русской исторіи. Политическая жизнь сѣверо-восточной Россіи уже до Іоанна сложилась подъ вліяніемъ многихъ условий, создавшихъ гораздо ранѣе, не потерявшихъ всей своей силы и послѣ реформы Петра, не исчезнувшихъ совершенно и въ наше время». («В. Н. Татищевъ и его время» В. Н. Погова. Москва. Стр. 67). Въ 1861 году, когда появилось сочиненіе Н. Погова, слова эти требовали еготораи разнѣ лишь въ томъ смыслѣ, что до Грознаго политическая жизнь сѣверо-восточной Руси еще только стремилась принять тотъ видъ, который послѣ него безъ всякихъ серьезныхъ перемѣнъ существовала до «нашего времени» включительно.

Извѣстно, что въ началѣ 1649 года закончилось составленіе Уложения, при выработкѣ котораго московское правительство пересматривало «законоставіе» разныхъ государствъ. Кромѣ московскаго царскаго Судебника, оно обращалось, между прочимъ, ко второй части Коричей книги, заключающей въ себѣ кодексы и законы греческихъ царей, и къ Литовскому Статуту 1588 года. Изъ этого видно, что въ своей утопіи Крижаничъ заставлялъ царя поступать приблизительно такъ, какъ поступало московское правительство въ своей кодификаціонной работѣ. Крижаничъ не забылъ даже греческаго «законоставія». Но на самомъ дѣлѣ онъ имѣлъ въ виду не греческій и ужъ въ особенности не польскій и не германскій политическій порядокъ. Какъ сказано мною выше, Крижанича больше всего привлекала къ себѣ французская монархія. Неудивительно поэтому, что царь преимущественно ссылается у него на французовъ да еще, пожалуй, на испанцевъ, у которыхъ высшее сословіе имѣетъ «пристойныя слободины» ¹⁾).

Составленный нашимъ авторомъ проектъ «слободинъ» касается, главнымъ образомъ, высшихъ классовъ.

Духовенство будетъ изъято изъ вѣдѣнія приказовъ и мірскихъ судовъ. Кромѣ того, оно освобождается «отъ работъ и отъ поборовъ всякихъ». Служилое сословіе будетъ раздѣлено на три ряда или стана. Именитые люди перваго стана будутъ называться князьями. Каждый изъ нихъ получитъ въ свою власть одинъ укрѣпленный городъ и одинъ острогъ. Царю «видится», что достаточно будетъ двѣнадцати князей. Служилые люди второго стана названы будутъ боярами, а люди третьяго, — «непристойно» называвшіеся до тѣхъ поръ боярскими дѣтьми, — племянниками. Всѣ эти три стана вмѣстѣ будутъ именоваться вѣрными слугами, дворянами и племенитыми людьми, но не холопами ²⁾. Принадлежащіе къ нимъ служилые люди «да ся не зовутъ уменьшальными именми, Борко, Владко; но цѣлыми именми, Борисъ, Владимиръ». Царь запрещаетъ имъ бить челомъ, т.-е. кланяться до земли; «таковъ поклонъ да ся чинить единому Богу и святымъ Иконамъ; а людямъ да ся не чинить». Переставъ быть холопами своего государя, служилые люди навѣки увольня-

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ своимъ поданнымъ, на этотъ разъ по-латыни „Quas autem et quales vobis dabimus Libertates? Nempe liberalissimas. Dabimus enim vobis omnes peno illas libertates, quibus gaudent quicunque Europae populi: quantum eas non rescire potuimus, et quantum expedit saluti, ac felici statui huius regni et totius populi“.

²⁾ Какъ читатель помнитъ, еще Боденъ говорилъ, что въ «зотчинныхъ монархіяхъ» служилые люди являются холопами своихъ государей, а въ европейскихъ монархіяхъ этого нѣтъ.

ются «отъ Каутыя, отъ Батожыя, и отъ Остуднаго казненія (позорящаго наказанія), яково есть, Питнаніе; носа, ушесъ, рукъ Отрѣзаніе». Ихъ наказаніемъ будетъ: тюрьма, отставленіе отъ должности, ссылка и т. п. Царь обѣщаетъ освободить ихъ отъ всякихъ холопскихъ работъ и повинностей.

По мнѣнію Крижанича, всѣ эти «слободины» не только не повредятъ королевской власти, но пойдутъ ей на пользу. Въ благоустроенныхъ западныхъ государствахъ не позволяютъ себѣ никакого «нечестія» ни народъ, ни войско. Въ этихъ государствахъ верховная власть прочіѣе, нежели въ Турціи, гдѣ, при отсутствіи свободъ, государь подчиненъ «простыхъ пѣшихъ стрѣльцевъ глуподержію». Въ то время, когда Крижаничъ писалъ свой проектъ реформъ, у всѣхъ московскихъ людей еще живы были въ памяти впечатлѣнія, вынесенныя ими изъ «бунташнаго времени». Поэтому онъ изображаетъ проектируемыя имъ «слободины» отчасти, какъ гарантію противъ народныхъ возстаній.

Слѣдуя примѣру западныхъ государствъ, царь устанавливаетъ зодѣлимость имѣній своихъ князей и властителей: «да са и вашія отчины и помѣстія не дѣлятся»¹⁾.

Города получаютъ въ проектѣ Крижанича извѣстное самоуправленіе; ремесленники организуются въ цехи и избавляются отъ принудительныхъ работъ на государство²⁾. Но,—слѣдуетъ замѣтить это,—права, даруемыя торгово-промышленному классу, значительно меньше, нежели «слободины», достающіяся на долю служилыхъ людей. Нашъ авторъ находитъ, что не слѣдуетъ давать торговцамъ вольности навсегда (*in perpetuum*), «но подъ именемъ Временнаго жалованія, кое са всегда можетъ отнять». Считая торговцевъ «хлѣбогубцами и бездѣльниками», Крижаничъ, естественно, не видѣлъ надобности церемониться съ ними. Царь говоритъ у него: «Межу иными пакъ народными и земскими пожитки еденъ есть, Добытокъ изъ торговства. Сію адда Корысть (будучъ она велика и изрядна) мы есмо объявили и объявляемъ быть нашу»³⁾. Это какъ будто рѣзко противорѣчитъ сужденію Крижанича о поступкѣ Ахава съ Навотомъ. Но, объявляя торговую «Корысть» «нашей», царь хочетъ сказать лишь то, что за нимъ остается право дѣлать своей монополіей выгоднѣйшія отрасли торговли. Какъ мы уже слышали отъ М. Н. Покровскаго,

1) Впрочемъ, и въ Московскомъ государствѣ помѣстія могли дѣлиться лишь съ согласия правительства.

2) «Ремесленниковъ никто не смѣетъ злословить, никто на поукыни (принудительныя) работы пригнать». Крижаничъ считаетъ давать свободу тѣмъ дѣтямъ холоповъ, которые научатся какому-нибудь «мудрому ремеслу».

3) Тамъ же, стр. 65.

въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка царь широко пользовался такимъ правомъ. Вполнѣ одобряя это, Крижаничъ говорить, что торговли есть дѣло хорошее, почетное и даже «прямо королевское», когда ведется не для личной выгоды, а для общей народной пользы. Такимъ образомъ, царскія торговыя монополіи являются въ его глазахъ средствомъ удовлетворенія народной,—т.-е., собственно, государственной,—потребности. Но необходимость прибѣгать къ этому средству удовлетворенія государственныхъ потребностей поставлена у него въ причинную связь съ экономической неразвитостью Московскаго государства. Не занимаются торговлей, по его словамъ, тѣ государи, подданные которыхъ достаточно сильны для того, чтобы собственными средствами вести обширныя торговыя предпріятія. Но и эти короли очень заботятся объ интересахъ торговли: «при всемъ томъ Фряжескій (французскій) король неустойно (постоянно) держитъ великаго посла въ Цареграду, а Англичанскій король посланника, для ради единого торговства своихъ подданныхъ. А Хиспанскій и Португальскій крали, для ради своего и своихъ подданныхъ торговства, высылають на море всѣ свои ратныя силы, на спроважаніе Индійскихъ плутовъ (флотовъ)» ¹⁾.

4.

Эти ссылки на заботливую охрану французскимъ, английскимъ, испанскимъ и португальскимъ королями торговыхъ интересовъ своихъ подданныхъ показываютъ, что вышеприведенный рѣзкій отзывъ Крижанича о купцахъ («бездѣльники и хлѣбогубцы») не мѣшалъ ему понимать важное значеніе торговли въ экономической жизни цивилизованныхъ государствъ. При всемъ томъ неоспоримо, что онъ надѣлялъ ихъ въ своемъ проектѣ значительно меньшими «слободинами», нежели служилыхъ людей. Еще меньше правъ сузилъ его проектъ крестьянамъ (кметамъ, текакамъ, чернякамъ). Крижаничъ заявляетъ: «Черняки да си не привлацають слободъ (не присваивають свободъ)». Они должны быть готовы «къ данемъ и къ инымъ тяготамъ, на всяку королеву заповѣдь, за всякую королевства потребу». Это, какъ видитъ читатель, не очень завидная участь. Но Крижаничъ утверждаетъ, что таково положеніе низшаго класса во всѣхъ европейскихъ странахъ. Заговоривъ объ этомъ положеніи, онъ дѣлаетъ чрезвычайно важное для исторіи теоріи замѣчаніе, идущее

¹⁾ Тамъ же, I, стр. 10—11.

прарѣзъ съ его, уже знакомымъ читателю, правиломъ: гдѣ бы суть черняки многи и богаты, тамо и кразь и властели да бояры есуть богаты и сильны». Теперь мы узнаемъ отъ него, что, хотя зажиточные люди живутъ лучше и обильнѣе въ богатыхъ странахъ, но положеніе земледѣльцевъ и бѣдныхъ горожанъ, занимающихся ремеслами («кон ся ручнымъ дѣломъ животятъ»), много лучше въ бѣдномъ Московскомъ государствѣ. Крижаничъ объясняетъ это тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ западныхъ странахъ, напримѣръ, въ Швейцаріи, каменистая почва гораздо хуже вознаграждаетъ трудъ земледѣльца, а также тѣмъ, что въ богатыхъ странахъ значительная часть населенія не свѣтъ для себя хлѣба, вслѣдствіе чего «круто нужно (очень бѣдно) живетъ». За границей, по его словамъ, есть мѣстности, гдѣ люди питаются хлѣбомъ, болѣе похожимъ на землю, чѣмъ на настоящий хлѣбъ. На Руси же самые бѣдные жители ѣдятъ хорошій хлѣбъ, рыбу и мясо и пьютъ если не пиво, то, по крайней мѣрѣ, квасъ. Этотъ благоприятный для Московской Руси отзывъ могъ быть подсказанъ желаніемъ порадовать ея правителей, для которыхъ, собственно, и предназначалось сочиненіе Крижанича. И нельзя не признать, что «сербенинъ Юрій Ивановичъ» въ слишкомъ отрадномъ видѣ изобразилъ экономическое положеніе великорусскаго народа. Но была и правда въ нарисованной имъ картинѣ. Въ такихъ странахъ, гдѣ преобладаетъ натуральное хозяйство, предметы первой необходимости, въ родѣ хлѣба и мяса, гораздо доступнѣе для населенія, нежели въ странахъ, отличающихся значительнымъ развитіемъ товарнаго обмена ¹⁾. Мы знаемъ теперь, что раздѣленіе общественнаго труда въ западной Европѣ сопровождалось обѣднѣніемъ трудящейся массы. Такимъ образомъ была, повторяю, неоспоримая истина въ указанномъ противопоставленіи Московской Руси Западу. Крижаничъ былъ первымъ, по времени, писателемъ, сдѣлавшимъ такое противопоставленіе въ книгѣ, предназначавшейся хотя бы и для неболь-

¹⁾ Афрагій Палицынъ сообщаетъ, что въ Смутное время собирѣся безчисленно расхищаемо всякаго хлѣба, и давняя житница не истощена, и поля ехпрудъ стоишу, гунны же превозмозены одоной и коношъ и зародоу до чотырезнадесяти лѣтъ отъ омятенія во всей Русской землѣ, и питахуся вси отпоу старыми труды; а раніе бо и сѣятва и жатва княжесю, мочю бо на выи у всѣхъ всегда надежашу». (Русская Истор. Библ., т. XIII, стр. 481). Само собою разумѣется, что въ передовыхъ странахъ Запада дѣло обстоило уже совсѣмъ не такъ. Правда, и въ Московскомъ государствѣ товарный обменъ сдѣлалъ въ теченіе XVII в. довольно значительные успѣхи. Но все относительно. По сравненію съ Западомъ Московская Русь, безспорно, и тогда оставалась страной натурального хозяйства.

ного числа русских людей. Это противопоставление создавало достаточное логическое основание для постановки вопроса о томъ, не грѣшатъ ли противъ народа тѣ, которые заботятся о развитіи производительныхъ силъ страны? У самого Крижанича такой вопросъ не возникалъ, да и не могъ возникнуть ни по общимъ условіямъ той эпохи, ни по особенностямъ его личнаго настроенія: горячій панславистъ и убѣжденный противникъ деспотизма, Юрій Ивановичъ не отличался очень большимъ народолюбіемъ. Но русской интеллигенціи XIX вѣка, сильно дорожившей интересами трудящейся массы, пришлось затратить едва ли не наибольшую часть своихъ умственныхъ силъ на рѣшеніе этого «проклятаго вопроса».

Крижаничъ говоритъ еще, что «въ вѣконхъ околныхъ державахъ» боярскіе и военные люди могутъ безнаказанно обижать крестьянъ. Это, повидимому, намекъ на Рѣчь Посполитую. Но какъ ни справедливъ этотъ намекъ самъ по себѣ, невозможно допустить, чтобы Крижаничъ не зналъ, какъ сильно страдали «те-жаки» Московскаго государства отъ всевозможныхъ насилій со стороны высшихъ сословій. Стало быть, тутъ онъ опять писалъ *ad usum delphini*.

Награжденные «слободинами» подданные московскаго царя присягаютъ ему на вѣрность. Крижаничъ предусмотрительно составилъ для нихъ длиннѣйшую формулу присяги. Въ свою очередь, король клянется соблюдать права своихъ подданныхъ: «да мы и наши наступники будемъ должны (предъ королевскимъ нашимъ вѣчаніемъ) присягою себѣ обязать: еже хотимъ вамъ, нашимъ вѣрнымъ подданникомъ, неподвижно обдержавать сія всія слободины, коя мы вамъ сада даемъ и даруемъ» ¹⁾.

Это второе обязательство было совсѣмъ не въ духѣ московской вотчинной монархіи. Когда, въ январѣ 1654 года, Богданъ Хмельницкій, принеся присягу на подданство московскому царю, попросилъ царскаго посла, боярина Бутурлина, присягнуть за государя въ томъ, что не будутъ нарушены вольности малороссійскаго народа, то получилъ отъ него такой отвѣтъ: «Въ Московскомъ государствѣ прежнимъ великимъ государямъ нашимъ присягали ихъ государскіе подданные, также и великому государю царю Алексею Михайловичу клянутся служить и прямиъ и всякаго добра хо-

¹⁾ Курень въ подлинникѣ. «Русское государство въ половинѣ XVII в.», приложение къ кн. IV «Русской Бесѣды» за 1859 г., стр. 36.

тѣтъ; а того, что за великаго государя присягать, никогда не бывало и впредь не будетъ; тебѣ, гетману, и говорить объ этомъ не пристойно, потому что всякій подданный повиненъ присягнуть своему государю».

5.

П. Безсоновъ упрекалъ Крижанича въ томъ, что онъ «въ самой стойкости основныхъ народныхъ началъ готовъ видѣть козность, препятствіе къ развитію, и хотѣтъ бы переломить ихъ упорство, и самыя начала пустить въ ходъ переработки» ¹⁾. Дѣйствительно «хотѣлъ бы!» Читатель видѣлъ, что выработанный Крижаничемъ планъ реформъ направленъ былъ на превращеніе Московскаго государства изъ восточной—въ неограниченную монархію западно-европейскаго (французскаго) склада. Теперь пора отмѣтить, что, отстаивая православіе (*vera fides*), Крижаничъ имѣлъ въ виду римскій католицизмъ, а не греко-россійское вѣроисповѣданіе, явившееся въ его глазахъ не болѣе какъ «схизмой». Точно такъ же и представленіе Крижанича о русской народности далеко не покрывается представленіемъ о ней московскихъ, — «официальныхъ» и неофициальныхъ, — славянофиловъ XIX столѣтія. Говоря о народности, эти славянофилы имѣли въ виду собственно великорусское племя съ тѣми особенностями его быта и его общественно-политическихъ воззрѣній, которыя развились и упрочились, преимущественно, въ теченіе московскаго періода русской исторіи. А Крижаничъ сплошь и рядомъ смотрѣлъ на эти особенности, какъ на «несподобія», унижающія русскій народъ и въ корнѣ подрывающія его благосостояніе. Людямъ Московскаго государства онъ охотно указывалъ, какъ на примѣры, достойныя подражанія, на малороссовъ и на бѣлоруссовъ. Это показываетъ, что его взглядъ на русскую народность былъ значительно шире взгляда нашихъ позднѣйшихъ славянофиловъ и нашихъ нынѣшнихъ украинофиловъ.

Позднѣйшіе славянофилы могли только рукоплескать Крижаничу, встрѣчая у него такія строки: «*nihil potest esse perniciosius alicui genti et regno, quam cum homines fastidiunt aut deserunt suos bonos mores, leges, instituta, et linguam; et assumunt alienos*

¹⁾ Предисловіе въ сочиненію Крижанича, стр. XXVI приложенія къ «Русской Бесѣдѣ», № 1 за указ. годъ.

mores, et linguas; et conantur se transformare in aliam gentem¹⁾). Должна была правиться имъ и его склонность къ «гостогонству» («ксенеласіи» тожъ). Но совершенно ясно, что если бы Московская Русь осуществила преобразовательную программу такъ долго занимавшаго насъ хорватскаго панслависта XVII вѣка, то у нея очень мало осталось бы отъ тѣхъ основныхъ «началь», которыя приводили въ умиленіе московскихъ славянофиловъ XIX столѣтія. Въ своемъ отношеніи къ социально-политическому строю Московскаго государства («крутому владанію») Крижаничъ былъ западникомъ, между тѣмъ какъ Петръ I, реформу котораго такъ превозносили наши западники и такъ порицали наши славянофилы, самъ являлся чистокровнымъ славянофиломъ въ томъ смыслѣ, какой это слово приобрѣло у насъ въ XIX вѣкѣ.

Съ Петромъ Крижанича сближаетъ,—кромѣ отмѣченной выше заботы о развитіи производительныхъ силъ,—еще ненависть къ «бездѣлникамъ». До такой степени сближаетъ, что, вопреки своему настойчивому желанію передѣлать политическій строй Московскаго государства на французскій ладъ, Крижаничъ сохранилъ въ своемъ проектѣ тягловой характеръ этого государства. Высшій классъ несетъ, въ его проектѣ реформъ, обязательную государственную службу. Исключеніемъ изъ этого общаго правила является лишь даваемое князьямъ позволеніе выходить въ отставку, прослуживъ всего нѣсколько лѣтъ. Этимъ отчасти предвосхищается въ проектѣ Крижанича та «слободина», которой постепенно добилось для себя все русское дворянство въ слѣдующемъ вѣкѣ.

«Сочиненіе Котошихина,—говоритъ Ключевскій,—не было никѣмъ прочитано въ Россіи до четвертаго десятилѣтія минувшаго (т. е. XIX.—Г. II.) вѣка, когда его нашелъ въ библіотекѣ Упсальскаго университета одинъ русскій профессоръ. Книга Крижанича была «на верху», во дворцѣ, у царей Алексѣя и Федора; списки ея находились у вліятельныхъ приверженцевъ царевны Софьи, Медѣдева и кн. В. Голицына; кажется, при царѣ Федорѣ ее собирались даже напечатать»²⁾. Однако, только—собирались; книга осталась ненапечатанной. Подобными фактами опредѣляются размѣры вліянія, какое могли имѣть въ тогдашнемъ Московскомъ государствѣ люди, несомнѣнно, представляющіе собою родо-

¹⁾ «Ничего не можетъ быть гибельнѣе для нѣвѣстнаго народа и государства, какъ если люди оставляютъ въ пренебреженіи или совсѣмъ покидаютъ добрые нравы, законы, учрежденія, измѣтъ своей родины и воспринимаютъ нравы чуждые, рѣчи чуждую, стараются преобразить себя въ народъ чуждый». (Переводъ П. Безсонова).

²⁾ Курсъ III, стр. 328—329.

начальниковъ русской «интеллигенціи». Размѣры эти были до послѣдней степени узки ¹⁾. О непосредственномъ воздѣйствіи на общественную жизнь родоначальникамъ русской «интеллигенціи» нельзя было и думать: у нихъ не было аудиторіи, составляющей необходимое условіе воздѣйствія этого рода; оставалось заботиться о посредственномъ,—т.-е., косвенномъ,—воздѣйствіи. Наиболѣе производительнымъ его видомъ должно было представляться воздѣйствіе черезъ посредство верховной власти. Неограниченный монархъ легко можетъ, если захочетъ, перестроить жизнь своего народа согласно указаніямъ разума. Такъ разсуждали люди, не имѣвшіе понятія о дѣйствительныхъ причинахъ общественнаго развитія. Поэтому для нихъ вопросъ долженъ былъ сводиться лишь къ тому, захочетъ ли данный неограниченный монархъ выступить въ роли преобразователя. Первымъ московскимъ западникамъ это представлялось до такой степени невѣроятнымъ, что они, испытывая непреодолимую «тошноту» у себя дома, бѣжали или только собирались бѣжать за границу, а не то—искали спасенія отъ безобразной дѣйствительности за монастырскими стѣнами. Но Крижаничъ вѣрилъ въ возможность коренной реформы сверху, и потому смѣло обращался къ московскому государю. «О Царю,—восклицалъ онъ,—ты въ рукахъ держишь Чудотворный Моисеевъ Прутъ (жезлъ): и можешь нимъ творить дивна во владаніи чуда». Съ помощью Моисеева прута московскій государь можетъ «легко поправить всякую сказу и поблудокъ (порчу и ошибку), аще бы ся въ немъ нашло кое нерадіе въ народныхъ справахъ (дѣлахъ)».

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, что надежда на «Моисеевъ Прутъ» временами исчезала въ русской интеллигенціи, а временами воскресала съ новой силой. Мы не безъ удивленія встрѣтимся съ ней въ нѣкоторыхъ заграничныхъ произведеніяхъ А. И. Герцена и въ нѣкоторыхъ легальныхъ статьяхъ Н. К. Михайловскаго.

Выше было сказано, что Крижаничъ прожилъ довольно долгое время въ сибирской ссылкѣ. Читатель, любящій историческія сблуженія, отмѣтитъ, пожалуй, что съ этой стороны судьба «сербина Юрія Иваныча», питающаго такую твѣдую вѣру въ «Моисеевъ

¹⁾ Въ 1648 г. собранъ «Книга о вѣрѣ», составленный игуменомъ Кіевскаго Михайловскаго монастыря Назаромъ и изданный въ Москѣ «тѣлательствомъ» царскаго духовника Стефана Вонифатова, разошелся въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ въ 800 экземплярахъ (В. А. Келтула, назв. соч., ч. I, кн. 2-я, стр. 844). Значитъ, Москва не отказывалась читать то, что было ей по плечу.

сеевъ Прутѣ», преобразуютъ собою судьбу большого числа русскихъ «интеллигентовъ».

Но это мимоходомъ. Я предпочитаю сдѣлать сближеніе другого рода.

Бѣлинскій писалъ въ статьѣ «Мысли и замѣтки о русской литературѣ», что литература эта «положила начало внутреннему сближенію сословій, образовала родъ общественнаго мнѣнія и произвела нѣчто въ родѣ особеннаго класса въ обществѣ, который отъ обыкновеннаго средняго сословія отличается тѣмъ, что состоитъ не изъ купечества и мѣщанства только, но изъ людей всѣхъ сословій, сблизившихся между собою черезъ образованіе, которое у насъ исключительно сосредоточивается на любви къ литературѣ» ¹⁾.

«Особенный классъ въ обществѣ», созданный, по словамъ Бѣлинскаго, литературой, и есть та русская интеллигенція, родоначальниками которой выступаютъ передъ нами въ XVII в. люди, въ родѣ И. А. Хворостинина, В. А. Ордина-Нащокина, Г. К. Котошихина и даже Юрія Крижанича, хотя этотъ послѣдній и не былъ природнымъ россияниномъ. На самомъ дѣлѣ, цѣлаго общественнаго класса интеллигенція у насъ никогда не составляла, да и нигдѣ не можетъ составлять. Это былъ лишь тонкій общественный слой; но этотъ тонкій слой сыграть важную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія. Бѣлинскій былъ правъ, говоря, что къ этому слою принадлежали люди всѣхъ сословій, сблизившіеся между собою черезъ образованіе. Но вѣрная мысль нложена имъ въ неправильной перспективѣ: по его словамъ, «классъ», созданный въ Россіи литературой, состоитъ не только изъ купечества и мѣщанства, но—и т. д. Выходитъ, какъ будто купечество и мѣщанство составляютъ ядро этого «класса». Однако, въ XVII вѣкѣ мы совсѣмъ не видимъ между родоначальниками русской интеллигенціи людей купеческаго и мѣщанскаго происхожденія. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ столѣтій купечество и мѣщанство давали своихъ представителей въ ряды интеллигенціи, но вплоть до 60-хъ годовъ XIX вѣка, когда выступили разночинцы, они оставались тамъ въ меньшинствѣ ²⁾. Этимъ русская интеллигенція отличалась, напр., отъ французской, гдѣ издавна преобладали люди того сословія, которое у Бѣлинскаго названо среднимъ, а во Франціи носило названіе третьяго (tier état). И это понятно. Мы уже знаемъ, что во Франціи

¹⁾ Сочиненія, т. XII. Москва, 1882. Стр. 243.

²⁾ Представители собственно купечества и до сихъ поръ, какъ извѣстно, весьма немногочисленны.

монархическая власть, въ своей борьбѣ съ феодалами, опиралась, преимущественно, на третье сословіе. Этимъ относительнымъ различіемъ двухъ историческихъ процессовъ объясняется и только что указанное мною различіе въ составѣ интеллигенціи Россіи, съ одной стороны, и Франціи—съ другой. Ниже мы увидимъ, какимъ образомъ относительное своеобразіе соціального состава русской интеллигенціи, обусловленное относительнымъ своеобразіемъ русскаго историческаго процесса, отразилась на дальнѣйшемъ ходѣ развитія русской общественной мысли.
